

**ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР СИСТЕМНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ИШК ЮФУ и ИСПИ РАН**

ЮЖНОРОССИЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ВЫПУСК 66

И.П. ДОБАЕВ

**ТЕРРОРИЗМ И АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ЮГЕ РОССИИ**

Учебное пособие

МОСКВА - РОСТОВ-НА-ДОНУ

Социально-гуманитарные знания

2011

ББК 66. 3(2Рос)3 _____
Д 55

Рецензенты:

— Акаев В.Х., доктор философских наук, профессор
— Черноус В.В., кандидат политических наук, профессор

Д 55 Добаев И.П. Терроризм и
антитеррористическая деятельность на Юге
России. — Москва - Ростов-на-Дону:
Социально-гуманитарные знания, 2011. — _
с.

Учебное пособие посвящено актуальным проблемам современного терроризма и вопросам совершенствования антитеррористической деятельности на Юге России.

Адресуется ученым-исламоведам, востоковедам, кавказоведам, регионоведам, государственным служащим.

ISBN 978-5-91604-003-6

© ЦСРИиП ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН

© Добаев И.П., 2011

Оглавление

<i>Введение</i>	4
<i>Глава 1. Современный терроризм: социально-политическое явление эпохи глобализации</i>	
1.1. Терроризм: сущность, идеология, политическая практика.....	
1.2. Радикальный исламизм как идеология религиозно-политического экстремизма и терроризма.....	
1.3. Современное террористическое движение на Юге России.....	
1.4. Опыт противодействия терроризму в мире и в России.....	
<i>Глава 2. Общегосударственная система противодействия терроризму в России</i>	
2.1. Общегосударственная система противодействия терроризму в РФ....	
2.2. Внутренние конфликтогенные факторы подпитки терроризма на Юге России.....	
2.3. Терроризм и геополитика на Юге России.....	
2.4. Стратегии совершенствования общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации.....	
<i>Глава 3. Национальная система противодействия международному терроризму.</i>	
3.1. Развитие национальной системы противодействия терроризму в России....	
3.2. Основные направления борьбы с радикальным исламистским движением в идеологической сфере: мировой опыт.....	
3.3. Международное сотрудничество в борьбе с финансированием терроризма.....	
3.4. Методика оценки динамики террористических угроз и намерений: международный опыт.....	
<i>Глава 4. Информационное обеспечение противодействия терроризму..</i>	
4.1. Информационные войны: теория и практика.....	1
4.2. «Цветные революции» в контексте теории и практики информационных войн.....	2
4.3. Неправительственные религиозно-политические организации в информационных войнах на Юге России: геополитический аспект	3

4.4. Стратегии информационного обеспечения противодействия терроризму на Юге России.....	4
<i>Заключение</i>	
<i>Глоссарий</i>	
<i>Список использованных источников и литературы</i>	

Введение

Современный терроризм выделяется по многим своим характеристикам от терроризма прошлых эпох. Его отличительными чертами стали, прежде всего, цели и задачи, сформулированные в соответствующих доктринах некоторыми лидерами экстремистских религиозно-политических партий, движений и группировок. Если учесть такую особенность нынешнего этапа развития терроризма, как тотальное включение в его идеологические доктрины радикального исламистского компонента, то конечная цель радикалов носит поистине глобальный характер, и заключается в исламизации всего мира, или, как минимум, воссоздании исламского государства – Халифата – на обширных территориях проживания мусульман.

Разумеется, такие планы находят противодействие не только со стороны немусульман, но и собственно мусульман, которые не желают возвращения в мир средневековья. Поэтому для реализации своих глобальных намерений радикальные исламисты основательно разработали два главных идеологических конструкта – такфир (обвинение в неверии) и джихад (священная война за веру), понимаемый исламистами как борьба с «врагами ислама» до окончательной победы. При этом под «врагами ислама» понимаются не только все неверные, но и те мусульмане, которые не разделяют целей радикальных исламистов (т.н. «отступники» и «лицемеры»). В

свою очередь, джихад, в отрыве от мусульманской ортодоксии, трактуется как вооруженная (газават) и даже наступательная борьба с «врагами».

В 1990-х эта борьба, которую провозгласили ведущие экстремистские группировки исламистов, создавшие в 1998 г. в Кандагаре (Афганистан) т.н. «Международный фронт джихада» (МФД), осуществлялась практически открыто, фронтально, а исламисты превратили Афганистан в свою опорную базу. После 11 сентября 2001 г. началась международная антитеррористическая кампания, в результате чего основные силы исламистов были сломлены, а их остатки перешли исключительно к диверсионно-террористической стадии ведения боевых действий.

В этот же период времени аналогичный процесс фиксировался и в северокавказском регионе России, где фронтальные группировки «моджахедов» по тем же причинам трансформировались в сетевые структуры террористов. Одновременно начал развиваться процесс «растекания джихада» по всему Северному Кавказу, а основной центр борьбы сместился в города и населенные пункты. В 2007 г. очередным лидером сепаратистов Д. Умаровым было провозглашено создание «исламского государства» - т.н. «Имарата Кавказ» и его боевого крыла – т.н. «северокавказского фронта», включивших в свои рамки все территории республик региона, и заявивших свои претензии на ряд других территорий Российской Федерации.

Антитеррористическая борьба в России прошла ряд этапов. Знаковым явился 2006 г., именно тогда сложилась современная общегосударственная система противодействия терроризму, которую возглавил Национальный антитеррористический комитет, а в субъектах РФ были созданы соответствующие антитеррористические структуры. В России последовательно совершенствуется антитеррористическое законодательство, укрепляются силовые структуры и спецслужбы, ведется борьба с выявлением и пресечением каналов финансовой подпитки терроризма, отрабатываются способы противодействия идеологии экстремистов. Иначе говоря, поскольку современный терроризм постоянно изменяется, принимая порой самые неожиданные формы, то и общегосударственная система противодействия

терроризму должна неукоснительно совершенствоваться, работать на опережение.

Однако события последних лет свидетельствуют, что сделанного недостаточно, а к современному терроризму следует подходить не как к обычному уголовному преступлению, но как к сложному и многомерному социально-политическому явлению, детерминируемому многими внутренними конфликтогенными факторами и паразитирующему на них негативному внешнему влиянию. Безусловно, такой подход требует задействования всех ресурсов государства и российского общества, но, как представляется, он верен и перспективен.

Глава I. Современный терроризм: социально-политическое явление эпохи глобализации

1.1. Современный терроризм: сущность, идеология, политическая практика

Вышедший в конце XX в. на мировую арену качественно новый, неизвестный ранее транснациональный терроризм, зачастую имеющий исламистскую окраску, безусловно, был предопределен процессами глобализации и установления нового мирового порядка. Курс на однополярную глобализацию, осуществляемый в интересах Запада, прежде всего США, является явной угрозой гармоничному развитию человечества, традиционных конфессий и национальных культур. Глобализация по-американски разрушает традиционный жизненный уклад, подрывает основы веры, внедряет в общество нормы и штампы, несовместимые с исламскими представлениями о благочестии, негативно влияет на молодое поколение, отрывая его от веры отцов, от нравственных и культурных корней¹. Рассматривая ход мирового политического процесса под таким углом зрения, становится очевидным, что современный терроризм представляет собой системный вызов складывающемуся однополярному мироустройству при «глобальном лидерстве США»².

Неудивительно поэтому, что одной из форм противодействия цивилизационному натиску Запада, оформленному сегодня в «жесткие» и «мягкие» формы войны против других цивилизаций, стало появление и разрастание «нового терроризма» - глобального и транснационального, - с

¹ Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. С. 377.

² См. об этом: Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004.

одной стороны, и одновременно регионального и даже локального, - с другой. Образование в своей совокупности мощных разветвленных структур террористов, их активизация, стали причинами разработки аналитиками некоторых государств концепции, отождествляющей терроризм с войной. Так, автор авторитетного информационно-аналитического справочника по негосударственным военизированным системам «Четвертая мировая война» Джангир Арас предложил следующее определение данного феномена: «Терроризм – самостоятельная военно-политическая категория, особый вид войны, компонент политической культуры и направление идейного мировоззрения, включающий силовые и иные представляющие угрозу мотивированные действия, проявления и тенденции со стороны организованных структур, действующих вне формата государства»³.

Одновременно следует подчеркнуть, что терроризм представляет собой идеологию (идеологическую доктрину) и основанную на ней политическую практику (так же, как и в случаях с понятиями «радикализм», «экстремизм», «сепаратизм», «национализм» и т.д.). Без идеологической составляющей, без наличия определенного интереса (политического, экономического и т.д.), терроризм уже не был бы терроризмом, превратившись в заурядное уголовно-криминальное действие⁴. Причем идеологическая составляющая терроризма носит именно террористический, а не экстремистский или радикальный характер⁵.

Террористические группировки рождаются и функционируют вне поля правового регулирования и способны пронизывать все общество. Они могут развиваться и функционировать в любой – нейтральной, дружественной или враждебной – среде и создавать свою инфраструктуру на транстерриториальной основе, опираясь на современные коммуникативные технологии, легальные и нелегальные методы мобилизации и использования людских ресурсов. Они накрепко спаяны общей идеологией, какую бы окраску

³ Арас Джангир. Четвертая мировая война. М.: Изд-во АСТ, 2003. С. 10.

⁴ Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия / Под ред. А.В. Малашенко. Ростов н/Дону: Ростиздат, 2005. С. 40.

⁵ См. об этом: Добаев И.П. Радикальные идеологии в исламе: история и современность // Ислам в России: Взгляд из регионов / Науч. ред. А.В. Малашенко. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 35-64.

она не принимала (яркий пример – человеконенавистническая идеология радикального исламизма, которая делит мир на «своих – единопольников» и «чужих – врагов ислама» - И.Д.), что снимает проблему оправдания человеческих жертв, способствует жесткости внутренней организации и повышению уровня ее конспиративности.

Сегодня терроризм следует рассматривать в контексте общемировых политических реалий. Нынешний мир таков, что, миновав открытое военное противостояние и «холодную войну», международное «сосуществование» входит в новую эпоху – эпоху информационных, или даже сетевых войн. Действительно, «новый терроризм» отличается от прежних форм терроризма не только идеологически, но и организационно, поскольку напрямую связан с концепцией т.н. «сетевой войны», впервые выдвинутой в 1996 г. сотрудниками RAND Corporation Джоном Аквиллой и Дэвидом Ронфельтом⁶.

Практически изначально концепция «сетевой войны» подразумевала решающую роль информации в будущих военных конфликтах, а ключом к успеху считалось достижение информационного превосходства. В таком контексте «сетевая война» подразумевает создание децентрализованной сети «информационно оснащенных бойцов», способных обеспечить решительную бескровную победу путем направленного уничтожения ключевых «нервных центров» - систем управления противника⁷.

Несколько позже эти же авторы развили идею построения вооруженных сил на сетевой основе в концепции «роения» (swarming). Под ним понимают внешне аморфные, но тщательно структурированные и скоординированные действия разнородных сил с различных направлений и на всю глубину территории противника⁸. Такие действия, по мнению разработчиков концепции, будут наиболее эффективными в случае скоординированного взаимодействия множества мелких самостоятельных маневренных подразделений.

⁶ Arguilla J., Ronfeldt D. The Advent of Netwar / In Athena's Camp: Preparing for Conflict in Information Age // RAND Corporation. 1997. P. 275.

⁷ Бедрицкий А.А. Эволюция американской концепции информационной войны // Аналитические обзоры Российского института стратегических исследований. М., 2003. № 3. С. 20.

⁸ Arguilla J., Ronfeldt D. Swarming and Future of Conflict // RAND Corporation. National Defense research Institute. 2000. P. 4.

Однако военные достижения в области «сетевой войны» были быстро усвоены современными террористическими организациями и группировками (многие из них, в частности «Аль-Каида», «Талибан» и др. возникли при содействии спецслужб США и дружественных им государств). Ряд террористических организаций, усвоив последние военные достижения в области «сетевой войны», начали строить свои организационные структуры по типу «паучьей сети», обладающей повышенной устойчивостью к внешним воздействиям и гибкостью, от стратегии фронтальных сражений перешли к террористической тактике «пчелиного роя». При этом элементами сетевых структур становятся как самостоятельные группы, так и отдельные индивидуумы. Они могут объединяться для выполнения конкретных задач и временно прерывать свою деятельность после их выполнения, не подвергая опасности существование всей сети.

Стратегия деятельности этих организаций базируется на принципах, сформулированных в свое время одним из лидеров египетской «Джихад ислами» и «Аль-Каиды» - Айманом аз-Завахири, который обозначил их следующим образом: необходимо создавать небольшие группы, которые наиболее пригодны в борьбе против врага; как одно из самых эффективных орудий следует использовать «готовность моджахедов к самопожертвованию»; каждый регион и страна требует выработки адекватной стратегии ведения джихада⁹.

Каждая группа, партия, структура современного террористического движения предельно автономна и нередко даже атомизирована. Члены ячейки, состоящей из трех-пяти человек, знают только своего руководителя, который, в свою очередь, знаком только лишь с непосредственным руководителем. Очень часто группировка, партия представляют собой сложное «многопрофильное» объединение, в которое входят политическое, экономическое (финансовое) звенья и подразделение «прямого действия», иначе говоря, непосредственные исполнители терактов. Его состав непостоянен¹⁰. Наличие в террористической

⁹ См. об этом подробнее: Ражбадинов М.З. Радикальный исламизм в Египте. М., 2003.

¹⁰ Малашенко А.В. Бродит ли призрак «исламской угрозы»? // Московский Центр Карнеги. Рабочие материалы. М., 2004. № 2. С. 12.

группировке собственной финансовой составляющей снижает ее зависимость от внешнего спонсора. Это, например, ослабляет их зависимость от государств-спонсоров, в частности от Саудовской Аравии, что делает действия террористов еще более непредсказуемыми. Этим директор американского ФБР Роберт С. Мюллер объясняет, в частности, высокую мобильность и адаптивность «Аль-Каиды» (а, следовательно, всей террористической сети)¹¹.

В результате управленческая пирамида нынешних террористических организаций становится все более сглаженной, входящие в нее отдельные группы могут действовать почти автономно и даже существовать раздельно. Например, структура «Аль-Каиды» в настоящее время состоит из ряда слабосвязанных друг с другом субъектов действия. Сегодня «Аль-Каида» - это, скорее всего, родовое название любой исламистской группы, стоящей на антиамериканских позициях. Подобные образования имеются не только в мусульманском мире, но везде, где есть мусульманские общины. Расследование, проведенное ФБР в отношении теракта 11 сентября 2001 г., пришло к выводу, что одной из основных причин успеха террористов стало то, что исполнители терактов до этого были совершенно не известны в мире радикального ислама. Все угонщики никогда не привлекались к уголовной ответственности, не были связаны с политическими партиями, многие происходили из обеспеченных семей. Следствие пришло к выводу, что они действовали небольшой автономной группой и не были связаны с террористами в какой-либо стране¹².

В силу слабой иерархической связи в организациях, подобных «Аль-Каиде», им трудно проводить операции стратегического плана с подключением всех имеющихся у террористов сил и средств. Вместе с тем, отсутствие четко выраженного единого центра создает большие сложности и для силовых структур в плане уничтожения всей организации.

Таким образом, основные черты «нового терроризма», нередко прикрывающегося исламом, являющегося продуктом глобализационных процессов и углубившегося социально-экономического расслоения в современном мире, заключаются в следующем¹³: *структурно он не замыкается в рамках одного региона; деятельность отдельных*

¹¹ Testimony of Robert S. Mueller, III Director of Federal Bureau of Investigation before the Select Committee on Intelligence of the United States Senate. 2004. Feb. 24. P. 2.

¹² Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия.- Ростов н/Дону, 2005. С. 27.

¹³ Об основных тенденциях в современном терроризме см. также: Концепция противодействия терроризму в России (п. 1) // Российская газета. - 2009. - 20 окт.

террористических групп организационно предельно децентрализована, однако фиксируется общность идеологических доктрин и целей; террористические структуры, в принципе, в состоянии осуществить акции с применением оружия массового уничтожения и современных технологий, что может привести к последствиям катастрофического характера не только для отдельных государств, но и всего мирового сообщества; отличительной особенностью стала высокая степень адаптации террористических организаций к реалиям современного мира, действующих как строго иерархически, так и с «размытым» управленческим механизмом, наличие структур, организованных по типу «научьей сети», а также полностью независимых. Его отличительной чертой на данном историческом этапе является также беспрецедентное включение исламистского компонента, особенно в идеологические конструкты многочисленных террористических структур.

Отличием современного терроризма от терроризма прошлых эпох является то, что традиционный терроризм не угрожал обществу как таковому, не затрагивал основ его жизнедеятельности. Современный же высокотехнологичный терроризм способен продуцировать системный кризис в любом государстве с высокоразвитой информационной инфраструктурой.

Вместе с тем, современный сетевой терроризм ни в коем случае не тождественен введенному в оборот в конце XX века понятию «международный терроризм», этому явно идеологизированному изобретению американских элит, поставивших цель установление своего господства в постбиполярном мире. Известный принцип англо-саксонской политики «разобщи и властвуй» здесь явно доминирует: устроителям «нового мирового порядка» очень хочется столкнуть в прямом противоборстве представителей других цивилизаций, а самим остаться над схваткой, воспользоваться плодами ослабления своих геополитических противников. Именно такова политика США в исламском вопросе, когда они желают противопоставить Россию «исламскому миру», предоставив ей незавидную роль громоотвода инспирированных ими же исламистских угроз.

Поэтому России не стоит даже на словах поддерживать американскую версию «международного терроризма», однако следует противостоять внешним конфликтогенным факторам развития ситуации в своих регионах, подпитывающим внутренние противоречия и конфликты, запрограммированные в свое время устроителями распада Советского Союза и развала социалистической системы, противопоставив четко выверенную систему мер. Компетентный и научный подход, профессиональная организация прогнозирования, ранняя и своевременная диагностика, научно-технологическая экспертиза, выявление новейших факторов риска, нейтрализация сфер и зон террористической деятельности могут существенно снизить вероятность развертывания информационно ориентированного современного терроризма.

1.2. Радикальный исламизм как идеология религиозно-политического экстремизма и терроризма

Эволюция радикальных идеологий в мусульманском мире. Почти вся история мусульманской мысли представляет собой перманентное возникновение идейных течений, рождавшихся в ходе столкновения различных мнений по тем или иным проблемам. Исторически в исламе существовали довольно радикальные секты и подсекты, практиковавшие террористические приемы ведения политической борьбы (например, азракиты-хариджиты, хашишины-исмаилиты и др.). Новый этап появления в рамках ислама организаций и группировок, прибегающих к терроризму, начинается в первой половине XX века, когда возникает радикальная египетская структура «Братья-мусульмане». Впоследствии от материнской основы «Братьев» отщепляются другие, еще более радикальные организации. В результате сегодня в мире насчитывается несколько сотен организаций, применяющих в своей практической деятельности террористические методы. Все эти группировки относятся к исламистским (радикальным исламским), и в настоящее время до 80 процентов всех террористических атак в мире совершаются именно этими организациями.

Однако рассмотрение различных отрядов и направлений современного радикального исламского движения позволяет сделать вывод о том, что угрозы и вызовы существующему миропорядку формируют не все радикалы (например, представители умеренно-радикального крыла), а их экстремистски настроенные единомышленники. Внутри широкого салафитского движения имеется незначительное меньшинство – так называемые *салафиты-такфириты*, доктрины которых основываются на двух системообразующих положениях – обвинении в неверии (*такфир*) и священной войне за веру (*джихад*), которые трактуются радикалами в резком противоречии с канонами мусульманской ортодоксии. В этой связи их еще часто называют такфиритами-джихадистами.

Особенности развития радикальных идеологий в современном российском исламе. В постсоветский период в российском исламе фиксируется возникновение и расширение исламистской компоненты. Отмечался процесс политизации ислама и радикализации исламского движения, который в меньшей степени, по сравнению с Северным Кавказом, охватил Среднее Поволжье и другие российские регионы. Однако это вовсе не означает полного отсутствия радикальных фундаменталистских групп на территории Среднего Поволжья.

На фоне движения мусульман Поволжья, а также центральной части России, Урала и Сибири, ситуация с исламом в северокавказском регионе выглядит более напряженной. При практически полном отсутствии на Северном Кавказе модернистских реформаторских процессов религиозное сознание горцев-мусульман сегодня оказалось представленным лишь двумя его типами: традиционным, тяготеющим к фундаментализму, и экстремистско-салафитским (ваххабитским), что и явилось базой для развития в регионе террористического движения под исламским прикрытием.

Современные чеченские войны, особенно вторая, привнесли в регион самые последние идеологические наработки исламских экстремистов, стали кузницей наиболее идеологически подготовленных и непримиримо настроенных по отношению к России исламистов. Сепаратистски настроенные носители исламистской идеологии продолжают привлекать в свои ряды

молодых боевиков не только в Чечне, но и в соседних республиках Северного Кавказа.

Пополнение рядов банддвижения молодыми интеллектуалами свидетельствует о том, что, если ранее радикальные идеологии привлекались извне, то сегодня они уже разрабатываются самими северокавказскими интеллектуалами-исламистами непосредственно на территории региона, и основываются на местной специфике, а потому являются еще более жесткими и разрушающими.

Характерной особенностью терроризма, прикрывающегося исламским вероучением, является произвольное толкование ряда мусульманских понятий, среди которых важнейшее место занимает «джихад», однобоко трактуемый радикалами как вооруженная борьба против «врагов ислама». При этом под «врагами» зачастую понимаются не только все немусульмане, но и те мусульмане, которые не стоят на идеологических позициях исламизма. Такой подход позволяет применять весь набор насильственных мер к этой категории лиц.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что, согласно мусульманской ортодоксии, джихад (священная война в исламе) может быть объявлен тогда, если жизнь мусульман и их земли подверглись угрозе нападения или нападению. Джихад – это священная война ради законной самозащиты. Джихад может быть объявлен только законным правителем, если и когда он считает это необходимым, для того, чтобы защитить жизнь мусульман, их потомков и их земли. В этом смысле священным долгом каждого здорового мужчины является участие в джихаде, иначе на нем будет вечное проклятие.

При этом даже если джихад объявлен, существуют правила поведения и военных действий, которые не могут быть нарушены, независимо от того, как поступает враг. Они были приняты в период правления первого праведного халифа Абу Бакра. В Коране говорится:

«О вы, которые уверовали! Будьте стойкими перед Аллахом, исповедниками по справедливости... Будьте справедливы, это ближе к богобоязненности» (5:11).

Таким образом, в исламе не существует понятий типа «тотальная война», «политика выжженной земли»; порицаются убийства (в том числе посредством взрывов) гражданского населения и т.п. Все это – абсолютно чуждые и аморальные, независимо от условий, понятия для традиционного (ортодоксального, эталонного) ислама.

Такфириты, между тем, не признают ни правила объявления джихада, ни формы, ни методы его ведения. Поскольку такфириты-джихадисты сами себе предоставили право объявлять людей «врагами ислама» («неверные», «вероотступники» и «лицемеры»), отвергать традиционную политическую власть, поскольку они не только санкционируют самоубийство своих соратников (*шахидизм*), но и подстрекают людей к этим антигосударственным действиям, одновременно игнорируя все правила джихада, им очень легко совершать убийства, диверсионные и террористические акции.

Становится тогда также понятно, каким образом, называя себя мусульманами и утверждая, что действуют во имя ислама, они в то же время полностью игнорируют все основные положения ислама относительно убийств и правил ведения джихада. Знакомство с основными принципами идеологии экстремистов, прикрывающихся исламом, в области ключевых для них понятий (такфир и джихад) объясняет не только многочисленные убийства ими людей, но и то, как боевики и бандиты, планирующие и совершающие такие акции, могут чувствовать себя при этом абсолютно правыми.

В мусульманской религиозно-политической культуре термином «шахид» обозначают мусульманина, пожертвовавшего собой за веру, принявшего мученическую смерть. Помимо этого, к шахидам относятся все умершие насильственной смертью, в числе которых - убитые человеком, животным, погибшие во время стихийных бедствий, эпидемий, утонувшие, отравленные, скончавшиеся во время хаджа и т.д.¹⁴. Но эта интерпретация термина шахид является расширительной, что ослабляет религиозный смысл, первоначально заложенный в его содержание.

Акции шахидизма активно применялись в средние века адептами одной из подсект исмаилитов – низаритами (хашишины, ассасины). Современный

¹⁴ Ислам: Энциклопедический словарь. – М., 1991. – С. 296.

«шахидизм» - явление, возникшее в недрах Палестинского движения сопротивления (ПДС). Иначе говоря, «шахидизм» не является исключительно приоритетом исламистских структур. Однако использование "живой взрывчатки" в современных условиях характерно, как правило, исключительно для радикальных исламистов.

Согласно исламской ортодоксии, мусульманин, осуществивший осознанное самоубийство, не может считаться шахидом. Самоубийство, повлекшее за собой гибель мирных людей, является тяжким грехом, которого Бог никогда не прощает. Однако религиозные деятели – носители экстремистской идеологии, использующие ислам в политических целях, пытаются оправдать и обосновать суицид, как необходимое средство борьбы против врага, посягнувшего на «дар аль-ислам», представляя его именно как «шахидизм», а погибших в ходе его осуществления террористов – «шахидами».

Радикальный исламизм создал свою идеологическую концепцию «смерти мучеников». Внедренные в сознание людей идеи «шахидизма» предоставляют их носителям своего рода сакральную санкцию на осуществление террористической деятельности, которая понимается ими не как уголовное преступление, но как «священная война за веру» - джихад. Поэтому, как бы ни были успешны операции против исполнителей терактов, они продолжатся до тех пор, пока не будут устранены условия, позволяющие возвращать террористов, создавая атмосферу, способствующую пополнению их рядов.

Теракт - самоубийство представляется исламскими радикалами как *необходимость*, основанная на законах "Священной войны". По их мнению, нет более эффективного способа нанести ущерб, напугать врага и посеять страх в рядах противника, сорвать его планы – и все это при минимальных потерях.

Одновременно следует подчеркнуть, что самоубийце, выполнившему возложенную на него миссию, идеологами «шахидизма» со ссылками на сакральные источники мусульманства обещана безграничная «милость»: освобождение от личных проблем, великолепная вечная жизнь в раю, присоединение там к остальным «героям ислама»; приобретение почетного социально-религиозного положения для себя и своей семьи; наконец, удовлетворение, полученное от участия в исламском джихаде и в «спасении

мусульман».

«Шахидизм» в XXI в. перестал быть локальным явлением, поскольку приобрел глобальный масштаб, распространился по миру, акции «шахидов» фиксируются во многих странах, в том числе, и в России, на Северном Кавказе в частности, хотя прежде акции «шахидизма» в регионе практически не отмечались.

Современный «шахидизм» – прежде всего, именно политический феномен. Ведь при совершении ответных силовых действий мусульманин не имеет права применять насилие, выходящее за рамки допустимого исламом. Важно отметить и то, что ислам призывает мусульман к тому, чтобы они не убивали самих себя, воздерживались от мерзостей и преступлений, что говорит о высоком духовном потенциале, заложенном в текстах Корана и Сунны пророка Мухаммада. Все это дает основание утверждать, что терроризм или шахидизм, связанные с чрезмерным насилием, далеки от нормативного, ортодоксального ислама. Вышеназванные явления могут быть отнесены исключительно к радикальному исламизму.

1.3. Современное террористическое движение на Юге России

Терроризм в современной России имеет преимущественно религиозно-политическую окраску, поскольку базируется на идеологии радикального исламизма. Сегодня в наибольшей степени он проявляется в северокавказском регионе России. При этом особенностью современного терроризма, с которым столкнулась Россия на Северном Кавказе, является сращивание на основе идеологии исламизма религиозного, этнического и криминального терроризма, поддерживаемого соответствующими международными структурами.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что исторически на Северном Кавказе неоднократно фиксировались разнообразные формы религиозно-политического экстремизма и терроризма: набеговая система (разорительные набеги на соседние территории); похищения людей с целью продажи или получения выкупа; абречество (индивидуальный терроризм в XIX в.); вооруженный сепаратизм и призывы к джихаду (после завершения Кавказской

войны, которая шла с 1818 г. по 1864 г.); политический бандитизм (20-30-е гг. XX в.); этнический коллаборационизм, создание и участие на стороне фашистской Германии горских воинских формирований. Аналогичные явления в регионе вновь фиксируются с начала 90-х гг. XX в., вплоть до настоящего времени.

Кавказская война (1818-1864 гг.), которая горцами велась под лозунгами джихада, наиболее ожесточенно проходила в Дагестане и в Чечне, самых исламизированных территориях Северного Кавказа. Здесь ислам всегда выполнял социально-мобилизующую роль, особенно в переломные исторические периоды. Среди них можно выделить национально-освободительное движение под руководством имама Мансура (1785-1791 гг.), имама Шамиля (1834-1859 гг.), восстания и абречество (1866-1916 гг.), революцию и гражданскую войну в России (1917-1920 гг.), депортацию отдельных северокавказских народов (1944-1957 гг.), мероприятие по «восстановлению конституционного порядка» (1994-1996 гг.) и, наконец, «антитеррористическую кампанию» (октябрь 1999 – апрель 2009 гг.).

Пришедшие после крушения Советского Союза (1991 г.) к власти в Чечне сепаратистски ориентированные элиты во главе с бывшим советским генералом Джохаром Дудаевым первоначально в целях идеологической консолидации чеченского общества пытались реанимировать элементы древней традиционной социальной системы чеченцев. В ее основе находятся кровнородственные кланы и образованные на их основе более крупные социальные образования – *тейпы*, которые в своей совокупности образуют чеченский этнос. Однако наличие более 160-ти тейпов, отсутствие у чеченцев на протяжении их истории собственной государственности не дали возможности реализовать эту идею. Тогда дудаевцы сделали ставку на идеологию традиционного в регионе суфийского тариката «кадирийя». Однако и эта попытка не увенчалась успехом в силу разобщенности чеченцев по нескольким десяткам дочерних суфийских структур (вирдовых братств). Тогда пришел черед «чистого ислама», не признающего деления мусульман на расы, этносы, тейпы, другие локальные этнические и конфессиональные группы, и ставшего известным в регионе как «ваххабизм» (салафизм).

События в Чечне 1994-96 гг. под лозунгом «наведения конституционного порядка» открыли двери для ускоренной интернационализации салафитского движения в регионе. Этот период времени был отмечен массовым участием в военных действиях в Чечне на стороне сепаратистов их единомышленников из Пакистана, Афганистана, Турции и различных арабских стран.

Чеченское «межсезонье» (1996-99 гг.), ознаменовавшееся превращением ЧР в полигон терроризма, пристанище убийц, торговцев «живым товаром», наркотиками и оружием, позволило развиваться здесь экстремистскому движению, прикрываемому исламом. В свою очередь, это обстоятельство предопределило вторжение банд местных и зарубежных террористов в августе 1999 г. на территорию Республики Дагестан. Общими усилиями федеральных вооруженных сил совместно с дагестанским населением экстремистам был дан отпор. Осенью 1999 г. на территории Чечни началась «антитеррористическая кампания», которая эволюционно прошла ряд важных этапов: от фронтальных сражений, апогеем чего стал штурм Грозного, до процесса «чеченизации» конфликта, т.е. его решение преимущественно силами самих чеченцев. Это, безусловно, привело к позитивным результатам собственно в Чечне.

Между тем, несмотря на реальные успехи в деле восстановления Чечни, ситуация, как представляется, еще далека от идеала. Поражение сепаратистов в Чечне, распыление салафитского движения в других республиках Северного Кавказа трансформировало «сопротивление» частично в «партизанщину», частично в мобильные, слабо связанные между собой сетевые террористические группировки.

Наиболее характерной формой самоорганизации радикалов на Северном Кавказе стали т.н. «джамааты», которые выстроены, в целом, по этническому принципу, и действуют, в основном, в рамках «своих» республик. Поскольку в результате естественной убыли боевиков старшего поколения «джамааты» пополняются молодыми людьми, их нередко в научных изданиях и публицистике называют «молодежными джамаатами».

Согласно экспертным оценкам, эти джамааты представляют собой организации, структурно включающие в себя старший, средний и младший руководящий состав, а также рядовых членов.

В *старший руководящий состав* джамаата входят: главный амир (руководитель), который осуществляет общее руководство и финансирование джамаата, вырабатывает общую стратегию разведывательно-подрывной деятельности в зоне ответственности и поддерживает связь с ведущими лидерами НВФ; амир-командующий джамаатом - лицо, непосредственно занимающееся разработкой тактики осуществления разведывательно-подрывных акций в соответствии с общим замыслом, выработанным главным амиром, а также ведающее решением текущих вопросов деятельности джамаата; духовный наставник джамаата - фактически является главным идеологом, отвечает за морально-психологическое состояние рядовых членов и осуществление пропаганды экстремистских идей в зоне территориальной ответственности.

Средний руководящий состав джамаата составляют амиры-заместители командующего. Данные лица осуществляют непосредственное руководство боевыми группами. Из числа амиров-заместителей командующего назначается первый заместитель, который в случае непредвиденных обстоятельств, связанных с гибелью, арестом или недееспособностью амира-командующего, берет на себя функции по руководству дальнейшей деятельностью джамаата.

Младший руководящий состав джамаата представлен в лице командиров боевых групп, которые непосредственно подчиняются амирам-заместителям командующего и руководят действиями рядовых членов.

Рядовой состав джамаата составляют члены боевых групп, которые непосредственно осуществляют разведывательно-подрывную деятельность. Они подчиняются командиру своей боевой группы, а также амиру-заместителю командующего, которому подчинена данная группа. Общая численность группы, как правило, насчитывает 5 человек. Рядовые члены джамаата за невыполнение приказа, проявленную в бою трусость или при подозрении в связях с федеральными силами могут быть казнены без всяких расследований и судебных разбирательств.

В структуре джамаата существуют строгие меры конспирации: рядовой состав знает только членов своей «пятерки». На проводимых совещаниях присутствует только руководящий состав, рядовые члены - не допускаются.

Таким образом, структура каждого джамаата носит сетевой характер. Совокупность таких «джамаатов» в рамках республик образуют т.н. «вилайеты» (дагестанский, ингушский и т.д.), которые, в свою очередь, в той или иной степени замыкаются на Доку Умарова, в 2007 г. провозгласившего о создании виртуально существующего исламского «государства» - «Имарат Кавказ», как единой структуры, представляющей интересы религиозно-политического подполья в регионе. Сказанное свидетельствует о том, что мы имеем дело с разветвлённой сетью религиозных экстремистских формирований на территории северокавказского региона Российской Федерации.

К наиболее характерным чертам НВФ, действующих в северокавказском регионе, следует отнести: высокий уровень их организации; иерархичность; структурированность; конспиративность; опыт участия в боевых действиях с использованием форм и методов разведывательно-подрывной деятельности, с элементами тактики партизанской войны; наличие современных средств связи и поражения; наличие системы безопасности (группы разведки, контрразведки, вооружённой охраны); религиозность членов. Практически все НВФ специализируются по различным направлениям преступной деятельности.

Имеющиеся материалы свидетельствуют, что в деятельности практически всех экстремистских структур на территории Северного Кавказа проявляются тенденции координации и взаимодействия в вопросах инспирирования дальнейших дезинтеграционных процессов в регионе. Управляемость этих структур объясняется ещё и тем, что большинство из них финансируются спецслужбами и организациями иностранных государств либо непосредственно, либо опосредованно, через международные неправительственные структуры, вследствие чего, они нередко лишены политической самостоятельности.

Анализ материалов, связанных с деятельностью «молодежных джамаатов», позволяет сделать прогноз на перспективу: эти сетевые структуры доказали свою жизнеспособность, автономность и самовосстанавливаемость. Сегодня группировки боевиков-ваххабитов объединяются на новейшей идеологической основе, разработанной в зарубежных исламистских центрах и уже дополненной некоторыми собственными идеологическими наработками.

Неизбежной политической практикой носителей идеологии религиозно-политического экстремизма всегда был, есть и будет терроризм. Радикальные идеологии позволяют их носителям не только оправдывать совершаемые преступления, но планировать и в последующем осуществлять диверсионно-террористические акции, не испытывая при этом угрызений совести. Так, согласно исследованиям, проведенным в Дагестане среди пятидесяти экстремистов-ваххабитов, находившихся в 2000-2002 гг. под следствием, лишь двое усомнились в справедливости и правильности своих поступков. Это обстоятельство свидетельствует о том, что «ваххабизм» как идеология достаточно привлекательна для части молодых мусульман региона¹⁵.

Террористические «джамааты», совершенствуя свою боевую тактику и стратегию, отошли от практики фронтальных сражений, взяв на вооружение диверсионно-террористическую тактику. Они способны быстро менять места дислокации, маневрировать и, в случае необходимости, объединяться с другими аналогичными группами. Между этими структурами и их базами налажена устойчивая связь; действия, в случае необходимости, согласовываются и координируются. Иначе говоря, деятельность неоваххабитских бандгрупп приобрела все основные черты современного исламистского террористического движения, в основе структурного строения которого лежит сетевой принцип. Причем, и это особенно важно, вчерашние «партизаны» из горной и лесной местности перебрались в города, привлекли в свои сети молодежь без криминального прошлого, в том числе из числа учащихся средней и высшей школы, аспирантов и даже молодых ученых, создали эффективно действующую своеобразную «городскую герилью». В горах и лесах остаются, в основном, те, кто находится в розыске и не имеет возможности «раствориться» в городах. Вместе с тем, преимущественно молодежное по возрастному составу участников террористическое движение по своему социальному положению, в основном, состоит из низших слоев общества (материально необеспеченных, безработных, с приниженым социальным статусом, с невысоким образованием и т.д.).

¹⁵ Устранение конфессиональных противоречий как предупреждение религиозного экстремизма // Дагестанская правда. – 2007. – №№77-79. – 5 июля.

Таким образом, тенденция «растекания терроризма» в регионе, которая ранее прогнозировалась лишь отдельными экспертами, стала реальностью. Особенно непростая ситуация сложилась на Северо-Восточном Кавказе – Дагестане и Ингушетии, а в последнее время – вновь на территории Чечни. Она, в свою очередь, предопределила процессы в других республиках – в большей степени – в Кабардино-Балкарии, в меньшей – в Карачаево-Черкесии и Северной Осетии.

Иными словами, с «замирением» Чечни активность боевиков не исчезла. Она просто распространилась на другие субъекты Северного Кавказа и практически полностью перешла в террористическую плоскость. Эксперты фиксируют сохранившуюся скоординированность действий боевиков, их подготовку, конспирацию и синхронность: кроме того, что теракты нередко осуществляются одновременно в нескольких республиках, у террористов время от времени обнаруживаются подробные списки работников милиции и ФСБ, номера их автомобилей, литература по изготовлению самодельных бомб. Боевики, отмечается в СМИ, столь же фанатичны, как и прежде, – их приходится уничтожать вместе со зданиями, где они укрываются»¹⁶.

Как показывает анализ, главный вектор террористической активности боевиков многочисленных террористических «джамаатов» в северокавказском регионе направлен, в основном, против сотрудников правоохранительных органов и силовых структур, представителей органов государственной власти и управления, официального мусульманского духовенства. Особенно зримо эта тенденция проявляется в деятельности террористических группировок «Шариат» и «Дженнет» (Дагестан), «Ярмук» (Кабардино-Балкария), «Халифат» (Ингушетия) и др. Начиная с 2002 г., ими целенаправленно уничтожаются вышеуказанные категории граждан.

Западная поддержка, политическая и финансовая, позволила лидерам бандформирований активизировать диверсионно-террористическую деятельность в последние два года, что напрямую связано с геополитическими трансформациями на Южном Кавказе (имеется в виду пятидневная война в августе 2008 г., признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии).

¹⁶ Независимая газета. – 2007. – 14 мая.

Следствием увеличения финансовых потоков стала возможность нанимать для исполнения громких убийств высокопрофессиональных террористов-снайперов. Вновь, как и несколько лет назад, стали фиксироваться акции «шахидизма». Правда, наблюдаются и отличия: если прежде в этих целях использовались, в основном, женщины (т.н. «черные вдовы»), то сегодня террористами-смертниками стали преимущественно мужчины. Развертывание «шахидизма» свидетельствует о мощном влиянии ближневосточных экстремистских организаций на эволюционные процессы в северокавказском радикальном исламизме, участии наемников в подготовке и осуществлении террористических актов на Северном Кавказе.

Северокавказским боевикам удалось поставить на поток подготовку и создать резерв потенциальных смертников-самоубийц, а также идеологов и наставников «шахидов», из числа не только зарубежных, но и российских граждан (например, уничтоженный Саид Бурятский). Как подчеркивают эксперты, практика «шахидизма» весьма эффективна: взрывы «живых бомб» составляют 3 процента всех терактов, совершенных в мире, однако именно на них приходится 48 процентов жертв¹⁷. Что касается России, то за период с августа 1999 г. по сентябрь 2009 г. террористами-смертниками в различных ее регионах, преимущественно на Северном Кавказе, была осуществлена 41 акция «шахидизма», все они сопровождались далеко не единичными жертвами. Для сравнения: в Израиле за период т.н. «интифады» (первая интифада в Палестине вспыхнула в 1987 г., вторая – в 2000 г. – И.Д.) взорвали себя 59 палестинцев¹⁸. Иными словами, по количеству «живых бомб» Северный Кавказ уверенно догоняет Палестину, а по частоте применения практики терроризма самоубийц за последние десять лет явно ее превосходит. В 2010 г. практика шахидизма продолжилась, а ее география вовсе не ограничивается территорией северокавказских республик России. Правда, следует отметить, что безусловными «лидерами» по проведению акций террористов-самоубийц сегодня выступают Афганистан и Ирак, оккупированные войсками США и их союзников. Ежегодно там, а также и в Пакистане, фиксируются сотни акций

¹⁷ Нечитайло Д.А. Запал для «умной бомбы» // НГ-религии. - 2009. - 16 сент.

¹⁸ Сухов И. Марш смертников // Время новостей. - 2009. - 18 сент.

самоподрывов. Однако эта безрадостная статистика отдельных мусульманских регионов Ближнего и Среднего Востока никоим образом не должна успокаивать нас, граждан России.

Возросшая решительность и слаженность действий бандформирований в 2009 – 2010 гг. свидетельствует также и о том, что на Северном Кавказе существует множество внутренних проблем, являющихся ключевыми конфликтогенными факторами, на которых и паразитирует внешний для региона фактор, существенно осложняющий и без того непростую ситуацию. Действительно, проблемы Северного Кавказа не ограничиваются исключительно религиозно-политическим экстремизмом, который распространяется на территорию России зачастую из-за рубежа. Укрепление стабильности на Кавказе во многом зависит от преодоления социально-экономических и политических проблем региона. Как подчеркнул Президент Российской Федерации Д. Медведев, «это сохраняющаяся бедность населения, высокий уровень безработицы, огромные масштабы коррупции, системные деформации в государственном управлении, когда эффективность власти снижается, что ведет к утрате доверия и авторитета власти»¹⁹. Президент России подтвердил наличие на Северном Кавказе внутренних противоречий, из-за которых существующие угрозы в регионе будут сохраняться, к ним он отнес межклановые отношения, воровство и взяточничество. «Если мы не сможем отреагировать на эти проблемы, то мы так и будем тут бороться с терроризмом», - указал Д. Медведев²⁰.

1.4. Опыт противодействия терроризму в мире и в России

Предпринимаемые государственными органами ряда стран меры по противодействию новому терроризму носят как контртеррористический, так и антитеррористический характер, учитывающий многообразие и особенности сложившихся к настоящему времени террористических структур, а также их возможности по проведению крупномасштабных террористических акций.

Несмотря на активизировавшееся в последние годы международное

¹⁹ Российская газета. - 2009. - 9 июня.

²⁰ Там же.

сотрудничество в борьбе с терроризмом, утверждать, что новым террористическим сетям мировое сообщество противопоставило действенную, хорошо организованную, эффективную систему антитеррористических мер на международном уровне представляется преждевременным, поскольку реальные достижения в этой области еще очень скромны. Более существенная адаптация к изменившимся формам и методам террористической деятельности прослеживается в организации работы различного рода государственных органов, задействованных в борьбе с новым терроризмом, на национальном уровне.

В условиях роста активности террористических организаций и группировок в различных регионах мира, увеличения числа проявлений насилия и угроз, совершения террористических актов в отношении мирных граждан, важных стратегических объектов и даже дипломатических миссий органы государственной власти многих стран последовательно разрабатывают систему мер противодействия и борьбы с этим явлением. Основными ее направлениями являются: *совершенствование правовой базы, укрепление и совершенствование деятельности специальных служб, усиление борьбы с финансированием терроризма, а также активизация разъяснительной и пропагандистско-идеологической работы.*

Опыт борьбы многих государств мира в борьбе с современным терроризмом свидетельствует о необходимости комплексного подхода к решению проблемы, которая имеет социальные, политические, экономические, культурно-исторические и религиозно-этнические корни. Эффективное противостояние государства этой угрозе возможно при условии объединения усилий всех институтов государства, наступательного информационного противодействия и наличии поддержки правительства со стороны влиятельных религиозных и общественных деятелей, мирового сообщества.

Что касается России, то, безусловно, сегодняшнее состояние борьбы с религиозно-политическим экстремизмом и терроризмом никак нельзя назвать успешным. Как представляется, это связано, в первую очередь с тем, что к этим сложным социально-политическим явлениям относятся как к обычным

уголовным преступлениям, применяя при этом характерный для мировой практики набор мер. Среди них - усиление силовых структур, совершенствование антитеррористического законодательства, выявление и пресечение финансовой подпитки из внутренних и внешних источников бандформирований, проведение информационно-пропагандистской и разъяснительной работы среди населения. Однако и среди этих мер в большей степени задействуется только первая.

В последние годы эффективность деятельности правоохранительных органов зримо возросла. В регионе проведен ряд успешных спецопераций по задержанию (ликвидации) бандгрупп. Однако как свидетельствует мировой опыт противодействия современному терроризму, даже успех «охоты» за лидерами криминальных или террористических сетей не гарантирует «победы» в противостоянии сетевому терроризму²¹. Сказанное свидетельствует о том, что одного лишь силового противостояния современному религиозно-политическому экстремизму явно недостаточно. Ориентация России на репрессивные методы подавления этнорелигиозного экстремизма, как показывает современная мировая практика, эффективна лишь при борьбе с его вооруженными проявлениями. Напротив, использование силы против радикальных исламских организаций и носителей радикального сознания, выдвигающих альтернативные современной российской модели проекты государственно-правового устройства, но не прибегающих к насилию для их реализации, объективно превращает государственно-правовую политику в один из факторов расширения социальной базы этнорелигиозного экстремизма²².

Это же фиксирует широкая мировая практика борьбы с радикальным исламским движением: одни лишь репрессивные меры не только не способны поставить точку в деятельности исламистов, но и ведут к росту экстремизма с их стороны. Да и собственный опыт репрессивного подавления этнорелигиозного экстремизма на Северном Кавказе в бытность Российской

²¹ Kenney M. From Pablo to Osama: counter-terrorism Lessons from the War on Drugs // Survival. 2003. Vol. 45. № 3. Autumn. P. 187-206.

²² Добаев И.П. Новый терроризм в мире и на Юге России. - Ростов н/Дону, 2005. - С. 281.

империи и Советского Союза свидетельствуют о том, что запрет и силовое подавление антиправительственной деятельности на этнорелигиозной почве не преодолевает социальные девиации, а лишь консервирует их.

Поэтому более эффективно должны задействоваться и иные возможности, которые реализуются далеко не в полной мере. Об этом, в частности, свидетельствует инициатива Президента России Д. Медведева, внесенная им 19 августа 2009 г. на совещании в Ставрополе, в ходе которого рассматривались меры по нейтрализации угрозы терроризма и экстремизма на Северном Кавказе. Речь идет о предложении внести поправки в законодательство, разрешающее изменять территориальную подсудность по делам о терроризме и изымающие из-под судов присяжные дела, касающиеся преступных сообществ и организованных преступных групп²³. Что касается работы по пресечению каналов финансовой подпитки террористов, то она и вовсе далека от совершенства, нуждается в переосмыслении и улучшении²⁴.

Однако наиболее слабо, по нашему мнению, в деле блокирования крайних форм проявления исламизма до сих пор осуществляется идеолого-пропагандистская и разъяснительная работа, особенно среди верующих, призванная сузить социальную базу поддержки радикалов.

Безусловно, росту религиозно-политического экстремизма на Северном Кавказе способствует не только глубокий кризис всех светских идеологий нынешнего периода, но и идеологических основ традиционного в регионе ислама, нуждающегося в коренной модернизации. Тем не менее, и имеющиеся возможности в этом направлении задействуются слабо. Действенная пропаганда против "ваххабитов" не ведется, их не опровергают, не высмеивают, из них не делают посмешище - вместо этого органы власти и управления своими руками порой создают героический ореол «борцов за веру» («моджахедов»), а также «мучеников» («шахидов»). Практически не проводятся социологические замеры в различных слоях общества на предмет определения их зараженности идеологией религиозно-политического

²³ Российская газета. - 2009. - 20 авг.

²⁴ См., в частности, об этом: Добаев А.И. Экономическая безопасность и терроризм в эпоху глобализации / Южнороссийское обозрение. Выпуск 52. - Ростов н/Дону, 2008; Он же. ХАВАЛА: неофициальная система финансирования терроризма / Южнороссийское обозрение. Выпуск 65. - Ростов н/Дону, 2010.

экстремизма. Отсюда и неэффективность пропагандистских мероприятий государства, поскольку для каждого социального страта общества нужен свой набор методов идеологического воздействия и убеждения. Например, для террористов не существует авторитета светских властей и ученых, а также представителей официального ислама. Для них «единственным моральным мерилom зачастую выступают молодые имамы «из леса», проповедующие джихад, причем эти имамы основательно подкованы и обладают даром убеждения»²⁵. У нас же до сих пор в ходу некие универсальные, зачастую затратные, но неэффективные псевдоидеологические мероприятия, проку от которых немного, чрезмерные и несбыточные мечтания на тему сверхвозможностей традиционного ислама и официального духовенства. Ситуацию надо менять, и как можно скорее. Здесь серьезную роль могла бы сыграть наука, светская и теологическая, морально и материально в этом направлении поддерживаемая государством.

Нормализовать ситуацию могла бы, в том числе, модернизация северокавказского ислама, прежде всего, путем воссоздания собственного российского мусульманского образования в регионе, опять же с участием государства в решении этой проблемы. Начиная с 2007 г., ситуация сдвинулась с мертвой точки, что внушает осторожный оптимизм. Речь идет о создании в регионе при участии государства исламских образовательных центров, фонда поддержки исламской культуры, науки и образования, а для поддержки соответствующих образовательных программ государством уже израсходовано 60 миллионов рублей²⁶. 28 августа 2009 г. Президент РФ в своей резиденции в Сочи провел очередную встречу с муфтиями и главами субъектов Северного Кавказа, в ходе которой были приняты важные концептуальные решения по идеологическому противодействию религиозно-политическому экстремизму, патриотическому воспитанию молодежи, улучшению системы мусульманского образования в регионе, взаимодействию с зарубежными мусульманскими университетами и др.²⁷ В Сочи произошло знаковое событие: провозглашен отход от прежних стереотипов в борьбе с сепаратизмом и определены

²⁵ Сидоров А. Зеленое знамя с двуглавым орлом // Интерфакс. - 2009. - 31 авг.

²⁶ Кавказский узел. - 2009. - 28 авг.

²⁷ Там же.

взвешенные подходы к преодолению кризисной ситуации, которая сложилась на Северном Кавказе. На этой встрече было подчеркнуто, что до сих пор на протяжении долгих лет речь велась лишь о физическом подавлении «партизанского движения» в регионе. Была озвучена важная мысль о том, что важнее создать такие условия, когда люди осознают бессмысленность и губительность своего вооруженного противостояния власти, когда они убедятся в том, что существующая власть не является для них враждебной. Что она способствует их социальному, культурному, религиозному расцвету²⁸. И убедить их в этом предстоит властям, всему российскому обществу. Как видим, предстоит масштабная работа.

Что касается отечественного исламского образования, то в настоящее время на территории Южного федерального округа функционируют более 20 высших исламских учебных заведений (ВИУЗов), около 170 средних специальных исламских учебных заведений - медресе, а также около 300 начальных исламских учебных заведений - мактабов, в которых обучается около 17 тысяч учащихся. В подавляющем большинстве - это приверженцы одного из основных направлений в исламе - суннизма. Из общего количества студентов около 14 тыс. человек, или примерно 85%, учатся в исламских учебных заведениях Дагестана. Вместе с тем, несмотря на значительное количество исламских ВУЗов, система исламского религиозного образования Северного Кавказа до сих пор не составляет реальной конкуренции зарубежным образовательным центрам. Как следствие, только из Республики Дагестан в последние годы на обучение в эти центры выехало около 1500 молодых людей (возвратилось после обучения в республику около 500 человек). Причем, зачастую инициативно, по различным каналам, без участия в этом процессе ДУМ Дагестана, что, впрочем, характерно и для других республик. В результате имамы - приверженцы традиционного ислама – постепенно вытесняются из мечетей их более образованными конкурентами, получившими образование за рубежом, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

²⁸ Сидоров А. Указ. соч.

В 2007 г. при содействии государства на Северном Кавказе созданы два высших исламских учебных заведения: в Махачкале (Дагестан) образован Северо-Кавказский университетский центр исламского образования и науки, в Нальчике (Кабардино-Балкария) - Северо-Кавказский исламский университет имени Имама Абу Ханифы. В августе 2009 г. третий на Кавказе исламский университет открылся в Чеченской Республике.

Учебный процесс по подготовке священнослужителей и исламоведов направлен на внедрение современных образовательных и научно-информационных технологий, совершенствование системы религиозного образования и науки в целом, а также адаптацию его к условиям российской светской системы образования.

Проблема искоренения почвы для воспроизводства религиозно-политического экстремизма в регионе еще далека от окончательного решения. Поэтому начатое при поддержке государства дело модернизации и укрепления отечественного традиционного ислама не должно свестись к кратковременной кампании, его следует рассматривать как важнейший долгосрочный проект.

Однако более эффективное противодействие распространению религиозно-политическому экстремизму и терроризму можно обеспечить при рассмотрении их как сложных социально-политических явлений, детерминируемых, прежде всего, набором ключевых конфликтогенных факторов - социально-экономических и политических. Совершенно очевидно, чтобы преуспеть, террористические группы должны иметь большое количество пассивных сторонников, которые симпатизируют целям террористов. Уменьшение их количества является ключевым условием сокращения поддержки и популярности терроризма в обществах²⁹. Чтобы победить терроризм, нужно добиться, чтобы террористы не имели поддержки у населения. Если власти будут заботиться о населении, а люди будут чувствовать себя комфортно, обретут экономическую и социальную уверенность в завтрашнем дне, в этом случае население вряд ли будет поддерживать террористов.

²⁹ Мир после кризиса. Глобальные тенденции - 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. - М., 2009. - С. 141.

Безусловно, жесткие меры против террористов необходимы, однако они должны быть подкреплены усилиями по устранению главных причин преступления – повальной безработицы, коррупции, отсутствия доверия к власти. Многие эксперты говорят о необходимости пересмотреть неэффективную политику федерального центра на Северном Кавказе. Ставка на самостоятельность и финансовые вливания в северокавказские республики не принесла результата, а лишь развратила местные элиты, погрязшие в коррупции и борьбе за власть и игнорирующие социальные и этно-религиозные проблемы. Добиться кардинальных изменений в общественно-политической системе субъектов региона возможно лишь при условии выработки нового подхода, акцент в котором будет сделан не столько на силовую составляющую, сколько на социально-экономическую, политическую и правовую. Однако в любом случае следует нацелиться на длительную борьбу с религиозно-политическим экстремизмом, одновременно отказавшись от порой непродуманного осуществления раз и навсегда запрограммированных шаблонных мероприятий.

Глава II. Общегосударственная система противодействия терроризму в России

2.1. Этапы эволюции общегосударственной системы противодействия терроризму в РФ

В конце XX – начале XXI века Российская Федерация, как и весь мир, переживает период качественного изменения терроризма. Из индивидуального, как это было прежде, терроризм трансформировался в массовый: его главным объектом стала не только властная элита, но и все общество; основными средствами устрашения стали убийства не конкретных людей, а неопределенного, как можно более широкого, круга лиц.

Главная задача современных террористов – осуществление масштабных разрушений, сопровождающихся как можно большим количеством человеческих жертв, с тем, чтобы достичь максимального резонанса в СМИ, спровоцировать напряженность в обществе и тем самым оказать давление на

действия и политику государств. Терроризм стал динамично развивающейся системой. Происходит постоянное развитие форм и методов осуществления террористической деятельности, установление связей и обмен опытом между террористическими группировками, в том числе с использованием глобальной коммуникационной сети Интернет, что характерно и для современной России. В этой связи вызрела необходимость создания эффективной общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации.

Правовую основу общегосударственной системы противодействия терроризму составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, Концепция внешней политики Российской Федерации, Военная доктрина Российской Федерации, а также нормативные правовые акты Российской Федерации, направленные на совершенствование деятельности в данной области. Однако основополагающим правовым документом в этой сфере следует считать Концепцию противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденную Указом Президента РФ 5 октября 2009 года. Во втором разделе данной концепции в развернутом виде представлена общегосударственная система противодействия терроризму.

Однако необходимо отметить, что данная концепция возникла не на пустом месте: ее созданию предшествовал анализ многолетней практики функционирования в нашей стране системы борьбы с терроризмом.

Основы системы борьбы с терроризмом в Российской Федерации были заложены в 1996 году, когда был издан Указ Президента Российской Федерации «О мерах по усилению борьбы с терроризмом», в котором впервые была нормативно закреплена долго вынашиваемая идея межведомственного подхода к борьбе с терроризмом. Спустя год в стране начала действовать

специально созданная Межведомственная антитеррористическая комиссия, Председателем которой стал Директор ФСБ России. Несмотря на то, что Комиссия была призвана осуществлять свою работу на плановой основе (в частности, проводить заседания не реже одного раза в квартал), она не имела собственного постоянного рабочего органа. В этой связи подготовка материалов к заседаниям осуществлялась, главным образом, представителями тех федеральных органов исполнительной власти, к ведению которых относились вопросы, выносимые на повестку дня.

В 1998 году, после принятия Федерального закона «О борьбе с терроризмом», Межведомственную антитеррористическую комиссию упразднили. Вместо нее была образована Федеральная антитеррористическая комиссия Российской Федерации. Однако и она не имела постоянно действующего аппарата, подготовка материалов к заседаниям по-прежнему возлагалась на представителей федеральных органов исполнительной власти, к ведению которых относились рассматриваемые вопросы повестки дня. Отсутствие реальных механизмов, обеспечивающих обязательность исполнения и контроль реализации принятых Комиссией решений, повседневную координацию деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти в сфере противодействия терроризму, объективно снижали эффективность антитеррористических мероприятий.

В 2002 году, после захвата заложников в здании «Норд-Оста», было принято новое положение о Федеральной антитеррористической комиссии. Но принципиальных недостатков существовавшей тогда системы борьбы с терроризмом оно, к сожалению, не устранило. Многие из них проявились во время трагических событий в Беслане. Анализ проведенной операции и предшествующих ей контртеррористических операций выявил целый ряд характерных для того времени проблем, в том числе:

- отсутствие системного подхода к формированию единой государственной стратегии антитеррористической деятельности и долгосрочных программ ее реализации;

- слабое нормативно-правовое регулирование основополагающих принципов функционирования системы противодействия терроризму;
- недостаточно четкое распределение задач и функций в сфере борьбы с терроризмом;
- отсутствие слаженности в работе и единого управляющего центра;
- несовершенство системы контроля и надзора за выполнением установленных Конституцией Российской Федерации общеобязательных требований в сфере противодействия терроризму;
- недостаточное ресурсное и научно-техническое обеспечение органов, осуществляющих борьбу с терроризмом.

После крупнейшего и наиболее циничного за всю российскую, да и мировую, историю акта терроризма, произошедшего в Беслане в начале сентября 2004 года, Президент РФ В. Путин, выступая на расширенном заседании Правительства, подчеркнул, что борьба с терроризмом является общегосударственной задачей, для выполнения которой требуется «единство действий всей исполнительной вертикали». Президент особо отметил, что России нужна антикризисная система управления, рассчитанная на условия ведущейся против нашей страны террористической войны, нужна полноценная система мер, адекватная обстановке и готовая отразить угрозу террора в любой ее форме.

Практически сразу же В.В.Путиным был подписан указ «О неотложных мерах по повышению эффективности борьбы с терроризмом», во исполнение которого ФСБ Российской Федерации, а также рядом заинтересованных министерств и ведомств была разработана принципиально новая концепция контртеррористической деятельности государства. Важнейшей ее составляющей стало определение понятия «терроризм», в том числе как «идеологии насилия», что фактически послужило законодательным и теоретическим обоснованием необходимости существования наряду с институтами борьбы с терроризмом институтов предупреждения и профилактики терроризма.

В целях устранения объективно существовавших на тот момент недостатков в сфере контртеррористической деятельности и совершенствования государственного управления в этой области, в соответствии с Федеральным законом «О противодействии терроризму» и Указом Президента Российской Федерации «О мерах по противодействию терроризму», 10 марта 2006 года был создан Национальный антитеррористический комитет. Для организации планирования применения сил и средств федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов по борьбе с терроризмом, а также для управления контртеррористическими операциями в составе Комитета образован Федеральный оперативный штаб. В субъектах Российской Федерации созданы собственные оперативные штабы (их возглавляют руководители территориальных органов безопасности), а в регионах – антитеррористические комиссии (руководство поручено главам региональных органов исполнительной власти). Объединив представителей 17 государственных структур, министерств и ведомств – в их числе ФСБ, ФСО, МВД, МЧС, Минздравсоцразвития, Минтранс России, Национальный антитеррористический комитет стал действительно коллективным инструментом противодействия терроризму.

К числу важнейших результатов работы созданного Комитета следует отнести реальное повышение эффективности действий всех ветвей власти в сфере борьбы с терроризмом. В 2005 году в РФ был зафиксирован 251 теракт, из них более 90% - против сотрудников правоохранительных органов и органов исполнительной власти в Южном федеральном округе. В последующие два года наблюдалось неуклонное снижение числа террористических акций. Так, в 2006 г. было отмечено 112 терактов, из них вновь не менее 90% отнесены к Югу России; а в 2007 г. – только 48 терактов, то есть впятеро меньше чем в 2005 г., и более чем вдвое меньше по сравнению с 2006 г. Однако в 2009 г. на территории Южного федерального округа, тогда еще включавшем в свой состав Северный Кавказ, было совершено 641 посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих (в 2008 году – 491, рост составил 30%), что объясняется геополитическими причинами и

усилившимся внешним влиянием. В 2010 г. негативная тенденция получила свое продолжение.

Безусловно, имеющиеся некоторые позитивные сдвиги не следует объяснять только созданием и деятельностью НАК, однако существенный вклад в улучшение антитеррористической ситуации внесло, по оценке экспертов, безусловное улучшение координации и взаимодействия министерств и ведомств, руководители которых вошли в состав Национального антитеррористического комитета, Федерального оперативного штаба, АТК и ОШ в субъектах Российской Федерации.

Наряду с осуществлением координации предупредительно-профилактических и силовых действий соответствующих федеральных структур важнейшим направлением в деятельности Комитета было и остается совершенствование правовой основы противодействия терроризму.

В целях реализации положений Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» приняты постановления Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2006 г. № 662 «Об источниках финансирования выплат денежного вознаграждения за содействие борьбе с терроризмом», от 12 января 2007 г. № 6 «Об утверждении Правил осуществления социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта, а также лиц, участвующих в борьбе с терроризмом» и от 6 июня 2007 г. № 352 «О мерах по реализации Федерального закона «О противодействии терроризму».

В соответствии с указанным законом принято также Постановление Правительства Российской Федерации от 6 июня 2007 г. № 352, которым утверждены три очень значимых положения, регламентирующие порядок применения оружия и боевой техники Вооруженными Силами Российской Федерации для устранения угрозы террористического акта или его пресечения в воздушной среде, во внутренних водах, территориальном море, на континентальном шельфе Российской Федерации и подводной среде, а также при участии в проведении контртеррористической операции.

По инициативе НАК внесены изменения в Закон «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г., в части осуществления журналистской

деятельности при проведении контртеррористической операции (при этом используются ранее одобренные журналистским сообществом принципы освещения подобных событий, закрепленные Хартией журналистов России после событий «Норд-Оста»). Так, например, запрещается распространение сведений о тактике проведения операции, спецсредствах и иной информации, которая может поставить под угрозу жизнь и здоровье людей.

Кроме того, Россией подписаны и ратифицированы все 13 универсальных конвенций ООН в сфере противодействия терроризму. Наша страна придает приоритетное значение универсализации участия государств в основных глобальных антитеррористических международно-правовых инструментах. В целях укрепления международного сотрудничества, при активном участии НАК создан Международный банк по противодействию терроризму – единая межгосударственная информационная система обеспечения антитеррористической деятельности.

В качестве одного из приоритетов рассматривается задача противодействия распространению идеологии терроризма. Наиболее проблемным вопросом в этой сфере является распространение указанной идеологии через Интернет, широко используемый террористами (причины тому – легкий доступ к аудитории, анонимность коммуникации, слабое регулирование вопроса на государственном уровне, высокая скорость передачи информации, относительная дешевизна процесса и т.д.). Для усиления идеолого-пропагандистской и разъяснительной работы, имеющую антитеррористическую направленность, Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2008 г. утвержден Комплексный план информационного противодействия терроризму в Российской Федерации на 2008 – 2012 годы. Однако, как представляется, этот план перенасыщен количественными показателями в ущерб качественным, не предусматривает привлечения достижений гуманитарных и общественных наук, и, что немаловажно, носит в целом безадресный характер. Речь, в частности, идет о том, что планом даже не предусмотрено проведение социологических замеров в различных слоях общества на предмет определения их зараженности идеологией религиозно-политического экстремизма. Отсюда и неэффективность пропагандистских

мероприятий, поскольку для каждого социального слоя нужен свой набор методов идеологического воздействия и убеждения. Например, для террористов и лиц, ставших носителями экстремистских идеологий, не существует авторитета светских властей и ученых, а также представителей официального ислама, их идеологическими наставниками выступают молодые имамы «из леса», проповедующие джихад в соответствующей интерпретации. Ситуацию надо корректировать, и как можно скорее. В частности, серьезную роль могла бы сыграть наука, светская и теологическая, морально и материально в этом отношении поддерживаемая государством.

Что касается работы по пресечению каналов финансовой подпитки террористов, внешних и внутренних, то она и вовсе далека от совершенства, нуждается в переосмыслении и улучшении. Особенно это касается вскрытия и пресечения неформальных каналов денежных переводов из-за рубежа типа «хавала»³⁰.

Вместе с тем, создание новой общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации, безусловно, носит позитивный характер. Можно с уверенностью сказать, что в области борьбы с терроризмом Российская Федерация избрала наиболее верный путь. Именно консолидация усилий различных министерств и ведомств, а также гражданского общества является залогом нашей общей победы над терроризмом. Однако любой план, любая концепция и стратегия – не догма, а потому работа по оптимизации и улучшению антитеррористической деятельности должна быть продолжена, с учетом складывающейся геополитической ситуации, а также развитием собственно терроризма.

2.2. Внутренние конфликтогенные факторы подпитки терроризма на Юге России

В Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 5 октября 2009 года, среди основных внутренних факторов, способствующих возникновению и распространению терроризма на территории Российской Федерации, называются:

³⁰ См. об этом: Добаев А.И. ХАВАЛА: неофициальная система финансирования терроризма / Южнороссийское обозрение. Выпуск 65. – Ростов н/Дону, 2010.

1. межэтнические, межконфессиональные и иные социальные противоречия;
2. наличие условий для деятельности экстремистски настроенных лиц и объединений;
3. недостаточная эффективность правоохранительных, административно-правовых и иных мер по противодействию терроризму;
4. недостаточно эффективная борьба с организованной преступностью и коррупцией, незаконным оборотом боеприпасов и взрывчатых веществ.

Как представляется, этот список является крайне неполным, недостаточным для успешного проведения антитеррористической деятельности России. Если рассматривать терроризм как сложное и многомерное социально-политическое явление, то специалисты выделяют ключевые (основополагающие) и второстепенные (подпитывающие) внутренние конфликтогенные факторы, его (терроризм) продуцирующие. Среди ключевых, как правило, выделяют политические (ассиметричная федерация, этноклановые режимы, наличие «замороженных» и вновь возникающих политических конфликтов и др.) и социально-экономические (падение реального производства и связанной с этим явлением безработицы, резкое социальное расслоение населения, системная коррупция, повальное взяточничество и казнокрадство, отсутствие реальных перспектив получить образование, хорошо оплачиваемую работу и т.д.). Среди второстепенных – демографо-миграционные и этноконфессиональные факторы. Системное и целенаправленное воздействие на них со стороны органов государственной власти создает объективные предпосылки для успешной защиты национальных интересов России.

Отмеченные виды факторов находятся в многомерной взаимозависимости, параметры которой изменяются достаточно быстро, что и определяет иерархию, степень значимости и даже содержание самих факторов. Динамика таких изменений обусловлена активностью (определенными стратегиями действия) региональных политических субъектов, к которым относятся элитные группы, политические партии и движения, а также формы

самоорганизации самодеятельного населения, в той мере, в какой оно сформировало механизмы представительства своих интересов.

При этом подчеркнем, что многочисленные факторы, определяющие развитие в южнороссийском регионе нежелательных политических процессов, выделяются автономно в аналитических целях. Реально же имеет место своеобразный синтез всех четырех вышеотмеченных видов, в которых каждый фактор усиливает действие других.

На фоне влияния всех этих факторов, объективно способствующих развитию сепаратистских тенденций, формируется высокий потенциал социальной напряженности в самых широких слоях населения. При этом социально-политическая напряженность приобретает синкретический характер. На практике это означает, что становится невозможным снять или хотя бы ослабить ее мерами (даже самыми широкомасштабными) только военного, экономического или политического характера. Стабилизировать ситуацию и блокировать развитие терроризма сегодня можно только системой долгосрочных мер многопрофильной направленности, чего явно недостает во внутренней и внешней политики современной России.

В настоящее время обстановка в северокавказском регионе России остается сложной. Сохраняются факторы, способствующие усилению угроз и вызовов национальной безопасности. К ним, в частности, относятся: недовольство деятельностью органов государственной власти и высокий уровень неудовлетворенности населения положением дел в регионах, рост протестных настроений, вызванные социально-экономическими трудностями и политическими неурядицами. Дополнительные угрозы и вызовы национальной безопасности формируют также такие специфичные для региона факторы, как рост межэтнической напряженности и деятельность вооруженного экстремистского подполья. В ряде субъектов региона влияние отмеченных факторов значительно превышает средние показатели по стране и Южному федеральному округу, что способствует формированию потенциала общественно-политической нестабильности.

Так, в *Республике Адыгея* сформировался значительный потенциал напряженности, о чем свидетельствует высокий уровень протестных

настроений и недоверия граждан к власти. Одной из причин низкого рейтинга республиканских властей служит высокий уровень коррупции. Подавляющее большинство населения республики, согласно проводимым социологическим опросам, считают эту проблему крайне актуальной.

В Адыгее также сохраняется потенциал межэтнической напряженности, которая связана с противостоянием общественных объединений, представляющих, соответственно, титульную и нетитульные (преимущественно славянские) национальности. Поводом для роста межэтнических противоречий стал в свое время неуклюже поставленный вопрос об объединении Республики Адыгея с Краснодарским краем, которое поддержало славянское население, составляющее две трети жителей республики. Адыгские общественные объединения «Адыгэ Хасэ» и «Черкесский Конгресс» вынесли обсуждение проблемы на международный уровень. Они потребовали и до сих пор настаивают на необходимости признать факт геноцида черкесского (адыгского) народа, якобы совершенного Российской империей в ходе и после Кавказской войны XIX века, квалифицируя ее «русско-кавказской». На этом основании «Черкесский конгресс Республики Адыгея» требовал вернуть Республике Адыгея присоединенные к Краснодарскому краю (в 1940 г. и в 1950 г.) район Красной Поляны, а также некоторые территории вблизи городов Сочи и Туапсе, на которых проживают причерноморские адыги-шапсуги. Эти требования поддерживаются этнически близкими общественными организациями адыгов-кабардинцев и адыгов-черкесов Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республик. Дополнительно способствовала обострению ситуации публичная позиция общественного объединения «Адыгэ-Хасэ Адыгеи», которое заявило о необходимости создания единой черкесской республики на территории трех современных республик – Адыгеи, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии (такая идея была высказана на состоявшемся 23 ноября 2008 г. в Черкесске Чрезвычайном съезде черкесского народа). Проблема все более политизируется по мере приближения сроков проведения Олимпиады – 2014 в Сочи и на Красной Поляне.

Отмечается также процесс «этнизации» политических партий. Например, региональное отделение Объединенной промышленной партии,

представленной в парламенте республики, состоит преимущественно из лиц славянской национальности. По этому же признаку создано региональное отделение незарегистрированной Минюстом России партии «Великая Россия».

В *Республике Дагестан* перманентно обостряется конкуренция между этническими кланово-корпоративными группами интересов. Такие сообщества стремятся расширить свое представительство в верхнем эшелоне власти республики и органах местного самоуправления. Соответствующие притязания реализуются через политические требования и программные заявления национальных общественных объединений (кумыков, лезгин), которые, в свою очередь, апеллируют к этнической солидарности в широких слоях населения. Ими также выдвигаются проекты создания самостоятельных (моноэтнических) административно-территориальных образований.

Этно-клановую основу имеет даже Народное собрание (парламент) РД, при этом ее главной особенностью является прямое представительство в нем всех наиболее влиятельных в республике семей и деловых групп. Дагестанский парламент – это не столько орган, в котором эти семьи и группы хотят иметь подконтрольных себе депутатов, сколько собрание, в котором члены этих семей и групп хотят присутствовать лично. Отсюда – относительно слабая управляемость депутатского корпуса³¹.

Конкуренция этнокорпоративных групп интересов прослеживается и на муниципальном уровне. Открытую форму она принимает в ходе выборов в органы местного самоуправления, которые проходят в острой борьбе, обусловленной соперничеством за доступ к бюджетным средствам.

Усугубляет ситуацию рост религиозно-политического экстремизма, который тесно переплетается с этнонационализмом, клановыми этнополитическими устремлениями и деятельностью криминальных групп. Так, 12 июня 2009 г. на пресс-конференции, посвященной итогам выездного оперативного совещания Совета Безопасности бывший президент РД Алиев М.Г. охарактеризовал обстановку в республике напряженной: «В этом году в республике совершено 30 преступлений террористической направленности. В прошлом году за аналогичный период было 20». «И что особенно тревожит,

³¹ См. об этом: материалы ИА Regnum. – 2009. – 17 июня.

больше стало потерь в силовых структурах. Убито 22 работника правоохранительных органов. В прошлом году за такой же период было убито 8 человек. Правда, среди боевиков тоже немало потерь. В этом году уничтожено 47, в прошлом году – 27 боевиков», - подчеркнул экс-президент. М.Г.Алиев особо отметил неудовлетворительную работу по раскрытию преступлений, связанных с посягательством на жизнь работников правоохранительных органов: «В 2007 году каждое третье такое преступление не раскрыто, в прошлом году – каждое второе. В этом году раскрыто всего 8 преступлений из 52-х. Естественно, это не совсем нормально»³².

Особенно обострило ситуацию убийство 5 июня 2009 г. в Махачкале министра внутренних дел РД – А.Магомедтагирова, ответственность за которое взяла на себя радикальная исламистская группировка «Сейфулла» («Меч Аллаха»), костяк которой, по заявлению МВД РД, был разгромлен еще в ноябре 2007 г. Однако, по мнению экспертов, списывать все на религиозно-политический экстремизм нельзя, поскольку под его прикрытием в Дагестане нередко камуфлируется криминал. Мафиозные кланы в республике, как и на Кавказе в целом, - распространенное явление. В Дагестане, по утверждению некоторых экспертов, представители экстремистских группировок нередко «работают по заказу» группировок криминальных. Для мафиозных структур представители власти – те же враги, так что идея исламистского экстремизма – удобная ширма для ведения войны с ними³³. Назначение нового президента республики не повлияло на улучшение ситуации в регионе.

В *Республике Ингушетия* основным дестабилизирующим фактором являются продолжающиеся посягательства на жизнь сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих и представителей органов власти всех уровней, а также акции со стороны экстремистского подполья по запугиванию населения.

Кроме того, потенциальным фактором, способным вызвать критический сбой в региональной системе государственного управления, могут стать

³² ИА Regnum. – 2009. – 12 июня.

³³ См., например, об этом: Мурклинская Г. Дагестан: :кризис усиливает агрессивность этнокланов // www.fondsk.ru. – 2009. – 25 марта; Орлов А. Что такое ваххабизм и как с ним борются в Дагестане // www.fondsk.ru. – 2009. – 1 июня.

территориальные разногласия между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой по поводу принадлежности Сунженского района и части Малгобекского района Республики Ингушетия. В настоящее время органы законодательной власти приняли законы о границах муниципальных образований, включающих спорные территории. Однако окончательно проблема не урегулирована, а стороны выражают намерение продолжить согласительные процедуры.

После назначения президентом РИ 31 октября 2008 г. Ю.-Б.Б.Евкурова в сравнении с предыдущим периодом наметились предпосылки к стабилизации общественно-политической ситуации. В частности, фиксировалось снижение остроты противостояния между органами исполнительной власти и оппозицией. Позитивным изменениям в процессе установления их диалога в решающей мере способствовала деятельность нового президента республики.

Однако после громких убийств в июне 2009 г. в Ингушетии заместителя председателя Верховного суда РИ – А.Газгиреевой и Б.Аушева, занимавшего на протяжении последних 15 лет в республиканском правительстве высокие должности в силовом блоке – министр внутренних дел, секретарь совета безопасности и курирующий «силовиков» вице-премьер - ситуация заметно осложнилась. После покушения на убийство 22 июня 2009 г. Президента РИ – Ю.-Б.Б.Евкурова можно было уже говорить о дестабилизации обстановки не только в Ингушетии, но и на всем Северном Кавказе. До сих пор ситуация в республике оценивается экспертами как сложная и не всегда предсказуемая.

В *Кабардино-Балкарской Республике* одним из основных факторов нестабильности служит сохраняющаяся напряженность в отношениях между двумя титульными народами (балкарцами и кабардинцами). Радикальная часть балкарской оппозиции (ее представляет общественное объединение «Совет старейшин балкарского народа КБР») обвиняет республиканские власти в проведении этноцентристской политики. В частности, в резолюции митинга (состоялся 8 марта 2009 г. в Нальчике), посвященного Дню депортации балкарского народа, балкарская оппозиция выдвинула требования к Парламенту и Президенту республики дополнить Конституцию КБР статьями о принципах и условиях образования в 1922 году Кабардино-Балкарской

Республики на основе добровольного объединения двух равноправных субъектов, а также отменить все положения республиканского закона № 13-РЗ от 27.02.05 г. в части касающейся, якобы, необоснованного введения «межселенных территорий». Одновременно было принято решение обратиться к руководству страны с просьбой принять меры по обеспечению в полном объеме выполнения Закона РФ «О реабилитации репрессированных народов», Указа Президента РФ «О мерах по реабилитации балкарского народа и поддержке его возрождения и развития», а также Закона РФ «Об основах местного самоуправления в РФ». Разрешение межэтнических противоречий лидеры радикальной балкарской оппозиции видят в образовании самостоятельного субъекта Федерации, который должен объединить территории компактного проживания балкарцев в КБР и карачаевцев в Карачаево-Черкесской Республике.

Активность балкарской оппозиции вызывает негативную реакцию в кабардинской среде. Республиканская общественная организация «Адыгэ-Хасэ» совместно с другими аналогичными адыгскими структурами ставят, в свою очередь, вопрос о создании единой черкесской республики на территориях трех современных республик – Адыгеи, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии.

Дополнительно росту напряженности в республике способствуют проблемы, связанные с судебным процессом по делу о нападении на Нальчик в октябре 2005 г. Родственники участников нападения требуют снять с убитых боевиков обвинения в терроризме и предоставить им точную информацию о месте и порядке захоронения их тел. Ситуацию нагнетают международные НПО, например международная правозащитная организация «Human Rights Watch», требующая удовлетворить требования родственников убитых боевиков. Обстановку усугубляет непрекращающаяся разрушающая активность экстремистского подполья, убийства и нападения на представителей правоохранительных структур.

В *Карачаево-Черкесской Республике* этнические кланово-корпоративные группы интересов оказали противодействие реформированию республиканских органов исполнительной власти и кадровой политике

президента республики, ограничивающей их влияние. Неудовлетворенная новой структурой Правительства республики черкесская элита организовала и 23 ноября 2008 г. в Черкесске (КЧР) провела Чрезвычайный съезд черкесского народа. В его работе приняли участие представители Международной черкесской ассоциации, черкесских общественных объединений из Кабардино-Балкарской Республики, Республики Адыгея, Краснодарского и Ставропольского краев. Ряд участников съезда обвинил руководство КЧР в проведении этнократической и этноцентристской кадровой политики, ущемляющей интересы черкесского народа, а федеральный центр – в отсутствии программы по гармонизации межнациональных отношений. Радикально настроенные делегаты даже выдвинули предложение создать самостоятельный субъект Федерации, который территориально объединил бы все этнические группы адыгов (абазин, адыгейцев, кабардинцев, черкесов и шапсугов).

В целом, отмечается тенденция тождественности общественно-политических процессов в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии: усиление противоречий между руководством республик и кланово-корпоративными интересами части политико-административной элиты, возможное формирование парламентской оппозиции, обострение межэтнических отношений. При дальнейшем развитии такого рода тенденций, согласно экспертным оценкам, кризисные явления в одной из этих республик будут способствовать резонансному усилению нестабильности в другой.

В *Республике Северная Осетия-Алания* положение дел определяется высоким уровнем напряженности в осетино-ингушских отношениях. Несмотря на то, что мероприятия по ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта в основном завершены, ситуация обостряется требованием некоторых ингушских политиков и общественных организаций пересмотреть вопрос о территориальной принадлежности Пригородного района. Тем более что руководство Республики Северная Осетия-Алания недостаточно оперативно осуществляло практические меры по обустройству вынужденных переселенцев, что давало ингушской стороне повод обвинять власти

Республики Северной Осетии-Алании в нежелании решать проблему вынужденных переселенцев.

Кроме того, в Моздокском районе наблюдается рост межэтнической напряженности между чеченцами, ингушами, кумыками, турками-месхетинцами, с одной стороны, и русскими и осетинами – с другой. Это связано с миграцией чеченцев, ингушей, кумыков, а также турок-месхетинцев, в результате которой изменился этнический баланс населения и существенно возросла нагрузка на объекты социальной инфраструктуры района. Также отмечается нарастание напряженности между коренным осетинским населением (иронцы и дигорцы) и осетинами-переселенцами из внутренних районов Грузии (кударцы) и отток русского населения из республики. Фиксируются повышенный фон криминальной преступности и периодические знаковые убийства известных в республике лиц.

Чеченская Республика является практически мононациональным субъектом Российской Федерации. Доля чеченцев в общей численности населения составляет 93,5%, русских – 3,7%. Очаги межэтнической напряженности на территории республики в последние годы не фиксируются, за исключением относительно давних событий 4 июня 2005 года в станице Борздиновская Шелковского района: в результате убийства и похищения нескольких человек аварской национальности неизвестными лицами большинство населения покинуло станицу.

Итак, сложность межэтнических и межконфессиональных отношений на Северном Кавказе и, в свою очередь, уровень проявления в регионе экстремистских, сепаратистских и автономистских настроений обусловлены многочисленными внутренними конфликтогенными факторами, формирующими главные угрозы и вызовы национальной безопасности Российской Федерации. Однако, как полагают эксперты, этого было бы явно недостаточно для разрастания в регионе масштабного террористического движения. В этой связи следует подчеркнуть важность внешнего геополитического воздействия, подпитывающего внутренние факторы, приводя их порой в состояние резонанса.

2.3. Терроризм и геополитика на Юге России

В Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 5 октября 2009 года, среди основных внешних факторов, способствующих возникновению и распространению терроризма на территории Российской Федерации, называются:

1. попытки проникновения международных террористических организаций в отдельные регионы Российской Федерации;
2. наличие очагов террористической активности вблизи государственной границы Российской Федерации и ее союзников;
3. наличие в иностранных государствах лагерей подготовки боевиков для международных террористических и экстремистских организаций, в том числе антироссийской направленности, а также теологических учебных заведений, распространяющих идеологию религиозного экстремизма;
4. финансовая поддержка террористических и экстремистских организаций, действующих на территории Российской Федерации, со стороны международных террористических и экстремистских организаций;
5. стремление ряда иностранных государств, в том числе в рамках осуществления антитеррористической деятельности, ослабить Российскую Федерацию и ее позиции в мире, установить свое политическое, экономическое и иное влияние в отдельных субъектах Российской Федерации;
6. распространение идей терроризма и экстремизма через информационно-телекоммуникационную сеть и средства массовой информации;
7. заинтересованность субъектов террористической деятельности в широком освещении своей деятельности в средствах массовой информации в целях получения наибольшего общественного резонанса;
8. отсутствие в международном сообществе единого подхода к определению причин возникновения и распространения терроризма и его движущих сил, наличие двойных стандартов в правоприменительной области борьбы с терроризмом;

9. отсутствие единого антитеррористического информационного пространства на международном и национальном уровнях.

Как представляется, названные факторы внешних влияний весьма разнородны, большинство из них не являются ключевыми, носят вспомогательный характер. Из всех названных причин к ключевым, обусловленным глобальной и региональной геополитикой самых разнообразных акторов международных отношений, можно отнести лишь те, которые прописаны в пятом пункте. Итак, речь идет о геополитике, поэтому остановимся на вопросе геополитических трансформаций, фиксируемых в постсоветский период на Юге России, и несколько шире - в Кавказском макрорегионе, в Черноморско-Каспийском геополитическом регионе, и даже в рамках т.н. «Большого Ближнего Востока», а также и в глобальном масштабе.

Юг России – регион, который в конце XIX века называли беспокойным тылом державы, сегодня становится для России вовсе не тылом, а настоящим центром стратегического значения, еще более беспокойным. Это связано с происшедшим в начале 90-х годов крушением и расчленением Советского Союза, которое произвело такое сотрясение мировой геополитики, последствия которого ощущаются и сегодня. В движение пришли не только государства, но и окружающие цивилизации, началась борьба за российское наследство. Очевидным стало стремление переориентировать огромные территории, в течение нескольких веков находившиеся в геополитической орбите российской внутренней и внешней политики, на другие центры силы. В этот процесс включились механизмы традиционной геополитики (военная мощь), новой геополитики (экономическая мощь) и новейшей геополитики (информационная мощь), чтобы закрепить территориальный передел не только традиционными военными средствами, но и экономическими, а также информационными возможностями.

В целом, непосредственно в геополитике всего кавказского макрорегиона участвуют следующие основные силы:

- мировые державы, их союзы и объединения (Россия, США, Евросоюз, НАТО);
- региональные государства (Турция, Иран, Саудовская Аравия);

- непосредственно южнокавказские страны (Грузия, Азербайджан, Армения);
- нетрадиционные субъекты политики: непризнанные или ограниченно признанные государства Южного Кавказа (Абхазия, Нагорный Карабах, Южная Осетия), а также различные ТНК (транснациональные корпорации), НПО (неправительственные организации), в том числе НРПО (неправительственные религиозно-политические организации) самой разной направленности, *террористические структуры* в частности.

Однако, несмотря на большое количество субъектов политического процесса на Кавказе, главными акторами кавказской геополитики сегодня, безусловно, выступают Россия и Соединенные Штаты. Смысл американской политики в этом регионе, по мнению ряда экспертов, заключается в контроле над военно-морскими подступами к тому, что является энергетическим эллипсом. Северная кривая этого эллипса проходит от Средиземного моря по Крыму, российскому Предкавказью и замыкается в Афганистане, - отсюда политика на Кавказе и в Центральной Азии. Южная кривая идет через Ирак, Иран и замыкается там же, в Афганистане. Поэтому события, которые имеют место в настоящее время в указанном геополитическом макрорегионе, являются корневыми, движущими факторами современной мировой ситуации. Что касается НАТО, то эта организация по-прежнему выступает в качестве военно-политической связки между Европой и Америкой, где главную роль играет Вашингтон (попутно отметим, что большинство европейских членов НАТО одновременно входят в ЕС).

Развал Советского Союза и отход России на север привели к нарушению исторически сложившегося в XIX-XX вв. геополитического и стратегического равновесия в Кавказском регионе. Здесь возникла во многом качественно новая геополитическая ситуация, неблагоприятная по ряду параметров для национальных интересов и безопасности России. В результате государства Южного Кавказа – Азербайджан, Армения и Грузия – перешли в сферу внешней геополитики России.

В целом, Южный Кавказ представляет собой небольшой по площади регион с ограниченными природными ресурсами. Его важное значение в

мировой политике определяется тем, что благодаря появлению нескольких независимых государств на месте бывшего российско-советского Закавказья США, НАТО и ЕС получили важный военно-политический плацдарм, а также доступ к энергетическим ресурсам Каспия в обход России и Ирана.

Для России первостепенное значение Южного Кавказа определяется тем, что он является приграничным регионом, который примыкает к наиболее сложной в этнополитическом плане части Российской Федерации – Северному Кавказу. Географическая близость и высокая степень интеграции региона с Россией продолжает определять ту важнейшую роль, которую он будет играть в российской политике и экономике, определит характер тех вызовов, с которыми столкнется Россия в своем уязвимом «подбрюшье».

После распада СССР новая геополитическая роль региона в сочетании с высоким внутренним потенциалом конфликтности обусловили превращение его в одну из основных "зон нестабильности" в мире.

Формирование прогноза развития Южного Кавказа на ближайшую и отдаленную перспективу осложняется большой, временами несоразмерной ролью внешнего фактора в жизни региона. К тому же он в настоящее время и сам по себе является трудно предсказуемым, временами совершенно непредсказуемым регионом. Имеется большое число межгосударственных конфликтов, а также всевозможных проблем внутри каждой из стран региона, которые пока не имеют четкого направления развития: будь то в сторону их обострения, либо в сторону урегулирования. Ввиду сложившейся на Южном Кавказе ситуации можно прогнозировать множество вариантов развития региона и каждой из входящих в него стран.

Азербайджан. После распада СССР обладающий богатыми сырьевыми ресурсами Азербайджан оказался в регионе в наиболее благоприятном положении. Главным источником доходов стал экспорт энергоносителей на мировые рынки, экономический рост страны до сих пор базируется на экстенсивном использовании энергетических ресурсов. Подобный упор на развитие энергетического сектора стал причиной недостаточной диверсификации экономики и зависимости от ситуации на мировом энергетическом рынке. К тому же энергетические ресурсы Азербайджана

ограничены и уже в скором времени объемы добычи могут значительно снизиться. Пока азербайджанская элита не проявляет заметного беспокойства по поводу зависимости от «нефтяной иглы» и не имеет достаточных стимулов к политической и экономической модернизации.

В стране сложилась авторитарная модель управляемой или имитационной демократии. Правящий режим полностью контролирует политическую жизнь страны и в состоянии обеспечивать на выборах нужные результаты независимо от того, как проголосуют избиратели. У раздробленной прозападной оппозиции практически нет шансов добиться смены режима путем победы на президентских выборах. Высока вероятность того, что нынешний президент Азербайджана Ильхам Алиев (или, по крайней мере, клан Алиевых) еще долго останется у власти, что подтвердили результаты прошедших в ноябре 2010 г. парламентских выборов, в ходе которых партия власти – «Ени Азербайджан» - сохранила свои лидирующие позиции в парламенте.

Отсутствие перспектив смены правящего режима конституционным путем в условиях отсталости социально-экономической структуры и огромного разрыва в уровнях дохода различных слоев населения ведет к росту социальной напряженности и создает благоприятные условия для деятельности экстремистских сил. Признание странами Запада легитимности осуществленной «передачи власти по наследству» от отца к сыну привело к кризису ориентированных на западную модель демократии политических сил. В результате при финансовой поддержке из-за рубежа в стране наблюдается рост влияния ислама в его наиболее радикальной арабийской разновидности.

Эксперты прогнозируют, что в случае истощения энергетических ресурсов в Азербайджане произойдет резкое обострение социально-экономической ситуации и создастся благоприятная ситуация для победы исламской революции. Однако это маловероятный сценарий развития. Более реалистичным, в случае сохранения нынешних объемов добычи энергоносителей или их незначительного сокращения, а также благоприятной ситуации на мировом энергетическом рынке, в Азербайджане сохранится авторитарная форма правления, и страна сохранит многовекторную внешнюю

политику. Возможен и «евроатлантический» вариант, который станет возможным, в случае если страны Запада смогут добиться приемлемого для всех сторон решения карабахского конфликта с последующим вступлением Азербайджана, Армении и Грузии в НАТО, предоставлением им статуса привилегированных партнеров ЕС и т.п.

Армения. После распада СССР фундаментом экономики Армении стали химическая промышленность, цветная металлургия и энергетика. Успешное функционирование Армянской АЭС позволило стране обеспечить свою энергетическую безопасность, внедрять передовые технологии. Армении удалось расширить применение ядерных материалов и новых технологий в медицине, промышленности, сельском хозяйстве, наладить экспорт электроэнергии в соседние страны.

Несмотря на сохранение сильных авторитарных тенденций, Армения намного успешнее других стран региона развивает институты демократии. Путем выборов в стране сменилось несколько президентов, последние президентские выборы проходили в условиях реальной конкуренции. Успешно действуют и пользуются сильным влиянием проправительственные и оппозиционные партии. Сложная социально-экономическая ситуация обусловлена отсутствием надежных коммуникаций с внешним миром и высокой степенью монополизации экономики тесно связанными с властью олигархическими группами.

Социальная поляризация общества способствует росту протестных настроений. Если нынешнему руководству страны в ближайшем будущем не удастся значительно улучшить социально-экономическую ситуацию и поднять уровень жизни населения, влияние оппозиционных политических сил будет усиливаться.

В качестве одного из возможных (но не главных) сценариев будущего развития ситуации в Армении эксперты считают ее евроатлантизацию. Такое изменение внешней политики Армении может произойти, если страны Запада смогут добиться нормализации армяно-турецких отношений и приемлемого для всех сторон решения карабахского конфликта с последующим вступлением

Азербайджана, Армении и Грузии в НАТО, предоставлением им статуса привилегированных партнеров ЕС и т.п.

В случае осуществления «евроатлантического» сценария Россия лишится возможности сохранять свое военное присутствие в Армении, сократятся масштабы двустороннего экономического сотрудничества. Вытеснение России с Южного Кавказа значительно осложнит ее геополитическое положение, повлечет за собой обострение ситуации на Северном Кавказе и других регионах.

Грузия. Исповедующие евроатлантические ценности власти Грузии не сумели провести экономических реформ, промышленность и сельское хозяйство находятся в состоянии глубокого кризиса. Страна выживает благодаря масштабной финансовой помощи от США и ЕС. Православие и национальная культура испытывают все возрастающее давление со стороны новых религиозных течений, происходит размывание национальной идентичности, интеллектуальный потенциал страны имеет устойчивую тенденцию к снижению.

В результате противоречащей национальным интересам политики властей Грузия превратилась в государство с ограниченным суверенитетом, заложника трудно прогнозируемых глобальных геополитических изменений. В ближайшей перспективе рассчитывать на изменение нынешнего антироссийского курса Тбилиси не приходится, так как национально ориентированные силы в тбилисской политической элите практически отсутствуют.

Во многом благодаря отказу тбилисского руководства от самостоятельной внутренней и внешней политики перспективы развития ситуации в Грузии и во всем регионе теперь во многом зависят от политики внешних по отношению к региону игроков – прежде всего США.

Проводимая Тбилиси политика ущемления этнических меньшинств привела к войнам в Абхазии и Южной Осетии. После разгрома грузинской армии в пятидневной войне (август 2008 г.) независимость этих республик была признана Россией, Венесуэлой, Никарагуа и Науру. Высокий уровень межэтнического напряжения продолжает сохраняться в районах с

азербайджанским населением (Квемо-Картли) и в населенной армянами Джавахетии.

В Грузии сложилась наиболее жесткая в регионе авторитарная модель управляемой имитационной демократии. Правящий режим жестко контролирует политическую жизнь и в состоянии обеспечивать на выборах нужные результаты независимо от того, как проголосуют избиратели. Глубокий социально-экономический кризис, усиление авторитарных тенденций и рост протестных настроений повышает вероятность дестабилизации Грузии.

Эксперты в качестве основного прогнозируют продолжение нынешнего развития ситуации. Согласно ей, Грузия продолжит получать масштабную финансовую помощь стран Запада, а правящий режим продолжит курс на «закручивание гаек», милитаризацию и конфронтацию с Россией. Грузия не будет напрямую включена в НАТО, но продолжит играть роль «кавказского авианосца» США. В этом случае Грузия по-прежнему будет играть роль надежного тыла для антироссийских сил на Северном Кавказе (в том числе террористических группировок), а также военного и политического плацдарма США/НАТО, что напрямую угрожает национальным интересам России в регионе.

Очевидно, что внешняя политика США, в том числе в кавказском макрорегионе, диктуется не столько необходимостью борьбы с мировым злом в лице международного терроризма или проблемой безопасности путей транспортировки энергоносителей, сколько строительством нового мирового порядка. Иными словами, террористические угрозы и каспийские энергоресурсы не являются ключевыми факторами, детерминирующими геополитику Соединенных Штатов в этом регионе Евразии.

Дальнейшая относительно вялая политика России на фоне масштабного проникновения на Кавказ США и НАТО могут решительно изменить сложившийся баланс политических сил в неблагоприятном для России плане. Российское политическое влияние в регионе сохраняется лишь благодаря военно-политическому партнерству с Арменией и присутствию российских миротворцев в Абхазии и Южной Осетии. Но в случае включения Южного

Кавказа в создаваемую НАТО систему безопасности военное присутствие России в Армении может завершиться. Соответственно, резко ослабнут геополитические позиции РФ в регионе.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в последнее время российская политика на Кавказе несколько активизировалась, что обусловливается возросшим потенциалом России. Этому же благоприятствует и современная международная обстановка (укрепление ШОС, ОДКБ и ЕврАзЭС, тупиковая для США ситуация в Ираке и Афганистане, рыхлость и частичная недееспособность расширившегося ЕС, зависимость США и ЕС от российских энергоносителей). Россия, особенно после 5-ти дневной войны в августе 2008 года, имеет все возможности улучшить ситуацию на Кавказе, если будет последовательно и настойчиво использовать имеющиеся для этого возможности, применять разнообразные средства и методы. Для этого России необходимо навсегда покончить со своей прежней вялой политикой «ответов на вызовы» и перейти к политике моделирования ситуации в нужном для нее направлении. Особенно важно, чтобы реакция на происходящие события была оперативной и адекватной, чтобы использовались все возможности, которые возникают в результате происходящих в регионе и мире событий. Целью такой политики должно быть не сохранение остатков бывшего политического и экономического влияния, а его постоянное и планомерное усиление в масштабах всего Кавказа.

В завершение можно сделать вывод: для эффективного противодействия деструктивным тенденциям на Кавказе и отстаивания национальных интересов РФ в регионе необходимо, в первую очередь, противодействовать главному игроку «Большой Игры» (США), предусматривать его очередные ходы, проводить систему превентивных мер по недопущению и профилактике межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Реагируя только на следствия глобальной стратегии США в регионе, Россия будет вынуждена отступать и постепенно сдавать позиции. Единственный способ выиграть - занять активную позицию в «Большой Игре», осознав предварительно ее условия, содержание, систему взаимосвязей и соответствий.

Что касается «международного терроризма», а также его региональных отрядов, он является не первопричиной, но следствием геополитического передела мира, ставшего возможным после крушения Советского Союза. Терроризм сегодня выступает одним из специфических средств тех геополитических сил, которые переформируют мир, мировую политику и международные отношения. Если будут сняты или снижены уровни геополитической напряженности в регионах, в том числе на Кавказе, то, несомненно, терроризм в любых формах и масштабах его проявления сойдет на нет.

2.4. Стратегии совершенствования общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации

Несмотря на отдельные успехи федеральных и региональных властей в борьбе с терроризмом, следует признать, что имеющаяся общегосударственная система в этой сфере еще далека от идеала.

Очень важной представляется правильная оценка складывающейся ситуации. Однако только в 2009 г., после 15-ти лет со дня начала первой чеченской кампании руководство страны, наконец, признало, что внутренние проблемы на Северном Кавказе носят системный характер, а внутренние конфликтогенные факторы превалируют над внешними.

В своем выступлении на расширенном оперативном совещании с членами Совета Безопасности, состоявшемся 9 июня 2009 года в Махачкале, президент РФ Медведев Д.А., говоря о системности северокавказских проблем, подчеркнул, что – «это и сохраняющаяся относительная бедность населения, очень высокий уровень безработицы, огромные масштабы коррупции, системные деформации в государственном управлении на региональном уровне, когда эффективность органов власти является крайне низкой. И, к сожалению, зачастую (но не везде) это сопровождается и утратой доверия к власти, утратой авторитета власти». Далее по тексту выступления Медведев отметил, «что угрозы будут сохраняться в том случае, если мы не сможем

качественным образом противостоять ... внутренним проблемам на Северном Кавказе, таким как клановость, воровство... Если мы не сможем найти правильный ответ на эти угрозы, мы так и будем бороться с террористами». Президент также коснулся вопросов финансирования терроризма, потребовав «перекрыть все каналы, которые существуют для подпитки преступников, посмотреть и на внутренние каналы, и на зарубежные каналы». Был сделан акцент и на необходимость поддержки малого и среднего предпринимательства, совершенствования судебной практики по делам, связанным с терроризмом. Поднимались и другие вопросы.

Однако следует подчеркнуть, что, по сути, в этом, да и в других аналогичных выступлениях, ничего нового не сказано. Аналитики и эксперты эти вопросы поднимают уже второе десятилетие, однако конкретные решения явно запаздывают.

Например, еще в декабре 2004 г. по инициативе аппарата полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе в течение месяца группа привлеченных экспертов, представителей органов власти и управления, научных и образовательных учреждений из всех субъектов ЮФО, определяла пути совершенствования противодействия терроризму. По завершении работы были составлены соответствующие итоговые документы. В них, в частности, было зафиксировано, что, рассматривая ситуацию на Юге России, следует выделить наиболее важные причины и факторы ее обостряющие. Среди них, в первую очередь, были отмечены социально-экономические (системный кризис в экономике, сопровождающийся снижением жизненного уровня населения, в том числе безработицей), политические (ослабление российской государственности в результате развала Советского Союза, деидеологизация населения, многочисленные конфликты), конфессиональные (возрожденческие процессы в религиях, их политизация и радикализация, влияние на эти процессы внешнего фактора) и этнические (этнодемографические и миграционные). В этой связи работу по стабилизации ситуации в регионе предлагалось проводить по следующим основным направлениям: устранение социально-экономических причин межнациональной напряженности, урегулирование основных конфликтов, оптимизация миграционной ситуации,

преодоление религиозного экстремизма, укрепление позиций культуры и образования³⁴.

В итоговом документе зафиксировано буквально следующее³⁵:

Социально-экономический блок. Хроническая дотационность республик Северного Кавказа (до семидесяти процентов местного бюджета) дает достаточные основания к пересмотру всего механизма их социально-экономической поддержки. Видимо, федеральный центр может проводить финансовые вливания в реализацию конкретных экономических и производственных программ в этих республиках только на условиях обеспечения жесткого контроля за денежными потоками. В первоочередном порядке следует обеспечить развитие местных промыслов, добычу природных ресурсов, производство стройматериалов, туризм.

Наряду с дотационными вкладами в бюджеты республик Северного Кавказа следует дать возможность конкретным депрессивным городам и районам четко очерченные временем налоговые льготы и льготные банковские кредиты под гарантии республиканских и местных бюджетов.

В ходе земельной реформы необходимо максимально учесть негативные социально-политические последствия приватизации, приведшей к вымиранию населения, взрыву преступности, распаду морали и духовности.

Особого внимания требует животноводческая отрасль сельхозпроизводства, поскольку здесь сформировался теневой сектор экономики, который возглавляют мощные группировки оптовиков. Получаемая сверхприбыль идет на скупку недвижимости, порождает нелегальные финансовые потоки.

К дальнейшему обострению межэтнических отношений ведет социальное обнищание населения. Одной из его причин является скупка могущественными финансовыми корпорациями высокодоходных или рентабельных промышленных предприятий в субъектах Федерации.

Резкое сокращение налоговых поступлений в местные бюджеты, прекращение финансирования социальной сферы, особенно от бывших

³⁴ Личный архив автора.

³⁵ Там же.

градообразующих предприятий ставит десятки тысяч людей в критические условия.

Особая специфика характерна для Чечни: для решения ее проблем нужны новые подходы, обеспечивающие создание надежной социальной базы умиротворения (создание льготных условий для развития внутренней коммерции, сферы бытовых услуг, развития местных промыслов, подъем дорожной и строительной отраслей).

На федеральном уровне следует ускорить принятие закона о поддержке малого и среднего предпринимательства.

Урегулирование основных конфликтов. Задачу гармонизации межнациональных отношений и формирования установок толерантности невозможно эффективно решить без предварительного формирования единого информационного и культурно-образовательного пространства – основной предпосылки для осуществления реального диалога культур, способствующего укреплению мира и стабильности в регионе. Эта задача может быть решена только при целенаправленном и комплексном задействовании системы мер по профилактике и разрешению конфликтов.

В целях создания условий для безболезненного разрешения конфликтных ситуаций, субъектам Федерации Южного федерального округа и Аппарату полномочного представителя Президента в ЮФО предлагалось принять следующие меры:

- Инициировать перед федеральным Центром принятие новых или стимулирование уже действующих Программ, непосредственно касающихся Юга России и Северного Кавказа.

- Принять меры по кадровому обеспечению органов власти субъектов Федерации Южного федерального округа квалифицированными кадрами конфликтологов.

- Оказать содействие ведущим вузам Южного федерального округа в деле подготовки специалистов по направлению "конфликтология" по программе магистратуры. Поставить перед федеральным центром задачу скорейшего введения в классификатор специальностей такой профессии, как "конфликтолог".

- Приступить к созданию в городах субъектов Южного федерального округа нового института – встроенных в систему муниципальной власти на уровне района (для крупных городов) или города в целом особых конфликтологических служб, которые могли бы оказывать различные услуги населению (информирование, посредничество в разрешении конфликта).

- Создать необходимые условия в крупных городах Южного федерального округа (особенно в тех, которые отличаются повышенной социальной напряженностью, полиэтничным составом населения и растущими диаспорами) Центры по разрешению конфликтов, где населению могла бы оказываться квалифицированная конфликтологическая помощь в различных сферах жизни.

Предложения по оптимизации миграционной ситуации в Южном федеральном округе:

1. С целью привлечения к переезду в Российскую Федерацию соотечественников из государств СНГ ускорить принятие Федерального закона «О репатриации», предусматривающего меры государственной поддержки репатриантов, дифференцированного по субъектам Федерации в зависимости от необходимости притока в них дополнительных людских ресурсов. В законе должны быть определены меры финансовой поддержки репатриантов (налоговые льготы, жилищные и иные кредиты).

2. Федеральным органам исполнительной власти и органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации принять меры по формированию системы мер, направленных на эффективную интеграцию мигрантов в принимающее сообщество.

3. Усилить контроль за въездом и пребыванием на территории России иностранных граждан и лиц без гражданства.

4. Усилить контроль за перемещением по территории страны граждан Российской Федерации. Для этого в законопроект о регистрационном учете граждан Российской Федерации нужно ввести понятие социальной нормы жилой площади, сокращение которой не позволяет осуществить регистрацию в жилых помещениях, вне зависимости от формы собственности. Необходимо также предусмотреть механизмы ограничения миграции в приграничные и

курортно-рекреационные территории на основе законодательного закрепления понятия «миграционной емкости региона» (возможностей интеграции мигрантов без нанесения ущерба уникальному природно-климатическому комплексу).

Вопросы преодоления религиозного экстремизма и терроризма. Основными направлениями реализации этого блока мер, по предложению экспертов, были названы: совершенствование правовой базы, укрепление и совершенствование деятельности специальных служб, усиление борьбы с финансированием экстремизма и терроризма, активизация разъяснительной и пропагандистско-идеологической работы.

В рамках деятельности по совершенствованию правовой базы было предложено провести инвентаризацию всех законодательных актов, направленных на борьбу с экстремизмом и терроризмом, внести в них необходимые коррективы в плане усиления ответственности за осуществление вышеперечисленных видов противоправной деятельности, а главное – усилить практику правоприменения этих норм.

Для активизации работы правоохранительных органов предлагалось рассмотреть возможность воссоздания единой жестко централизованной спецслужбы России, упростив ее структуру, улучшив техническое оснащение, укрепив кадровый состав, увеличив денежное содержание оперативным сотрудникам.

Усиление борьбы с финансированием экстремизма и терроризма предполагало реализацию мер, направленных на подрыв и ликвидацию внешней и внутренней экономической базы радикалов. Реализация на практике этих мер играет главенствующую роль, поскольку существенно ограничивает финансово-экономические возможности экстремистов и одновременно сужает социальную базу их поддержки.

Активизация разъяснительной и идеолого-пропагандистской деятельности заключается, прежде всего, в поддержке лояльного федеральному центру мусульманского духовенства и традиционных исламских структур, формировании условий для их укрепления и модернизации, а также проведении различного рода политико-организационных мероприятий «антиваххабитской» направленности.

Культура и образование как факторы укрепления общероссийской идентичности. На этом направлении предлагалось реализовать следующие меры:

1. Разработать и утвердить на основе обновленной «Концепции государственной национальной политики» - «Концепцию государственной

этнонациональной образовательной политики», конкретизирующую применительно к сфере образования действие Концепции государственной политики.

2. Разработать систему мер по поддержке русского языка как средства межнационального общения и развития межкультурного диалога в поликультурном и многоязычном пространстве южнороссийского региона.

3. В целях укрепления единого образовательного пространства Российской Федерации разработать и внедрить эффективный механизм взаимодействия и сопряжения федерального, национально-регионального компонентов и компонента образовательного учреждения, определяющих содержание общего образования. Особое внимание при этом должно быть уделено предметам гуманитарного цикла. Содержание федерального и национально-регионального компонентов должно определяться установками на формирование общероссийской идентичности, воспитание учащихся в духе межэтнической и межконфессиональной толерантности.

4. Разработать и принять программу развития межкультурного диалога народов России, включающую, в частности, мероприятия по пропаганде национальных культур народов Российской Федерации через государственные учреждения образования, культуры, печатные и электронные СМИ.

Из приведенного документа усматривается, что эксперты уже давно говорили о системности внутренних проблем и необходимости их, если и не полного устранения, то хотя бы минимизации. Нельзя сказать, что за прошедшие годы ничего не сделано, однако реализованного явно недостаточно.

Как представляется, главным недостатком в борьбе с терроризмом является неполное понимание властями всех уровней природы этого явления, тенденций и направлений его развития. Концептуальная ограниченность ведет к тиражированию не совсем адекватного имеющимся террористическим угрозам законодательства, концепций, стратегий. Если, например, проанализировать внутренние и внешние факторы, способствующие возникновению и распространению терроризма на территории Российской Федерации, зафиксированные в Концепции противодействия терроризму в РФ от 05.10.2009 г., то нетрудно заметить, что их перечень далеко не полон, а сами

названные факторы носят несистемный, неупорядоченный характер. Такими же недостатками страдают и другие аналогичные документы. Разумеется, мозаичность восприятия сложного социально-политического явления не может способствовать выстраиванию четкой системы противодействия терроризму, как в теоретическом ключе, так и на практике.

В качестве примера отдельно следует остановиться на недостатках в области идеолого-пропагандистской и разъяснительной работы в сфере противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму. Рассмотрим, в частности, уже упоминавшийся «Комплексный план информационного противодействия терроризму в Российской Федерации на 2008 – 2012 годы», утвержденный Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 13.05.2008 г.

Предварительно поговорим о таком явлении, как информационная безопасность на государственном уровне. Как известно, информационная безопасность выступает сегментом национальной безопасности любого государства. В этой связи можно утверждать, что страна, имеющая превосходство в силах и средствах информационной борьбы, может рассчитывать на успех в геополитическом противоборстве с противостоящими центрами силы.

Одним из основных условий информационной безопасности является наличие самой информации у властей всех уровней. Ее отсутствие, недостаток, либо несоответствие критериям полноты, своевременности и объективности, безусловно, представляет угрозу национальной безопасности, поскольку все это может повлечь за собой неправильное информирование руководства страны, федеральных округов, субъектов Федерации и, соответственно, непринятия надлежащих мер нужным образом. Кроме этого, к вопросам информационной безопасности можно отнести и защиту получаемой информации, коммуникационных систем ее передачи и обработки и т.д.

Угрозы информационной безопасности подразделяются на внешние и внутренние. Особым элементом внешних информационных угроз и вызовов выступают т.н. «информационные войны», которые в последние годы рассматриваются в русле «сетевых войн».

Немаловажными представляются внутренние угрозы информационной безопасности страны.

Среди них следует отметить появление и развитие, начиная с конца 80-х гг. XX в., псевдонаучных «исследований», выдвигающих идеи «возрожденчества», обретения «корней», возрождения к истокам. Их инициаторами выступали и продолжают выступать идеологи и практики различных этнонациональных и исламистских движений, что особенно

характерно для республик Северного Кавказа. Этнонационализм для региона был особенно актуален в период активизации процесса этнополитической мобилизации, пришедшийся на конец 80-х - середину 90-х гг. (Конфедерация народов Кавказа, Международная черкесская ассоциация, Общенациональный конгресс чеченского народа и т.д.), а исламизм – с середины 90-х гг., вплоть до наших дней. Творцы «исламского возрождения» делают упор на исключительность мусульман, единой мусульманской Уммы, необходимость воссоздания «исламского государства» (халифата), основанного на шариате. Этнонационалисты, противопоставляя свои этносы другим, говорят об исключительности своих народов, предками которых, якобы, были создавшие древние цивилизации шумеры, хеты, этруски и т.д. Кроме того, они явочным порядком вводили права этнической собственности на «свою территорию». В результате мы стали свидетелями вовсе не мифического, но реального возрождения абречества на Северном Кавказе, а также непотистских (родственно-кумовских) связей и отношений, различного рода ограничений для «не своего» по крови бизнеса, требований депортации со «своей земли» чужаков, некоренных.

В конце 80-х – начале 90-х гг. националистические идеи усилиями, прежде всего, «коренных» ученых национальных республик Северного Кавказа были закреплены в материалах научных конференций, семинаров, круглых столов по различным региональным проблемам. Именно тогда зародились различные северокавказские мифы, сформировались антироссийские, антинаучные термины «русско-кавказская война», «геноцид северокавказских народов» и т.п. Одновременно эти темы были актуализированы средствами массовой информации.

К середине 90-х гг. научная общественность России, ее южнороссийского региона, сумела, в основном (но далеко не полностью), восстановить утраченный престиж в области кавказоведения. Прогосударственные позиции российских исследователей сегодня практически стали нормой, соответственно, позиции националистов и русофобов в науке оказались подорванными.

Начиная с 2000 г. в связи с образованием Южного федерального округа, регулирования деятельности СМИ, количество материалов, разжигающих межэтническую и межконфессиональную рознь, по крайней мере, в русскоязычных СМИ стало сокращаться (проблемой остаются СМИ на национальных языках, которые практически не контролируются органами власти).

Тем не менее, в этот же период националистические идеи из научных изданий и СМИ плавно перекочевали в школьные учебники по истории практически всех республик. Так, например, в изданных в конце 90-х гг. в Республике Адыгея учебниках истории для 5-9 классов просматривается ярый «адыгоцентризм», нежелание считаться с традиционной полиэтничностью истории региона. Название серии учебников, по мнению экспертов, маскирует очевидную подмену «истории Адыгеи» историей адыгейцев.

Заслуживает также внимание издательская деятельность и еще недавнее наличие в розничной торговле книг и брошюр, по сути, подрывного содержания. Зачастую, как это случилось с мусульманской литературой, появление на полках магазинов, в мечетях и исламских учебных заведениях изданий, содержащих в себе экстремистские идеи, связано с дефицитом собственной богословской и правоведческой литературой. Этот недостаток до сих пор компенсируется произведениями зарубежных авторов, идеологов радикального ислама, в том числе экстремистскими (аль-Ваххаб, аль-Мадуди, С.Кутб, аль-Умар, аль-Фаузан, Башамил, аль-Шакк и многие другие идеологи радикального ислама). Необходимо подчеркнуть, что подрывная исламистская литература попадает в страну не только из-за рубежа, но значительная ее часть до недавнего времени публиковалась непосредственно на территории России (например, издательство «Бадр» тиражировало издаваемую литературу, в основном, в Москве и Московской области).

Особого внимания заслуживает киберпространство, деятельность различных телекоммуникационных сетей типа Интернет. Деятельность отдельных субъектов киберпространства носит антироссийский характер (например, удуговский «Кавказ-центр»). Противодействие «идеологическим диверсиям» на этом канале должно носить специфический характер.

Разумеется, все вышеназванные (а также не названные) угрозы информационной безопасности должны адекватно оцениваться и, в случае необходимости, блокироваться. Для этого, как представляется, должна быть задействована скоординированная во времени и пространстве система мер. Только системное и целенаправленное воздействие на все подсистемы «информационной войны» могут создать предпосылки для успешной защиты информационной, а, следовательно, национальной безопасности страны. Речь идет о выстраивании практических мер по блокированию угроз и вызовов информационной безопасности.

Если же мы рассмотрим пункты Комплексного плана информационного противодействия терроризму в Российской Федерации на 2008 – 2012 годы, то увидим, например, что предлагаемые меры касаются некой аморфной массы населения страны. Более того, все эти меры, как правило, адресуются обычным законопослушным гражданам, далеким от идеологии и практики терроризма. Однако наблюдается явный дефицит предложений относительно уязвимых категорий граждан и носителей идеологии религиозно-политического экстремизма. В стране практически не проводятся социологические исследования на этот счет, поэтому нет даже первичного представления относительно того, с кем и как надо работать. Более того, терроризм, как идеологическая доктрина и основанная на ней специфическая политическая практика, локализован преимущественно на Северном Кавказе. Однако средства на противодействие ему распланы по всей стране. Понятно, что в такой ситуации рассчитывать на эффективность наших мероприятий не приходится, и практика всех последних лет, в том числе текущего года, подтверждает сказанное.

Изложенный материал свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования общегосударственной системы противодействия терроризму.

Глава III. Национальная система противодействия международному терроризму

3.1. Развитие национальной системы противодействия

терроризму в России

Международное сотрудничество в области противодействия терроризму подразумевает развитие национальных систем противодействия этому разрушающему явлению, в том числе и в Российской Федерации. Вопросы, связанные с международным сотрудничеством России в области противодействия терроризму, нашли отражение в 4-й главе Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации (пп. 48-51)³⁶. Рассмотрим их подробнее:

48. Международное сотрудничество является необходимым условием обеспечения эффективности противодействия терроризму и осуществляется на основе и при строгом соблюдении принципов и норм международного права, а также в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

49. Российская Федерация ведет работу, направленную на подтверждение центральной, координирующей роли Организации Объединенных Наций в деле международного сотрудничества в области противодействия терроризму, неукоснительное выполнение резолюций Совета Безопасности ООН и положений универсальных конвенций в этой области, на эффективную реализацию принятой Генеральной Ассамблеей ООН в сентябре 2006 года Глобальной контртеррористической стратегии.

50. Основные усилия Российской Федерации в рамках международного антитеррористического сотрудничества должны быть сосредоточены на следующих направлениях:

а) выявление и устранение пробелов в международном праве в части, касающейся регламентации сотрудничества государств в области борьбы с терроризмом;

б) продвижение российских международных инициатив в области противодействия терроризму, включая Глобальную инициативу по борьбе с актами ядерного терроризма и Стратегию партнерства государств и бизнеса в противодействии терроризму;

³⁶ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Российская газета. – 2009. – 20 окт.

в) обеспечение эффективной работы механизмов как многостороннего (в формате Содружества Независимых Государств, Шанхайской организации сотрудничества, Организации Договора о коллективной безопасности и других международных организаций), так и двустороннего взаимодействия с партнерами по антитеррористической коалиции;

г) осуществление практических мероприятий по перекрытию каналов финансирования террористических организаций, пресечение незаконного оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, недопущение передвижения субъектов террористической деятельности через государственные границы, противодействие распространению террористической пропаганды и идеологии, оказание содействия жертвам терроризма.

51. В целях проведения единой внешнеполитической линии Российской Федерации в области международного антитеррористического сотрудничества Министерство иностранных дел Российской Федерации координирует деятельность федеральных органов исполнительной власти в данной области.

В свою очередь, Национальный антитеррористический комитет обеспечивает координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области противодействия терроризму на территории Российской Федерации, в том числе при реализации решений, принятых в рамках международного антитеррористического сотрудничества.

В целом, в мире сложился устойчивый комплекс мер по борьбе с международным терроризмом:

1. меры политического и международно-правового характера;
2. меры военного и специального характера;
3. меры по пресечению финансирования террористических организаций;
4. меры несилового характера.

Однако следует подчеркнуть, что соответствующие документы, принятые в рамках ООН, ее специализированных или связанных с ней учреждений, региональных и других организаций, так же, как и национальные

законодательства, сосредоточены на акциях, составляющих терроризм, и мерах их пресечения. В системе ООН, в частности, эти акции разделены на четыре категории: 1) направленные против определенных видов транспорта или конкретных сооружений; 2) направленные против конкретных категорий лиц; 3) захват заложников; 4) использование определенных веществ или устройств для террористических целей. Отсюда усматривается, что целая группа вопросов еще не получила международно-правовой разработки.

Тем не менее, выработан целый ряд международных документов, относящихся к терроризму, среди которых отдельно следует выделить универсальные конвенции ООН (13 универсальных конвенций и 3 дополнительных протокола):

1. Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 года («Токийская конвенция»), касающаяся авиационной безопасности. Применяется к актам, затрагивающим безопасность в полете; разрешает командиру воздушного судна устанавливать разумные меры, включая сдерживание, в отношении любого лица, которое, по мнению командира, совершило или намеревается совершить такой акт, когда это необходимо для защиты безопасности воздушного судна; и требует, чтобы договаривающиеся государства арестовывали нарушителей и возвращали контроль над воздушным судном законному командиру.

2. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 года («Гаагская конвенция»), касающаяся захвата воздушных судов. Объявляет преступлением действия любого лица на борту воздушного судна, находящегося в полете, «незаконно, путем насилия или угрозы применения насилия или путем любой другой формы запугивания захватывает это воздушное судно или осуществляет над ним контроль», либо пытается совершить любое такое действие; требует, чтобы участники Конвенции применяли в отношении захвата воздушных судов «суровые меры наказания»; требует, чтобы стороны заключали преступников под стражу с целью либо их выдачи, либо осуществления преследования по делу; и требует, чтобы стороны оказывали друг другу содействие в связи с уголовным разбирательством, начатым согласно Конвенции.

3. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, 1971 года («Монреальская конвенция»). Касается актов авиационного саботажа, таких, как взрывы бомб на борту воздушного судна, находящегося в полете. Объявляет преступлением действия лица незаконно и преднамеренно совершающего акт насилия в отношении лица, находящегося на борту воздушного судна в полете, если такой акт может угрожать безопасности этого воздушного судна; помещение на воздушное судно взрывчатого вещества; попытку совершить такие действия или соучастие лицу, которое совершает или пытается совершить любое такое действие; требует, чтобы участники Конвенции применяли в отношении таких преступлений «суровые меры»; и требует, чтобы участники брали под стражу преступников либо для их выдачи, либо для осуществления преследования по делу.

4. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 1973 года, касающаяся нападений на высокопоставленных должностных лиц правительств и дипломатов. Определяет «лицо, пользующееся международной защитой» как главу государства, министра иностранных дел, представителя или должностного лица государства или международной организации, которое имеет право на специальную защиту в иностранном государстве, и его семью; и требует, чтобы участники устанавливали уголовную ответственность и предусматривали «соответствующее наказание с учетом тяжкого характера» за преднамеренное убийство, похищение или другое нападение против личности или свободы лица, пользующегося международной защитой, насильственное нападение на официальное помещение, жилое помещение или транспортное средство такого лица; угрозу совершить такое нападение или попытку его совершения; и действия «в качестве соучастника».

5. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 года («Конвенция о заложниках»). Предусматривает, что «любое лицо, которое захватывает или удерживает другое лицо и угрожает убить, нанести повреждение или продолжать удерживать другое лицо для того, чтобы

заставить третью сторону, а именно: государство, международную межправительственную организацию, какое-либо физическое или юридическое лицо или группу лиц — совершить или воздержаться от совершения любого акта в качестве прямого или косвенного условия для освобождения заложника, совершает преступление захвата заложников по смыслу настоящей Конвенции.

6. Конвенция о физической защите ядерного материала 1980 года («Конвенция о ядерных материалах»), касающаяся незаконного захвата и использования ядерных материалов. Устанавливает уголовную ответственность за незаконное владение, использование, передачу или кражу ядерного материала и угрозу использовать ядерный материал для причинения смерти, серьезных увечий или существенного ущерба собственности.

Поправки к Конвенции о физической защите ядерного материала юридически обязывают государства-участники защищать ядерный материал при его мирном использовании, хранении и перевозке внутри государства, а также ядерные установки; и предусматривают расширенное сотрудничество между государствами в отношении оперативных мер по обнаружению и возвращению пропавшего или украденного ядерного материала, смягчения или сведения к минимуму радиологических последствий саботажа или предотвращения связанных с этим преступлений и борьбы с ними.

7. Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, 1988 года, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации. Распространяет положения Монреальской конвенции (см. пункт 3, выше) с целью охватить террористические акты в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию.

8. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, 1988 года, касающаяся террористической деятельности на борту судов. Устанавливает правовой режим, применимый к актам, направленным против международного морского судоходства, аналогичный режимам, установленным для международной авиации; и объявляет преступлением, действия лица по незаконному и преднамеренному

захвату судна или осуществлению контроля над ним силой или угрозой силы или путем любой другой формы запугивания, совершение акта насилия против лиц на борту судна, если этот акт может угрожать безопасному плаванию данного судна, помещение или совершение действия в целях помещения на борт судна устройства или вещества, которое может разрушить это судно, и совершение других актов, направленных против безопасности судов.

Протокол 2005 года к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства объявляет преступлением использование судна в качестве средства для совершения террористического акта; объявляет преступлением перевозку на борту судна различных материалов, когда известно, что они предназначены для использования с целью причинить или создать угрозу причинения смерти или серьезных увечий или ущерба для совершения террористического акта; объявляет преступлением перевозку на борту судна лиц, которые совершили террористический акт; и устанавливает процедуры для высадки на борт судна, которое считается совершившим преступление согласно Конвенции.

9. Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, 1998 года, касающийся террористической деятельности на морских стационарных платформах. Устанавливает правовой режим, применимый к актам, направленным против стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, который сходен с режимами, установленными в области международной авиации.

Протокол 2005 года к Протоколу о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе применяет изменения к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, в отношении стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе.

10. Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения 1991 года предусматривает химическую маркировку для облегчения обнаружения пластических взрывчатых веществ, например для

борьбы с актами саботажа в отношении воздушных судов. Предназначена для установления контроля и ограничения в отношении использованных немаркированных и не поддающихся обнаружению пластических взрывчатых веществ (заключена после взрыва рейса 103 компании «ПанАм» в 1988 году). Стороны обязаны на своих соответствующих территориях обеспечивать эффективный контроль в отношении «немаркированных» пластических взрывчатых веществ, т. е. тех взрывчатых веществ, которые не содержат одно из маркирующих веществ, о котором говорится в Техническом приложении к договору; и в целом каждый участник обязан, среди прочего, принимать необходимые и эффективные меры для запрещения и предотвращения изготовления на его территории немаркированных взрывчатых веществ; предотвращать ввоз на его территорию и вывоз с нее немаркированных взрывчатых веществ; осуществлять строгий и эффективный контроль над владением и передачей во владение немаркированных взрывчатых веществ, которые были изготовлены до вступления Конвенции в силу; обеспечивать, чтобы все запасы взрывчатых веществ, не находящиеся во владении органов, осуществляющих военные или полицейские функции, были уничтожены, использованы, маркированы или лишены взрывчатых свойств в течение трех лет; принимать необходимые меры для обеспечения того, чтобы немаркированные взрывчатые вещества, находящиеся во владении военных или полиции, были уничтожены, использованы, маркированы или лишены взрывчатых свойств в течение 15 лет; и обеспечивать скорейшее уничтожение любых немаркированных взрывчатых веществ, произведенных после вступления Конвенции в силу для этого государства.

11. Международная Конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года. Предусматривает режим универсальной юрисдикции в отношении незаконного и преднамеренного использования взрывных или иных смертоносных устройств в пределах различных указанных мест общественного пользования или против них с намерением причинить смерть или серьезные увечья или значительные разрушения таких общественных мест.

12. Международная Конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года. Требуется, чтобы участники предпринимали шаги, с тем чтобы

воспрепятствовать и противодействовать финансированию террористов, независимо от того, осуществляется ли такое финансирование прямо или косвенно через организации, которые утверждают, что преследуют благотворительные, общественные или культурные цели, или также вовлечены в запрещенные виды деятельности, такие, как незаконный оборот наркотиков и поставки оружия; обязывает государства привлекать тех, кто финансирует терроризм, к уголовной, гражданской или административной ответственности за такие деяния; и предусматривает выявление, блокирование и арест фондов, предназначенных для террористической деятельности, а также раздел с другими государствами конфискованных средств в каждом случае в отдельности. Банковская тайна более не является достаточным основанием для отказа в сотрудничестве.

13. Международная Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 года. Охватывает широкий круг деяний и возможных целей, включая атомные электростанции и ядерные реакторы; охватывает угрозы или попытки совершить такие преступления или участвовать в них в качестве соучастника; предусматривает выдачу или преследование преступников; призывает государства сотрудничать в предотвращении террористических нападений посредством обмена информацией и оказания друг другу помощи в связи с уголовными расследованиями или процедурами выдачи; и предусматривает как кризисные ситуации (оказание государствам помощи в урегулировании ситуации), так и посткризисные ситуации (обеспечение безопасности ядерного материала через Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ)).

В рамках созданного при ООН Специального комитета по терроризму государства-члены с 2000 года также обсуждают проект всеобъемлющей конвенции о международном терроризме. Если эта конвенция будет принята, она дополнит существующую базу международных контртеррористических документов и укрепит следующие руководящие принципы, которые уже воплощены в других контртеррористических конвенциях последнего времени:

- важное значение установления уголовной ответственности за террористические преступления, с тем чтобы они стали юридически наказуемыми, а их исполнители подвергались преследованию или выдаче;

- необходимость отмены законодательных актов, которые предусматривают исключения из такой уголовной ответственности по политическим, философским, идеологическим, расовым, этническим, религиозным или аналогичным основаниям;

- настоятельный призыв в адрес государств-членов, с тем чтобы они принимали меры по предотвращению террористических актов;

- подчеркивание того, что государствам-членам необходимо сотрудничать, обмениваться информацией и оказывать друг другу максимально возможное содействие в связи с предотвращением, расследованием и преследованием в отношении террористических актов.

В глобальной контртеррористической стратегии ООН, принятой Генеральной Ассамблеей 8 сентября 2006 года, государства-члены подчеркнули важность существования международных контртеррористических инструментов, призвали принять в них участие и выполнять их условия.

3.2. Основные направления борьбы с радикальными исламистскими движениями в идеологической сфере: мировой опыт

Как считают специалисты-террологи, асимметричная борьба с воинствующим исламизмом не будет развиваться по парадигме, присущей войнам прошлого века, она будет продолжительной и весьма изнурительной³⁷. Крупный специалист по исламу и ближневосточной проблематике Д. Хиро также прогнозирует, что «палестинская проблема, Кашмир, Ирак, присутствие американских войск в Персидском Заливе будут находиться в центре внимания политиков еще не одно десятилетие»³⁸.

Исследователи практически едины в мнении о том, что в исламском мире с течением времени будут усиливаться настроения в пользу укрепления общности мусульманской уммы в связи с международной кампанией, направленной против терроризма, в том числе против радикальных исламистов и экстремистов. В этой связи следует ожидать и дальнейшего роста

³⁷ Diagnosing Al Qaeda. News and Commentary // RAND. - 2003. - August 18. - <http://www.rand.org.news.newslink.fr.html>.

³⁸ Hiro D. War Without End. Roulledge Press. - New York, 2002. - <http://www.mca-marines.org>.

джихадистских устремлений, в том числе с использованием салафитско-ваххабитских доктрин о необходимости восстановления раннеисламских ценностей, норм и традиций. Разумеется, под знаменем этого движения будут разворачиваться и борьба с давлением западной цивилизации на мир ислама, и борьба с использованием религии для государственного переустройства отдельных стран. Характерно, что такие настроения являются преобладающими даже в тех мусульманских общинах, которые не проживают в эпицентре исламского мира – на Ближнем и Среднем Востоке. Это касается, например, мусульман Индонезии и Малайзии, а также и мусульманских диаспор, проживающих в западных странах, в том числе в США.

Несмотря на наносимые им удары, как следует из анализа западных СМИ, террористы умело приспосабливаются к быстро меняющимся условиям. В этой связи спецслужбам западных стран все труднее становится расследовать дела на отдельных лиц, не имеющих четко выраженной связи с организованным трансграничным терроризмом. Это похоже на пресловутый «поиск иголки в стоге сена», хотя в данном случае хотя бы известно, где находится сам стог. Размеры угрозы многократно возрастают при необходимости отыскать несколько таких «иголок». Например, в Израиле, располагающем эффективно действующими специальными службами, также испытывают трудности при организации борьбы с терроризмом, но там сфера этой борьбы ограничена сравнительно небольшой территорией. В случае же, когда такой ареной выступает весь мир, трудности в нейтрализации угрозы возрастают многократно.

Те, кто критикует американские спецслужбы за провал 11 сентября 2001 года, обычно исходят из той посылки, что правительство США обязано было сделать возможным проникновение в террористическую организацию, планировавшую осуществить разрушительные операции, или же, по крайней мере, быть способным проанализировать ситуацию и предсказать возможный ход событий. Однако следует подчеркнуть, что такого рода критика не учитывает природу угрозы. Угонщики самолетов, действовавшие 11 сентября, не были организацией. Более того, они не ассоциировали себя с «Аль-Каидой», которая выступала в качестве спонсора. В этом заключается суть инцидента:

наибольшую угрозу представляет не «Аль-Каида» или другая радикальная исламистская группировка, а индивидуум, ведущий нормальный образ жизни где-то, в какой-то пуштунском кале или чеченском ауле и в силу определенных жизненных обстоятельств решивший стать террористом, той самой «иглой в стоге сена». Это «временный» террорист, который может быть использован только один раз, а потому спецслужбы оказываются зачастую не в состоянии получить в отношении него упреждающую информацию. Перехватить механизм приведения в действие такого террориста-смертника «разового использования» чрезвычайно сложно, если вообще возможно.

Чтобы противодействовать террористической угрозе, необходимо знать планы террористов, разрушать ячейки их сетей, ловить террористов на улицах, «мочить в сортире», атаковать их опорные базы, лишать социальной поддержки со стороны местного населения, пресекать каналы финансовой подпитки, эффективно противодействовать идеологическим доктринам экстремистов. Разумеется, все это можно осуществлять только при наличии систематически поступающей конфиденциальной информации, что предопределяет необходимость неуклонного укрепления национальных спецслужб.

Предотвращение террористической акции со стороны не объединенных в иерархически одну организацию лиц, возможно, является самым серьезным вызовом нашего времени для государств и их соответствующих институтов и организаций. Борьба с сетевыми террористическими образованиями требует новых, нетрадиционных подходов, только тогда она может стать успешной. Сегодня терроризм, сохраняя традиционные элементы, одновременно является в высшей степени нетрадиционным. В этом и заключается главная проблема транснационального глобального джихада. Смесь партизанской войны, диверсионной активности и терроризма, например, в Афганистане и Ираке, оказалась катастрофически гремучей, что являет собой образчик асимметричной войны XXI века.

Что касается такфиристов-джихадистов, то о противодействии их деятельности нельзя говорить в отрыве от методики и практики борьбы с

международным глобальным джихадом. Их движения, организации, группы, ячейки составляют внушительный сегмент сети международного терроризма.

Бывший директор ЦРУ Дж. Вулси, выступая в Конгрессе, подчеркнул: «Аналогом нынешнего политического влияния ваххабизма можно считать крайне раздраженную форму германского национализма в период после окончания первой мировой войны. Нацизм вырос на почве разгневанного немецкого крайнего национализма. Сегодня ваххабитский исламский экстремизм представляет собой почву, на которой произрастает «Аль-Каида» и родственные ей террористические организации»³⁹. При этом на Западе большое внимание уделяется конструированию идеологических доктрин радикальных исламистов, рассчитанных на маргинальную среду – угнетенных и обездоленных. Эти доктрины нацелены на свержение угнетательских («дьявольских») режимов в тех странах, где действуют последователи указанных учений, и на борьбу с мировым империализмом (глобальным миром неверия – кувфра во главе с США). Западные специалисты считают, что новый исламский интернационал – с учетом его идеологических, политических, организационных, военных и финансовых возможностей – обладает большей взрывной силой, нежели другие идеологические движения (коммунизм и фашизм) на заре их деятельности.

Стратегия борьбы с терроризмом, намеченная американской администрацией, включает в себя широкий комплекс мер, в том числе: использование военной силы, если в этом возникает необходимость; введение в одностороннем порядке экономических санкций в отношении стран-спонсоров терроризма; наказание американских граждан, оказывающих финансовую, идеологическую или материальную поддержку любой из иностранных террористических организаций, включенных в список Госдепартамента (Foreign Terrorist Organization List (FTO))⁴⁰; использование многосторонних санкций, осуществляемых совместно с союзными государствами и ООН; сотрудничество со спецслужбами и антитеррористическими центрами

³⁹ Katz Keating S. The Wahhabi Fifth Column // IMC India. – 2003. – <http://india.indymedia.org>.

⁴⁰ Current List of Foreign Terrorist Organization // CDI – Center for Defence Information. – 2004. – February 11.

дружественных государств; выборочные подходы к странам-спонсорам терроризма и судебные процедуры⁴¹. Из этой стратегии вытекает, что в борьбе с терроризмом должен быть задействован целый комплекс политических, дипломатических, финансовых, военных, разведывательных и социальных структур.

Особое внимание американцы уделяют осуществлению мер по дискредитации радикалов и по поддержке умеренных сил. В США считают, что они должны побуждать местные правительства не только оказывать силовое давление на радикальных исламистов, но и заниматься поиском альтернатив.

Одновременно Государственному департаменту и финансируемым США НПО вменено в обязанность побуждать СМИ, в том числе радио «Свобода» и «Голос Америки», к увеличению продолжительности вещания на восточных языках, особенно на постсоветские государства СНГ, развивать контакты в области образования, направлять лекторов, производить обмены между местными религиозными деятелями и умеренными мусульманскими лидерами на Западе. При этом USAID, финансирующее визиты в США мусульманских духовных деятелей для ознакомления их с функциями ислама в демократическом обществе, всячески препятствуют их контактам с базирующимися в США «ваххабитами», которые злоупотребляют предоставленными им демократическими свободами. Поэтому визитеры из Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, как правило, непосредственно общаются только с представителями традиционных умеренных школ ислама, суфийских орденов – тарикатистами и значительно реже – с умеренными реформистами-джихадистами.

США также добиваются от светских режимов мусульманского пояса прекращения преследований в отношении новых евангелистских христианских верований, буддистов и зороастрийцев. Способствуют развитию независимых СМИ, ориентирующиеся на молодежь, женщин, бизнес-сообщество, на этнические и религиозные меньшинства, чтобы демонстрировать угрозу,

⁴¹ Terrorism: Near Eastern Groups and State Sponsors. Report for Congress. – 2002. – <http://www.fas.org>.

исходящую для указанных категорий со стороны радикальных суннитских групп.

Американцы последовательно добиваются полного запрещения или затруднения деятельности салафитско-ваххабитских организаций и других исламистских радикальных школ, проповедующих джихад против Америки и в целом Запада. Обеспечивают поддержку местных СМИ, публикующих негативные материалы и сообщения о вопиющих фактах применения законов шариата, таких, например, как ампутация конечностей за незначительные проступки или употребление спиртного, в Чечне, Афганистане под властью талибов, Саудовской Аравии и других местах. Показывают последствия гражданских войн джихадистского типа, таких, как в Алжире, где погибло до 200 тысяч человек. Одновременно обеспечивают поддержку тем местным СМИ, которые положительно отражают картину жизни на Западе.

В целом, американцы, говоря о перспективах борьбы с глобальным джихадом, как бы возвращаются к своей доктрине «вьетнамизации» войны в Южном Вьетнаме, где, как они надеялись, южные вьетнамцы нанесут поражение северянам. На этот раз речь идет не об использовании бомб, пушек и напалма, а об идеологическом сражении, в котором против транснациональных исламистских сетей будут выступать десятки стран, отстаивающих свое суверенное право быть самостоятельными государствами, а не придатками «всемирного халифата». Поэтому все чаще звучат не только призывы, но и осуществляются конкретные мероприятия по развертыванию идеологической битвы внутри самого ислама. При этом упор делается на то, что исламистский террор должен быть в значительной мере разбит внутри ислама самими мусульманами, а суть такого рода высказываний и предложений сводится к тому, чтобы победить исламистских радикалов при помощи умеренных сил⁴².

Американскими исследователями отмечается, что политико-идеологические установки ваххабизма распространяются по суннитскому исламскому поясу с неуклонно увеличивающейся скоростью В последние годы

⁴² См., например: Cohen A. Hizb ut-Taqrir. An Emerging Threat to U.S. interests in Central Asia // The Heritage Foundation. – 2003. May 30.

они вдохнули новую жизнь в «Братьев-мусульман» во многих арабских странах и кооптировали в свой состав деобандийское движение в Южной Азии (Пакистан и север Индии). Ликвидация базы «Аль-Каиды» в Афганистане явилась крупным шагом вперед. Однако борьба с фундаменталистским насилием может продолжаться еще очень долго, если не развернуть идеологическую битву внутри самого ислама, что должно сузить базу вербовки новых членов для исламистских движений, с остатками которых потом можно будет справиться посредством вооруженного сдерживания, профессиональной работы разведки и технологических систем обеспечения безопасности⁴³.

В развернувшейся теологической битве в первых рядах уже задействуется религиозный истеблишмент Саудовской Аравии, а также ведущие исламские центры типа университета Аль-Азхар в Египте. Слабым звеном салафитско-ваххабитской доктрины является ее враждебность, прежде всего, в отношении других направлений, течений, ветвей и толков ислама (шииты, суфийские ордены и т.д.), что автоматически множит число ее противников. Уже фиксировались призывы со стороны воинственно настроенных шиитских аятолл убивать ваххабитов. Этот антагонизм создает широкое поле деятельности, направленной на идеологическое разоружение исламистов.

Однако ход событий показывает и другое – игнорирование в ряде случаев религиозно-идеологических барьеров в структурах международного терроризма. В качестве примера израильтяне называют сотрудничество между «Хизбаллой» и ХАМАС в Южном Ливане, взаимодействие иранцев с «Аль-Каидой» и т.д. Указанные группы, разумеется, имеют собственные геополитические интересы, но есть, как минимум, один общий фактор, сближающий их. Это – антипатия к Соединенным Штатам, Израилю и их союзникам.

Тем не менее, до тех пор, пока генеральная линия суннитских радикальных исламистов остается в ее нынешнем виде, генерируемая на Западе

⁴³ Jabber P. Impact of the War on Terror on Certain Aspects of US Policy in the Middle East. – 2001. December 27. – <http://www.fas.org>.

идея «бороться с исламистами с помощью самих мусульман» представляется перспективной.

В пользу использования этой тактики высказывается немало российских политиков, ученых и особенно служителей мусульманского культа, не понаслышке знакомых с этой проблемой⁴⁴. Обращает внимание совпадение этой точки зрения с уже изложенными подходами западных политиков и аналитиков, испытывающих глубокую озабоченность в связи с «триумфальным шествием» по миру исламистских движений и активным проникновением радикальных ваххабитов и джихадистов на территорию Европы и Америки, а также Юго-Восточную и Центральную Азию.

Безусловно, дальнейшее усиление влияния «исламского фактора», особенно на Северном Кавказе и в Центральной Азии, непосредственно затрагивает интересы Российской Федерации. В этой связи создание «санитарного кордона» на пути экспансии на постсоветское пространство религиозно-политического экстремизма, воплощающейся в идеологии радикальных ваххабитов и деобандийцев, объективно было бы выгодно России, но не за счет ущемления ее национальных интересов. Следует иметь в виду, что все шаги США в этой области направляются не только на противодействие радикальному исламу с ярко выраженной антиамериканской доктриной. Одновременно Вашингтон направляет усилия на ограничение влияния России в этой зоне и содействует приходу к власти в центрально-азиатских государствах светской оппозиции проамериканской ориентации. Что касается политических, экономических и геостратегических интересов России, то им в наибольшей степени соответствовали бы укрепление в странах СНГ дружественных ей режимов и поражение исламистов.

Что касается Северного Кавказа, то здесь цели России и США и вовсе не совпадают: американцы заинтересованы в сохранении в данном регионе очага нестабильности и ослаблении позиций Москвы, в то время как российские власти стремятся стабилизировать ситуацию и не допустить дальнейшего распространения там идеологии радикального исламизма.

⁴⁴ См., например: Сампиев И.М. О некоторых аспектах противостояния религиозному экстремизму в Северо-Кавказском регионе / Северокавказское обозрение. Выпуск 1. – Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001.

3.3. Международное сотрудничество в борьбе с финансированием терроризма

Одним из ключевых направлений борьбы с международным терроризмом является выявление и пресечение каналов его финансирования⁴⁵. Так, в докладе России о выполнении резолюции 1313 СБ ООН «О борьбе с международным терроризмом» говорится: «Финансирование терроризма – самое его уязвимое место. Надежно перекрыть каналы его финансовой подпитки – значит нанести сокрушительный удар по всей инфраструктуре терроризма»⁴⁶.

Самой опасной тенденцией является то, что объемы финансирования террористов неуклонно возрастают. И чем больше усилий прилагают государственные органы в борьбе с терроризмом, тем более значительная финансовая помощь поступает террористам со стороны т.н. «террористического интернационала», мафиозных сообществ, экстремистских исламистских организаций и созданных ими всевозможных «благотворительных фондов» и других финансовых структур.

Говоря о финансировании терроризма, нельзя обойти вниманием и то, что в ряде стран, в том числе и у ближайших союзников США по Коалиции, таких, например, как Великобритания, до недавнего времени шел неприкрытый сбор финансов для нужд террористических организаций, осуществлялась вербовка наемников в их боевые группы. Лондон и по сей день считается центром, где встречаются, устанавливаются контакты, открываются фонды солидарности и банки исламисты и прочие экстремисты со всех концов света. Лондонское Сити давно установило режим наибольшего благоприятствования для привлечения в страну потоков капитала⁴⁷. В Лондоне нашли приют и некоторые лидеры северокавказских террористов, А. Закаев в частности.

Именно поэтому разрушение механизмов финансирования террористов, выявление их экономических источников и планируемых операций признано

⁴⁵ См. подробнее об этом: Добаев А.И. ХАВАЛА: неофициальная система финансирования терроризма / Южнороссийское обозрение. Выпуск 65. – Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – 228 с.

⁴⁶ Дипломатический вестник. – 2002. – № 1. – С. 88.

⁴⁷ Россия и мусульманский мир. – М., 2004. – С. 138.

одной из важнейших сфер взаимодействия союзнических специализированных органов финансового контроля и спецслужб. При этом изначально предполагалось ведение скоординированными усилиями активного поиска банковских счетов и иных активов, накопленных международными структурами, и их конфискация.

Страны «большой семерки» (G7) в свое время усилили свой орган – Группу финансовых действий против «отмывания денег» - ФАТФ (Financial Action Task Force on Money Laundering - FATF), включив отдельным разделом в сферу его деятельности борьбу с использованием «грязных денег» для террористических целей. С учетом новых задач, поставленных G7 перед ФАТФ, были выработаны специальные рекомендации по борьбе с финансированием терроризма, методическое руководство для банков и других финансовых институтов по выявлению счетов террористов. Эти задачи получили свое отражение в основном документе ФАТФ, своде универсальных организационно-правовых мер, известных как «40+9 Рекомендаций ФАТФ».

Впервые ФАТФ представила свои Рекомендации по борьбе с отмыванием денег в феврале 1990 года. Данный перечень содержит 40 пунктов и предлагает конкретные меры по совершенствованию законодательства и финансовой системы государств-участников в целях повышения эффективности противодействия легализации преступных доходов, а также укреплению взаимного сотрудничества в этой сфере.

В июне 1996 года ФАТФ пересмотрела данные Рекомендации в связи со стремительно меняющимися международными тенденциями в области «отмывания» денег. Существенной причиной для этих изменений также послужил значительный прогресс в технологиях финансовых услуг.

В связи с трагическими событиями, произошедшими в Нью-Йорке в сентябре 2001 года, на внеочередном пленарном заседании ФАТФ, которое прошло 29-30 октября 2001 года в Вашингтоне, были приняты 8 специальных рекомендаций по борьбе с финансированием терроризма.

В июне 2003 года 40 Рекомендаций ФАТФ претерпели очередную редакцию с учетом накопленного международного опыта в области борьбы с легализацией преступных доходов.

9-я специальная Рекомендация, касающаяся контроля над перемещением наличных денежных средств физическими лицами, была принята в октябре 2004 года.

Стоит отметить, что основными задачами Рекомендаций ФАТФ является унификация и дополнение организационных принципов и правовых норм, касающихся борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма, при этом исключается дублирование и подмена иных международных актов в этой

сфере. Ввиду особенностей правовой системы отдельных стран допускается определенная гибкость в реализации 40+9 Рекомендаций.

Согласно Резолюции СБ ООН № 1617 (2005), 40+9 Рекомендаций ФАТФ приняты в качестве обязательных международных стандартов среди государств-членов ООН.

Решающим в борьбе с нелегальным прохождением денег через финансовую систему является способность финансовых учреждений идентифицировать занимающихся незаконной деятельностью клиентов и фиксировать их финансовые операции в документах, на основании которых правоохранительные органы смогут осуществлять свои расследования. Поэтому финансовые органы не должны допускать открытия анонимных счетов. Они обязаны требовать от клиентов идентифицирующие их документы не только при открытии счета, но и при совершении ими регулярных или разовых операций. Особое внимание обращается на денежные переводы из оффшорных юрисдикций и т.н. «проблемных стран», а также на те фирмы, которые не занимаются производством или торговлей в стране, где расположена их зарегистрированная контора. Финансовые учреждения обязуются, как минимум в течение пяти лет, сохранять всю документацию по операциям как внутригосударственного, так и международного характера, чтобы иметь возможность быстро реагировать на запросы компетентных органов.

Международные организации, в основном реагируя на усилия США, предприняли ряд мер, требующих от правоохранительных/контролирующих органов сокращения перемещения террористических финансов. К ним, в частности, относятся резолюция СБ ООН 1373, восемь специальных рекомендаций по террористическому финансированию группы FATF, а также значительные инициативы государств «восьмерки» (G8) и Европейского Союза. Все они дали возможность понять, что государства должны предпринять более масштабные действия, препятствующие прохождению террористических средств через финансовые институты.

Эти международные усилия были поддержаны индивидуальными законодательными актами, принятыми многочисленными юрисдикциями, включая такие глобальные центры, как Великобритания, США, а также государства Ближнего и Среднего Востока и Юго-Восточной Азии, которые

ранее отличались минимальным контролем за своими финансовыми секторами. Были приняты резолюции в попытке помешать прохождению средств для террористических групп в Северной и Южной Америке, Азии и в Западной Европе.

Так, например, члены Европейского Союза (членами ЕС являются 27 европейских государств) несколько лет назад единогласно проголосовали за принятие новой директивы по ужесточению борьбы с «отмыванием грязных денег» на региональном уровне. Исследователи уверены, что с принятием в рамках ЕС новых нормативных документов в прошлое ушло понятие «банковской тайны», а специалисты и полицейские органы европейских стран получили возможность обмениваться информацией о подозрительных банковских счетах, а также контролировать крупные и все сомнительные сделки.

Новейшая компьютерная техника, современные программные продукты и «искусственный интеллект» позволили ведущим западным службам финансового контроля разработать типовые схемы отмывания денег и финансирования терроризма, а также моделировать подозрительные случаи и прогнозировать поведение попавших в поле зрения лиц с целью организации более эффективного наблюдения за их деятельностью.

Тем не менее, отслеживание средств террористических групп остается сложной задачей. Расследования замедляются рядом факторов, в том числе значительностью сумм денег, которые ежедневно переправляются через альтернативные переводные системы. Судебные ревизоры постоянно выражают озабоченность относительно использования нерегулируемых систем традиционных для Востока финансовых переводов, особенно основанных на доверии, типа «хавала» или «хунди», в которых практически не остается следов о деньгах, трансформируемых в мировом масштабе. Например, в середине 90-х годов расследование выявило в Торонто (Канада) ряд занимающихся переводами денег фирм, которые пересылали наличные деньги «Тиграм освобождения Тамил-Илама» в Шри-Ланке. Несколько высокопоставленных лидеров «Аль-Каиды», которые планировали атаки 11

сентября, использовали систему «хавала» для пересылки средств ячейкам за пределами Среднего Востока.

Из официальных источников известно, что США прикрыли, как минимум, одну значительную международную сеть неофициальных денежных переводов – hawala, al-Barakaat. Однако ничто не свидетельствует в настоящее время о том, что новые законы, требующие регистрации альтернативных пересылочных фирм в соответствии с вошедшими в силу законами в США, Гонконге и т.д., заставили такие фирмы подчиниться регулированию, обеспечить прозрачность или ликвидироваться. Хотя большое число стран ввело новые законы и установило новые принципы регулирования с тем, чтобы не попасть в список «названных и опозоренных», лицензированные институты в слабо регулируемых юрисдикциях все еще обладают практически неограниченным доступом к финансовым организациям и рынкам Нью-Йорка, Лондона и Токио. Дальнейший прогресс в защите от международного террористического финансирования вряд ли вероятен без международного требования идентификации и верификации клиентов без знания и способности отслеживать средства в юрисдикциях.

Отсюда следует, что совершенствование работы финансовых разведок и обмена информацией на межгосударственном уровне имеют важное значение для идентификации реального или потенциального финансирования терроризма. Поэтому в настоящее время в ряде западных стран, особенно в США, совершенствуются способы интеграции информации, добытой разведывательными органами, и финансовой информации государственного сектора. Эта система позволяет быстрее «замораживать» подозрительные банковские счета на предмет связи с террористической деятельностью.

Мнение специалистов практически однозначно: желательно, чтобы во всех главных финансовых центрах были созданы аналогичные системы. Между тем, в настоящее время информация по «отмыванию денег» остается фрагментарной, а многие юрисдикции испытывают затруднения в обмене информацией с соответствующими органами своих государств, не говоря уже о других странах.

Однако еще более важно то, что до сих пор усилия по унификации законов и регулированию, направленные против «отмывания денег» и финансирования терроризма, не достигли существенного успеха в ключевых районах. Главные финансовые центры в настоящее время ввели лишь аналогичные правила и достаточное правоприменение, обеспечивающее, по крайней мере, базовый уровень предотвращения и выявления правонарушений. Большинство стран в Северной и Южной Америке, Европе имеют законы против «отмывания денег»; методично вводят санкции против не соблюдающих правила финансовых институтов; предъявляют обвинения, осуждают и наказывают занимающихся «отмыванием денег».

Антитеррористическое законодательство и соответствующая ей правоприменительная практика реализуются и в Российской Федерации. В частности, обеспечить противодействие финансированию терроризма и экстремизма призван Федеральный закон № 115 «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (2001), Положения Правительства РФ № 27 «Об утверждении Положения о порядке определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их участии в экстремистской деятельности, и доведения этого перечня до сведения организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом» (2003)⁴⁸. Эти положения получили дальнейшее развитие в Федеральном законе № 35 «О противодействии терроризму» (2006) и в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации (2009).

В противоположность этому юрисдикции на Ближнем и Среднем Востоке, значительной части Африки, в большей части исламской Юго-Восточной Азии, включая Индонезию и Малайзию, продолжают создавать определенные возможности для размещения террористических фондов, создают постоянный риск для имеющих с ними дело финансовых институтов, а также для каждой потенциальной жертвы терроризма.

⁴⁸ Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия. – Ростов н/Дону: Ростиздат, 2005. – С. 259.

Согласно экспертным оценкам, усилия ООН по борьбе с финансированием терроризма также серьезно затрудняются. В конце сентября 2001 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1373, которая требует от государств - членов ООН принятия мер по борьбе со схемами финансирования международного терроризма. Согласно этой резолюции страны-члены ООН обязаны регулярно представлять доклады о ходе реализации этих задач и о статусе работы по исполнению резолюции СБ ООН 1373, а также давать исчерпывающие ответы на все запросы органов ООН.

Вместе с тем, специалисты отмечают, что целый ряд стран-членов ООН представляет доклады неполными, а ответы на поставленные вопросы в них неадекватны. Например, анализ докладов в ООН властей Объединенных Арабских Эмиратов и их ответов на запросы по резолюции СБ ООН 1373 показывает, что официальные представители власти ряда стран больше озабочены наличием внутренних угроз, чем выявлением финансовых схем помощи международному терроризму. Доклады других стран в соответствии с требованиями резолюции СБ ООН 1373, например Омана, крайне отрывочны, но содержат обещания вести более решительную и бескомпромиссную борьбу с терроризмом, в частности, выправить национальное законодательство и правовые нормы в интересах антитеррористической борьбы в будущем, однако без указания временных рамок.

Международная организация FATF и ООН в своих резолюциях делают упор на пересмотр отдельными странами своего внутреннего законодательства с целью введения в него правовых положений, касающихся затруднения и пресечения финансирования террористов и их организаций через внутренние финансовые институты.

Что касается России, то еще до того, как она стала полноправным членом FATF в июне 2003 года, процесс пресечения финансовых подпиток террористов происходил непросто, особенно, когда дело касалось финансирования экстремистов через «пожертвования» от разного рода зарубежных общественных организаций и частных структур, а также некоторых благотворительных фондов.

Информация передавалась по государственным, политическим, конфиденциальным каналам. Благодаря такой работе, дополненной переговорами на высшем уровне, появились подвижки в понимании возникших противоречий с американскими и другими участниками переговорного процесса, в том числе с рядом арабских государств, например, с Иорданией, Саудовской Аравией, Марокко и др.

В настоящее время, по официальным данным, нет такой страны, с которой бы Россия не взаимодействовала по вопросам борьбы с терроризмом вообще и его финансированием, в частности. Это, прежде всего, сотрудничество в рамках крупнейших международных форумов: Организации Объединенных Наций, Содружества Независимых государств, «восьмерки», «двадцатки», ЕС, НАТО, Совета Европы, ОБСЕ и других. Весьма полезны межрегиональные и особенно двусторонние связи.

Установлены рабочие контакты с Международным валютным фондом (МВФ), Организацией американских государств, Африканским союзом, МАГАТЭ, Управлением ООН по наркотикам и преступности и т.д.

Россия, как отмечалось выше, существенно ужесточила законодательство, направленное на борьбу с «отмыванием грязных денег» и финансированию терроризма. Сегодня контролю подлежит любая операция с денежными средствами или иным имуществом, если сумма, на которую она совершается, равна или превышает 600 тысяч рублей. Согласно закону, разрешено приостанавливать подозрительные финансовые операции. Сначала на два дня, а затем, по результатам проверки со стороны уполномоченных структур, еще на пять⁴⁹.

Россия и впредь намерена работать во взаимодействии с МВФ и Всемирным банком, FATF и структурами, аналогичными FATF, и с другими компетентными международными и региональными структурами с целью содействия принятию, реализации и оценке международных стандартов или рекомендаций по борьбе с злоупотреблениями в финансовой сфере, в том числе в отношении финансирования терроризма, финансовых норм и «отмывания денег».

⁴⁹ Время новостей. – 2002. – 30 сент.

Разрушение механизмов финансирования террористов, выявление их экономических источников и планируемых операций признано важной сферой взаимодействия союзнических специализированных органов финансового контроля и спецслужб. При этом предполагается ведение скоординированными усилиями активного поиска банковских счетов и иных активов, накопленных международными криминальными структурами, и их конфискация. В настоящее время тем странам, которые не спешат выполнять рекомендации авторитетных международных институтов и организаций делается серьезное предупреждение. Государства антитеррористического союза уже применяют самые жесткие санкции, вплоть до финансовой изоляции, к странам, заподозренным в недостаточной активности в борьбе с «отмыванием денег», и структурам, прямо или косвенно финансирующим международный терроризм.

3.4. Методика оценки динамики террористических угроз и намерений: международный опыт

Война против международного терроризма может затянуться на долгие годы, а ее успех напрямую зависит от правильной расстановки приоритетов правительствами и антитеррористическими силами заинтересованных государств, т.е. максимально точного определения угроз со стороны террористов и выявления уязвимых мест в их преступных структурах и практической деятельности. При этом зачастую аналитиками и властями используется интуитивный, а, следовательно, субъективный подход к оценке террористической угрозы, когда ее степень опасности определяется по количеству террористических акций за определенный промежуток времени или же рассматриваются сильные и слабые стороны отдельной террористической группы.

Подобная процедура не позволяет реально оценить возможности террористической организации, часто не учитывает угроз со стороны групп, которые в рассматриваемый период не совершали террористических акций, однако существуют и от преступных намерений не отказались. В этой связи иностранные эксперты полагают, что при оценке террористической угрозы

необходимо учитывать соотношение между намерениями и возможностями террористов.

Для получения наиболее объективных оценок зарубежные специалисты адаптировали методику оборонных исследований к деятельности международного терроризма и разработали аналитическую схему, позволяющую дать более точные прогнозы его угроз для какой-либо конкретной страны (например - N) с учетом мотивации и возможностей тех или иных террористических групп. В приведенной ниже схеме выделяются пять различных уровней угрозы, намерений или мотивации преступных групп.

Уровни угроз	Характер угроз террористической группы по отношению к стране N
Нулевой	Группа не имеет намерений против страны N или её союзников
Первый	Риторика против страны N и/или намерения дестабилизировать её важных партнеров

Второй	Связь с другими группами, стремящимися нанести удар по институтам и гражданам страны N
Третий	Открытая идеологическая борьба со страной N и/или серьезные нападения на её партнеров в прошлом
Четвертый	Преследование локальных целей, но мишенями становятся отдельные граждане или объекты страны N
Пятый	Отчетливая направленность на борьбу со страной N

Нулевой уровень предполагает отсутствие свидетельств негативного отношения террористической организации к рассматриваемой стране N, поэтому следует полагать, что для этой страны нет угроз от этой организации.

Первый уровень угрозы - риторика против страны, N и/или намерения дестабилизировать её важных партнеров - соответствует относительно невысокой степени враждебного настроения террористов относительно этой страны. На данном уровне террористические организации могут, испытывая определенную неприязнь к стране N, не нападать на её граждан и объекты за рубежом, ограничиваясь лишь актами против местных (своих национальных) объектов.

Второй уровень - связь с другими террористическими организациями, стремящимися нанести удар по объектам и гражданам страны N - соответствует более высокому уровню потенциальной угрозы, которая может при определенных условиях перерасти в практические действия.

Третий уровень предполагает явно выраженный идеологический курс против страны N и/или совершение в прошлом серьезных террористических акций против её важных союзников.

На четвертом уровне объектами террористических акций становятся граждане и институты страны N, хотя террористы преследуют при этом

сугубо локальные цели: террористы осуществляют акции против иностранцев, чтобы оказать давление на государственные или местные власти своей страны.

На пятом уровне террористические группы четко ориентированы на нанесение серьёзных ударов по объектам страны N.

Перечисленные выше критерии позволяют определить, какая из террористических организаций, обладающих боевыми, финансовыми и другими возможностями для совершения терактов, представляет наибольшую угрозу стране N, а также разработать наиболее результативную тактику противодействия её активности.

Способности совершения террористическими организациями успешных акций и масштабы этих акций также условно можно подразделить на пять уровней:

- 1) способность убийства или ранения 50 человек за одно нападение;
- 2) способность намеренного нанесения удара по неохранным иностранным гражданам;
- 3) способность убийства или причинения ранений 150 и более человек за одно нападение;
- 4) способность нападения на охраняемые цели;
- 5) способность к осуществлению множества скоординированных нападений.

Большинство террористических нападений не требует проведения специальных разведывательных мероприятий, наличия определенных технических навыков, а иногда и планирования. В аналитическом плане уровень этих операций принимается за нулевой.

Первый уровень показывает, что террористическая группа может владеть элементарными сведениями о цели нападения и необходимыми для этого техническими навыками (например, создавать взрывные устройства в кустарных условиях), способна планировать и совершать нападения, обеспечивая минимальную степень оперативной безопасности.

Второй уровень свидетельствует о более высокой степени владения группой разведывательными и техническими данными, а также о способности планирования операций.

Третий уровень показывает, что террористическая группа способна осуществить одно нападение такого масштаба, при котором могут быть уничтожены или ранены 150 и более человек.

Четвертый уровень предполагает, что террористическая организация способна наносить удары по охраняемым целям, то есть проникать на охраняемые объекты (посольства, военные базы, режимные предприятия и т.д.) и осуществлять там теракты. Террористы используют такие масштабные акции для оказания давления на правительство с целью изменения его политики или привлечения внимания к своим целям.

Пятый уровень показывает, что организация может осуществлять сложное планирование, тщательное обеспечение оперативной безопасности, разведывательное и техническое обеспечение и обладает слаженной системой командования и управления.

В основе вышеупомянутых способностей террористических организаций и групп лежат их организационные и оперативные ресурсы, реализуемые через одиннадцать инструментов, а именно:

- четыре организационных – направляющая идеология, руководство, привлечение новых членов, огласка;

- семь оперативных – командование и управление, оружие, подготовка, пространство (пространство и время, необходимые для планирования, подготовки и проведения нападений), безопасность, разведка и деньги.

Идеология является ключевым организационным инструментом, обеспечивающим сплоченность группы. При этом в контексте международного терроризма под идеологией следует понимать согласие относительно объектов и целей, которые группа пытается достичь при помощи насилия. Идеологии могут быть различными (политическими, религиозными), но служат они всегда одним и тем же целям.

Определить идеологию конкретной группы иногда бывает затруднительно, поскольку зачастую политические и религиозные составляющие тесно переплетаются: в деятельности террористической группы внутри своей страны может превалировать религиозная, а на международной арене - политическая (и наоборот).

Второй организационный инструмент - *руководство*, т.е. харизматическая личность, которая привлекает, объединяет, вдохновляет и сплачивает своих сторонников - членов террористической организации. В зависимости от масштабов организации эта личность может быть командиром или руководителем отдельных операций организации, это случается в основном в малочисленных группах. В крупных организациях руководство в основном состоит из политических лидеров и выполняет идеологическую, политическую и объединительную роль для более мелких групп, структурно или оперативно входящих в основную организацию. Роль руководства в поддержании единства организации зависит как от её структуры (наличие одного или нескольких руководителей), так и от личной харизмы одного лидера.

Привлечение новых членов является одним из важнейших условий выживания террористической организации, усиления её влияния и восполнения неизбежных потерь. При этом привлечение новых членов производится таким образом, чтобы они не подрывали сплоченность группы. Террористы используют различные способы привлечения: поддержание тесных связей с местными жителями, оказание финансовых и социальных услуг населению, запугивание местного населения и введение воинской и других видов повинности, наём подготовленных специалистов, использование местных террористов и т.п.

Огласка - это привлечение внимания средств массовой информации к действиям, намерениям и идеологии террористической организации, своеобразная реклама своей организации, её деятельности и целей в специальных заявлениях через собственные радиостанции, выпуск

политических программ, листовок, деклараций, взятие на себя ответственности за террористические акции, видеозапись выступлений руководства, теракций и т.д.

В свою очередь, оперативные инструменты используются террористами для проведения успешных нападений.

Командование и управление - под этим термином понимается механизм планирования, подготовки, осуществления и координации террористических операций. Для борьбы с внедрением источников специальных и антитеррористических служб террористы выстраивают командование и управление таким образом, чтобы оно было как можно менее уязвимым: децентрализация системы с широкой автономией отдельных локальных групп, использование для передачи указаний и планов шифрованной переписки, радиосвязи и сети Интернет, создание "резервных групп" исполнителей, системы руководителей среднего звена, которые несут всю ответственность за подготовку и проведение конкретных операций и т.д.

Оружие используется террористами самое разнообразное (от ножей и старинных винтовок до современных систем зенитных управляемых ракет), однако наиболее "популярными" остаются взрывчатые вещества. При этом нельзя исключать, что террористы могут использовать отдельные виды оружия массового поражения (химическое, биологическое) или создать так называемые грязные бомбы (для заражения местности радиоактивными препаратами). Оружие террористы добывают на черных рынках в Центральной и Южной Америке, Средней и Юго-Восточной Азии.

Пространство, т.е. необходимые террористам место и время для планирования, подготовки и проведения террористических атак. Оно может простираться от деревенских и городских общин до государств, представляющих террористам прибежище, но все террористические группы более всего нуждаются в поддержке местного населения.

Безопасность предполагает способность террористических групп препятствовать спецслужбам и антитеррористическим ведомствам в выяснении планов готовящихся операций и выявлении лиц, вовлеченных в их подготовку. В этих целях вводится режим строгой конспирации, создание "спящих" ячеек, частичная или полная автономность в организационном и оперативном плане составных частей организации, структура основных и резервных групп исполнителей, инструктивные документы по уходу от преследования, созданию укрытий, даче показаний на допросах и т.д.

Для успешного проведения операций террористы должны иметь *соответствующую подготовку*, для чего используются специальные лагеря и учебные пункты, инструкторы, специалисты по взрывчатым веществам и созданию взрывных устройств в полевых условиях и т.д.

Для выбора потенциального объекта террористической акции, планирования нападения и правильной оценки возможных результатов и резонанса, который она вызовет у целевой аудитории, террористы проводят *разведывательные мероприятия*, масштабы и интенсивность которых зависят от сложности предстоящей операции. В эти мероприятия включается также дезинформация антитеррористических ведомств по различным вопросам и аспектам проведения операции (о времени и месте, задействованных силах и т.д.).

Все террористические организации нуждаются в *денежных средствах*, добывание которых происходит различными способами: грабежи населения и банков, введение "революционных" налогов и контрибуций, получение от спонсоров - государств, других организаций и отдельных лиц, рэкет, нелегальная торговля наркотиками, оружием, людьми, контрабанда, выкупы за захваченных заложников и т.д.

Террористические организации нельзя рассматривать как статические формирования. В действительности они довольно гибки, способны приспосабливаться к меняющейся политической, социальной и экономической обстановке, применять свои организационные и оперативные

инструменты в соответствии с изменениями условий, в которых террористы живут и действуют.

Анализ деятельности современных крупных террористических формирований позволил экспертам сделать следующие выводы:

а) террористические организации способны приспосабливаться к ответным действиям государства;

б) значительное влияние на изменение возможностей и намерений террористов может оказывать сотрудничество и спонсорская поддержка со стороны других террористических организаций на международном уровне;

в) утрата террористами по каким-либо причинам поддержки со стороны местного населения резко повышает их уязвимость от антитеррористических мероприятий правительства;

г) усиление давления со стороны специальных и антитеррористических служб вынуждает террористические группы менять свою организационную структуру, стратегию и тактику, искать новые формы. Период перемен всегда предполагает неопределенность, а постоянные преследования и прессинг властей нередко побуждает террористов принимать неправильные решения, которые могут привести к губительным для них результатам.

Поэтому важно следить за тем эффектом, который оказывают антитеррористические мероприятия правительства на положение и деятельность террористических организаций.

Анализ материалов о той или иной террористической группе или организации должен учитывать состояние и динамику развития обстановки в стране (регионе, области, городе) её пребывания и деятельность её национальных и международных союзников и партнеров, спонсоров, доноров помощи и т.д., а также политику властей страны по отношению к терроризму, систему, полномочия, состояние и деятельность специальных и антитеррористических сил, силовых, правоохранительных и правоприменительных ведомств, осуществляющих борьбу с терроризмом.

Глава IV. Информационное обеспечение противодействия терроризму

4.1. Информационная война: теория и практика

Вопросы «информационных войн» в теоретическом и практическом срезе в последние два десятилетия основательно разрабатываются на Западе, прежде всего в США. Обусловлено это тем, что после окончания "холодной войны" и распада Советского Союза Соединённые Штаты упорно стремятся утвердиться в качестве глобального политического и военного лидера. Одним из приоритетных направлений, от развития, которого зависит сохранение и упрочение их положения в мире, является информационное превосходство над любым возможным противником. Не случайно в американском экспертном сообществе одной из наиболее дискутируемых тем является именно *концепция информационной войны (ИВ)* как форма межгосударственного противоборства в постиндустриальном обществе¹.

Среди современных специалистов, наиболее активно разрабатывающих в США проблематику информационной войны, можно назвать А. Цебровски, Д. Альбертса, Дж. Гарстку, Р. Моландера, П. Вилсона, М. Занини, Д. Ронфельдта, Дж. Арквиллу, Р. Шафрански, М. Либики, О. Иенсена, З. Халилзада.

Американскими учеными концепция информационной войны рассматривались в контексте политики, направленной на достижение глобального лидерства, ставшего возможным после крушения Советского Союза и окончания "холодной войны". Именно достижение и сохранение глобального лидерства служит в США тем общим фоном, на котором разрабатываются подходы к развитию информационных технологий и военного дела, а также выявление новых форм конфликтов. Поэтому не удивительно, что одной из идей, лежащих в основе американских теоретических построений в области информационной войны, стала *идея информационного*

¹ См., например, об этом: Бедрицкий А.В. Информационная война: концепции и их реализация в США / Российский институт стратегических исследований. – М., 2008.

доминирования. По определению Пентагона, оно необходимо для достижения общего превосходства над противником, поскольку позволяет завоевать стратегическое технологическое преимущество в деле управления информационными потоками в масштабе времени, близком к реальному, а также для воздействия на соперников с тем, чтобы принятые ими решения соответствовали общим задачам и национальным интересам Соединённых Штатов.

Вместе с тем следует отметить, что окончательно устоявшегося и общепринятого определения для термина "информационная война" ещё не существует. Прежние подходы к ее осмыслению в связи с научно-технологическим прорывом последних десятилетий уходят в прошлое, уступая место новому взгляду на происходящие в этой области процессы.

Например, достаточно широко распространено самое общее определение информационной войны как открытого или скрытого целенаправленного информационного воздействия систем друг на друга с целью получения выигрыша в материальной сфере. При этом возможность использования скрытных форм воздействия на информацию и информационные системы противника, в том числе и в мирное время даёт основание целому ряду исследователей настаивать на использовании термина *"информационное противоборство"*, а не *"информационная война"*. С этим следует согласиться, тем более что термин "информационная война" возник в результате неточного перевода американского "information warfare", означающего скорее один из способов обеспечения боевых действий.

Согласно определению, предложенному в американском документе "Единые перспективы 2020", *информационная война в самом широком понимании - это любое воздействие на информацию и информационные системы противника при одновременной защите собственной информации и собственных информационных систем*. При этом объектами информационного противоборства становятся:

— системы управления войсками и оружием;

— автоматизированные системы управления технологическими процессами в ключевых сегментах инфраструктуры (транспорт, энергетика, промышленность, телекоммуникации и т.п.);

— восприятие и сознание на личностном (политического и военно-политического руководства) и общественном уровнях.

Именно в этом комплексном ключе следует рассматривать американский тезис о наращивании информационной мощи, который чётко и однозначно закреплён в действующих доктринальных документах, таких как Стратегия национальной безопасности, Национальная оборонная стратегия, Четырёхлетний обзор состояния вооружённых сил. Для этого могут использоваться любые имеющиеся в распоряжении военные и технические силы и средства, а правовые, моральные, дипломатические, политические и военные нормы соблюдаться лишь формально.

На военном уровне были предложены и начали применяться *концепции сетевой организации вооружённых сил и ведения информационных операций*. Безусловно, развитие информационных технологий и внедрение информационных устройств в военную сферу играют в этом деле важную роль. Тем не менее, техническая сторона вопроса, хотя и сделала более актуальной всю тематику информационной войны, но является в ней далеко не главной.

Концепция сетевой организации вооружённых сил рассматривает возможность совместного использования рассредоточенных на обширном боевом пространстве разнородных сил и средств за счёт внедрения в войсках передовых информационных технологий и формирования единых сетевых структур, обеспечивающих синхронизацию действий на поле боя, улучшение качества командования и скорость реагирования в быстро меняющейся боевой обстановке.

Под *информационными операциями* понимают операции, цель которых — повлиять на процесс принятия решений противником. Для этого используются методы радиоэлектронной и психологической борьбы,

нарушения работоспособности компьютерных сетей, дезинформации и методы обеспечения собственной безопасности в совокупности со вспомогательными действиями, нарушающими или защищающими информационные ресурсы и системы. Таким образом, в рамках информационных операций объединяются ранее разрозненные виды боевых и обеспечивающих действий.

Информационные операции являются одним из элементов государственной мощи (наряду с дипломатическими, военными и экономическими), использование которых для обеспечения стабильного развития государства определяется Стратегией национальной безопасности и военной стратегией США. Поскольку информационные операции в силу их специфики могут проводиться на любом этапе конфликта, в том числе и в мирное время, то вооружённые силы должны осуществлять их в тесном взаимодействии с другими государственными институтами.

В качестве самостоятельных классов задач, требующих высокой степени межведомственного взаимодействия, рассматриваются *операции в кибернетическом пространстве* (т.е. в виртуальной среде, для которой характерно использование электронных и электромагнитных средств хранения, обработки и обмена данными через сетевые системы и связанные с ними физические инфраструктуры) и *информационно-психологические операции* (или операции влияния). В первом случае объектом информационного противоборства становятся непосредственно технические информационные системы, во втором - сознание и система восприятия и оценки человека. Для реализации каждого из перечисленных выше направлений США в настоящее время предпринимают определённые практические шаги.

Однако военные достижения в области *сетевой организации вооружённых сил и ведения информационных операций* были быстро усвоены современными террористическими организациями и группировками¹, многие

¹ См., например: Сетевые войны: угроза нового поколения. – М.: Издательство «Евразийское движение», 2009.

из которых, в частности «Аль-Каида», «Галибан» и др., возникли при содействии спецслужб США и дружественных им государств. Ряд террористических организаций начали строить свои организационные структуры по типу «паучьей сети», обладающей повышенной устойчивостью к внешним воздействиям и гибкостью, от стратегии фронтальных сражений перешли к террористической тактике «пчелиного роя». Как уже отмечалось выше, в силу слабой иерархической связи в организациях, подобных «Аль-Каиде», им трудно проводить операции стратегического плана с подключением всех имеющихся у террористов сил и средств. Вместе с тем, отсутствие четко выраженного единого центра создает большие сложности и для силовых структур в плане уничтожения всей организации.

Таким образом, основные черты «нового терроризма», являющегося продуктом глобализационных процессов и углубившегося социально-экономического расслоения в современном мире, заключаются в следующем: структурно он не замыкается в рамках одного региона, деятельность отдельных террористических групп организационно предельно децентрализована, однако фиксируемая общность идеологических доктрин и целей позволяет говорить о сформировавшемся т.н. «террористическом интернационале»; террористические структуры, в принципе, в состоянии осуществить акции с применением оружия массового уничтожения и современных технологий, что может привести к последствиям катастрофического характера не только для отдельных государств, но и всего мирового сообщества; отличительной особенностью стала высокая степень адаптации террористических организаций к реалиям современного мира, действующих как строго иерархически, так и с «размытым» управленческим механизмом, наличие структур, организованных по типу «паучьей сети», а также полностью независимых. Еще раз подчеркнем, что его отличительной чертой на данном историческом этапе является также беспрецедентное включение исламского компонента, особенно в идеологические конструкции многочисленных террористических структур. Именно они выступают основой, позволяющей террористам, прикрывающимся исламским вероучением, осуществлять масштабные информационные операции, привлекая этим все новых адептов в свои ряды.

В заключение можно с уверенностью утверждать, что в результате разнообразных теоретических дискуссий по вопросам информационной войны, происходивших в американском экспертном сообществе на протяжении 90-х гг. XX в., была выработана единая позиция относительно способов обеспечения информационного доминирования, которая стала основой для начала разработки и реализации прикладных программ. Информационная война окончательно перешла из разряда сугубо теоретических построений в практическую плоскость. Как уже отмечалось, этим опытом воспользовались и современные радикальные неправительственные религиозно-политические организации, а также откровенные террористические группировки.

Как представляется, американский опыт реализации концепции информационной войны позволяет более взвешенно оценить реальность угроз для России, возникающих в процессе глобальной информатизации, и, соответственно, определить приоритетные направления российской политики в этой сфере.

4. 2. «Цветные революции» в контексте теории и практики информационных войн

В 1648 г. после завершения 30-летней войны в Европе были заключены Вестфальские соглашения, согласно которым главным актором международных отношений являются суверенные государства. Такая модель в различных модификациях успешно функционировала вплоть до XX века (в настоящее время в мире насчитывается более 200 государств, причем далеко не все из них обладают подлинным суверенитетом).

После Первой и особенно после Второй мировых войн стали все в большей степени возникать межгосударственные организации (Лига Наций, ООН, НАТО и др.), в настоящее время их число достигает нескольких тысяч.

В последние десятилетия как субъекты международных отношений, мировой и региональной политики в мире создаются НПО

(неправительственные организации), их уже несколько десятков тысяч (национальные, региональные и международные).

Однако государства до сих пор считаются суверенными акторами международных отношений, а межгосударственные и неправительственные организации – акторами вне суверенитета.

В рамках международных (межгосударственных) отношений сложилось несколько конкурирующих исследовательских школ, главными из которых являются – реализм (главным актором международных отношений признается государство) и либерализм (государство считается ведущим актором международных отношений, но признается и возрастающая роль межгосударственных и неправительственных организаций, которые также являются акторами международных отношений, причем их роль в мировой политике неуклонно возрастает).

Если реалисты главную ставку делают на военную силу и мощь государства, то либералы все чаще предпочитают говорить о «мягкой силе» (soft power). Этот термин был введен в научный оборот в 70-х гг. XX в. американским политологом Джозефом Наем-старшим. Под «мягкой силой» им понимается весь тот инструментарий, который позволяет достигать поставленных политических целей, без использования или с минимальным использованием силовой составляющей. Преимущества данного подхода: во-первых, это экономически выгодно, а, во-вторых, эффективно. Например, главный конкурент США в мире – Советский Союз – ушел в небытие именно таким образом, при помощи активного задействования Западом по основным направлениям «мирного сосуществования» «мягкой мощи», без ведения реальных военных действий.

Основой школы реалистов в международных отношениях выступает «реал-политик», на базе которой на рубеже XIX – XX вв. возникает и развивается традиционная геополитика, геостратегической основой которой выступают суверенные государства и их союзы, обладающие реальной военной силой. Главной составляющей выступает баланс военных сил противоборствующих сторон. Способ решения споров, конфликтов – нередко война в обычном ее понимании. Именно в этот период происходят Первая и Вторая мировые войны, с огромными человеческими жертвами и материальными издержками.

Постепенно уже в начале второй половины XX в. на смену традиционной геополитике приходит новая геополитика, в основе которой лежит уже не столько военная, сколько экономическая мощь государств и их союзов. Как следствие, возрастает важность достижения баланса экономических потенциалов тяжущихся центров силы, а на международной арене нарастают т.н. «экономические войны».

Однако в ходе крушения Советского Союза и в результате взлома биполярной системы мира, основанной на ракетно-ядерном паритете главных

геополитических конкурентов, возникает уже новейшая геополитика, геополитика постмодерна, или геополитика информационной эпохи. В этот период ставка на военную и экономическую мощь остается актуальной, но одновременно в теоретический и практический обиход входят термины «информационная война», а затем - «цветные революции».

«Цветная революция» - это прозападный, а чаще – проамериканский переворот, производимый в той или иной стране в интересах Запада (США) с использованием инструментария информационных (шире - сетевых) войн.

Главным субъектом «цветных революций», а лучше сказать «цветных путчей», выступает «внешний игрок», опирающийся на уже созданные внутри той или иной страны западные и прозападные неправительственные организации (НПО). «Внешний игрок» во всех известных «цветных революциях» даже в роли собственно наблюдателя оказывал воздействия на происходящие преобразования и организовывал широкую общественную и дипломатическую поддержку путчистам. Он непосредственно или косвенно участвовал как в нейтрализации власти (принуждая отказываться от активного противодействия), так и в стимуляции и организации действий оппозиции. Одним словом, в значительной мере определял и методы, и направление преобразований. Если последовательно рассмотреть такие «революционные» изменения на постсоветском пространстве как поочередную смену правящих группировок, окажется, что каждая следующая из них становилась, как правило, все более зависимой от Запада – США, ЕС или НАТО.

Итак, «цветные путчи» невозможны без «внешнего игрока», а также широко эшелонированной системы западных или прозападных НПО, действующих на территории той или иной страны или ее региона. Например, в Грузии – государстве, стратегически важном для Вашингтона, - действуют около тысячи неправительственных структур, финансируемых и поддерживаемых примерно 50 зарубежными и международными организациями, такими как Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Программа развития ООН (ПРООН), Всемирный банк, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Совет Европы и даже НАТО.

Таким образом, среди иностранных структур, представленных в этой бывшей республике Советского Союза, оказываются организации, различающиеся по влиятельности, идеологии, источникам финансирования и степени связи с правительствами. Некоторые НПО являются абсолютно частными, как, например, Институт «Открытое общество» американского миллиардера Джорджа Сороса. Другие (например, World Vision), будучи частными организациями, получают финансирование от государства. Есть также структуры при политических партиях: в США это Национальный демократический институт и Международный республиканский институт, в

Германии – Фонд Фридриха Эберта (существующий при Либерально-демократической партии), Фонд Конрада Аденауэра (Христианско-демократический союз) и Фонд имени Генриха Белля (связанный с партией «зеленых»). Присутствуют также организации, целью которых является реализация программ социально-экономического развития в зарубежных странах, например, Агентство США по международному развитию (USAID) или швейцарское Агентство по развитию и сотрудничеству (SDC).

Эти организации финансируют самые разнообразные программы по защите прав женщин, поддержке малых предприятий, укреплению гражданского общества с его главной идеей «прав человека», профилактике СПИДа, защите окружающей среды, подготовке журналистов или судей, реформе образования и т.д. Однако все их начинания объединены единой целью: они призваны содействовать внедрению т.н. «принципов демократии». В таких проектах условием получения финансирования становится готовность страны к «демократизации».

Не все эти институты имеют своей целью распространение идеологической модели по заданию своих правительств. Организации, представленные в бывших странах социалистического блока, внедряют самые разнообразные варианты демократической и либеральной моделей, принимая во внимание предпочтения стран и организаций-спонсоров. Тем не менее, Соединенные Штаты играют ведущую роль в финансировании этих проектов, что не может не вызывать критики и подозрений в том, что они используют НПО в своих политических целях.

Многие североамериканские неправительственные организации отрицают обвинения такого рода; возможно, они делают это искренне. Однако их роль в пропаганде и упрочении влияния их страны не может не волновать мировую общественность. Например, как следует расценивать присутствие в бывших социалистических странах большого числа протестантских религиозных миссий? Где провести грань между

политической стратегией и верой в мессианскую роль Соединенных Штатов, в их право определять, что есть добро, а что – зло?

США видят свою роль в насаждении повсюду своей демократической либеральной модели. В Афганистане, Ираке и Косово мы наблюдаем своего рода парадокс – насильственную демократизацию. При этом Вашингтон открыто поддерживал в прошлом и продолжает поддерживать некоторые диктаторские режимы (например, в Саудовской Аравии). Так что речь идет не столько о демократии, сколько о геополитике.

Американские НПО могут играть ключевую роль в смене политических режимов, что имело место в Белграде в 2000 году, в Тбилиси в 2003-м, в Киеве в 2004-м и в Бишкеке в 2005-м, когда в результате «бескровных» революций оказались свергнуты прежние «коррупцированные» правительства. Во всех этих событиях были задействованы американские НПО: правозащитная организация Freedom House, Национальный демократический институт и Фонд Сороса помогали оппозиции выступать против существующих режимов, организовывали строгий контроль над выборами, поддерживали оппозиционные СМИ.

Что касается деятельности западных НПО в регионах Российской Федерации, то она также набирает обороты. Например, только в Южном федеральном округе (ЮФО) действуют более 100 западных и прозападно ориентированных неправительственных организаций, фондов и мониторинговых сетей¹.

Среди западных структур можно назвать Датский Совет по беженцам, Международный медицинский корпус, Исламик релиф, Международный комитет спасения, Ворлд вижн, Каритас Интернац. (Чехия), Международное ненасилие, УКГВ ООН, УВК ООН по беженцам, Национальный фонд демократии (США), Международный фонд гражданских свобод, Агентство США по международному развитию,

¹ Добаев И.П. Деятельность западных сетевых структур в ЮФО в контексте национальной и региональной безопасности // Конфликтология. 2006. № 1. С. 142.

Freedom House, Международная амнистия, Human Rights Watch, Национальный демократический институт (США) Matra (Нидерланды), Открытое общество (Фонд Сороса), Правовая инициатива по России (Нидерланды), партийные немецкие Фонды Ф.Эберта, К.Аденауэра, Р.Люксембург, Г.Белля и др.

На территории ЮФО действуют также различные политические и «научные» организации, мониторинговые сети, деятельность которых объективно играет на руку западным «партнерам» России. Среди них – Объединенный гражданский фронт (ОГФ), Российский народно-демократический союз, комитет «Гражданское содействие», общероссийское движение «За права человека», правозащитное общество «Мемориал» и др. Такие объединения, как правило, действуют при поддержке зарубежных неправительственных организаций и зачастую финансируются ими. Об этом свидетельствует, в частности, разгоревшийся в январе 2006 г. шпионский скандал, связанный с подрывной деятельностью английских спецслужб, тайно (путем проведения тайниковых операций) финансировавших деятельность ряда российских правозащитных организаций.

Многие из подобных организаций имеют откровенно оппозиционную направленность, насаждают проатлантические, оппозиционные идеалы и стандарты, обнаруживают стремление к максимально возможному вовлечению в свою орбиту молодежи, представителей других социально активных слоев общества. В ходе реализации этими организациями социальных, образовательных и молодежных программ были созданы устойчивые коммуникационные структуры (клубы, подконтрольные общественные объединения и т.д.), в которые входят представители коммерческих предприятий, журналистских кругов. Истинным мотивом при проведении подобных мероприятий является создание условий для сбора с легальных позиций информации о социально-политической обстановке в регионе, формирование организационной прослойки из числа социально активной общественности, в первую очередь

молодежи, для участия в массовых протестных акциях. Среди них можно назвать молодежные движения «Пора», «Идущие без Путина», «Оборона», «Мы» и др.

Безусловно, финансово зависимые от Запада структуры используются их организаторами и спонсорами в следующих основных целях: добывание под прикрытием научных, культурных и др. контактов конфиденциальной информации, влияние на потоки информации в интересах Запада, подбор и последующая подготовка конкретных лиц, в том числе как инструмент организации и проведения «цветных путчей».

На Западе и в научном, и в прагматическом ключе хорошо разработаны технологии осуществления «цветных переворотов». В первую очередь, здесь следует назвать основательный труд американского автора Джина Шарпа «От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения», опубликованный на Западе в 1993 г. Однако следует подчеркнуть, эта работа была осуществлена еще в 1988 г., в преддверии первого и неудачного для американцев «цветного переворота», который они планировали осуществить в Бирме (Мьянме). Тем не менее, в дальнейшем они достигли успеха в Югославии, Грузии, Украине. Случались и неудачи: в Киргизии, Азербайджане, Армении, Узбекистане. Провалы «цветных» характерны для стран, где менее всего введены в практику т.н. «демократические нормы», а правящий режим жестко пресекает выступления оппозиции. И наоборот.

Другой «труд» - это работа американки Сары Мендельсон - «49 шагов на пути обеспечения прав человека и безопасности на Северном Кавказе», опубликованная на Западе в 2007 г., переведенная на русский язык и распространенная в России. По сути, эта работа представляет собой американскую методику развертывания социальных и мониторинговых сетей на Северном Кавказе. Результат, как мы это видим сегодня на Северном Кавказе, не замедлил сказаться.

Нельзя также обойти вниманием другую печатную работу – «Пособие по безопасности для правозащитников», - подготовленную и

опубликованную в 2005 г. в Ирландии, переведенную на русский язык и активно распространяемую в нашей стране.

Безусловно, «цветные» методы борьбы США и их союзников по НАТО за «демократию» во многих странах мира, в том числе и в России, с использованием НПО выглядят весьма неоднозначно. Они выступают средством осуществления Западом геополитического мегапроекта на постсоветском пространстве, включая собственно территорию РФ, имеющим целью выдавливание России из зон ее традиционного геополитического влияния, ее ослабление и даже распад. Этому же служат и другие реализуемые под покровительством Запада геополитические проекты (арабо-исламистский и туранский), опирающиеся на созданные сети неправительственных религиозно-политических организаций (НРПО).

4. 3. Неправительственные религиозно-политические организации в информационных войнах на Юге России: геополитический аспект

Американский геополитический мегапроект на Юге России успешно реализуется, прежде всего, путем манипуляции и управления Вашингтоном другими участниками геополитической игры в регионе. Имеются в виду, прежде всего, *арабо-исламистский* («ваххабитский») и *туранский* (турецкий) проекты, поддерживаемые США. В ходе реализации этих геополитических проектов активно используются возможности неправительственных религиозно-политических организаций (НРПО).

Что касается реализации на российском Юге *арабо-исламистского проекта* по созданию нового, ориентированного на «исламский мир» т.н. «большого пространства», то здесь главными акторами выступают многочисленные экстремистские НРПО¹, «благотворительные» фонды, общества и иные структуры ряда государств мусульманского Востока,

¹ См. об этом подробнее: Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика. – Ростов н/Дону, 2001.

главенствующую роль среди которых играет Королевство Саудовская Аравия (КСА).

Саудовская Аравия стремится стать безусловным лидером мусульман всего мира, включая и российский Юг. Будучи одной из наиболее богатых стран мира, КСА затрачивает значительные средства на реализацию этих внешнеполитических задач. Важную роль в выполнении этих функций государством играет министерство по делам ислама, верообращения и ориентации, которое создало около 25 саудовских исламских центров за рубежом, в том числе в Москве, направило несколько тысяч проповедников примерно в 90 стран мира. При содействии королевства за рубежом построено 1,5 тыс. мечетей. Оказывается постоянная финансовая поддержка 20 высшим исламским учебным заведениям. За последние два десятилетия Саудовская Аравия распространила в разных странах более миллиона экземпляров религиозной литературы. Ежегодно исламские ВУЗы КСА заканчивают 300-400 выпускников-иностранцев.

В этих же целях активно задействованы многочисленные международные исламские структуры, большая часть которых создана и функционирует при финансовом и организационном участии Саудовской Аравии. К числу таких структур относятся Организация исламская конференция, объединяющая 54 мусульманских государства; Исламский банк развития, 25 процентов капитала которого складывается за счет саудовских финансовых вложений; Лига исламского мира, Высший совет мечетей (создан при ЛИМ); Фонд исламской солидарности, целью которого является оказание материальной и религиозно-идеологической поддержки мусульманским меньшинствам за рубежом; Международная исламская организация спасения, которая призвана оказывать помощь нуждающимся мусульманам во всем мире, черпая средства из сборов мусульманского

налога «закят», поступающего, в том числе, из фондов министерства по делам ислама КСА; Всемирная лига исламской молодежи и т.д.¹

Некоторые из мусульманских благотворительных организаций и фондов имели свои представительства и в России. Так, к 2000 г. Министерством юстиции РФ было зарегистрировано 6 исламских международных организаций различного направления: отделение Лиги исламского мира – региональное бюро Всемирной ассамблеи исламской молодежи; российский фонд «Ибрагим бен Абд аль-Азиз аль-Ибрагим» (Саудовская Аравия); отделение благотворительной организации «Международный гуманитарный призыв» (Объединенные Арабские Эмираты); отделение общественной организации – научного общества «Комиссия по научным знакам в Коране и Сунне»; отделение Исламского агентства помощи и спасения; отделение благотворительной организации «Исламик Релиф» («Исламская помощь»)².

Цели деятельности этих организаций, официально заявленные в их учредительных документах, довольно схожи и, как правило, не выходят за рамки оказания материальной помощи отдельным гражданам, общественным и религиозным объединениям, а также содействия в организации религиозного просвещения³.

Вместе с тем, в российской прессе и научной литературе звучало немало негативных оценок таких отделений и фондов на территории РФ. В частности, отмечалось, что оказание ими гуманитарной помощи сопровождалось созданием разветвленной сети организаций, финансируемых Саудовской Аравией, особенно активно стремящейся содействовать увеличению роли ислама в общественной жизни на постсоветском

¹ См. об этом: Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов н/Дону, 2003.

– С. 214-220; Он же. Юг России в системе международных отношений: национальная и региональная безопасность. – Ростов н/Дону, 2004. – С. 58-65.

² Международные исламские организации // Отечественные записки. – 2003. – № 5. – С. 217.

³ Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. – М., 2001. – С. 47.

пространстве и, тем самым, прямо или косвенно закрепить свое присутствие там.

Действительно, представительства находящихся под сильным саудовским влиянием таких организаций, как Всемирная исламская лига (ЛИМ), Всемирная ассамблея исламской молодежи, Международная исламская организация спасения (МИОС – «Аль-Игаса»), Всемирный высший совет по делам мечетей (ВВСДМ), Международная ассоциация благотворительной помощи «Тайба», осуществляли на территории РФ, по существу, подрывную деятельность, оказывая финансовую помощь исламистским организациям Северного Кавказа, включая Чечню¹.

Активно в южнороссийском регионе действовали и другие исламистские структуры из многих стран мусульманского Востока: «Беневоленс Интернэшнл Фаундейшн» (БИФ), «Джамаат Ихъяъ ат-Турас ал-Ислами» («Общество возрождения исламского наследия» – ВИН), «Лашкар Тайба», «Ал-Хайрийа», «Ал-Харамейн», «Катар», «Икраъ», «Катарское благотворительное общества» и др.² Отсюда следует, что наиболее активными спонсорами северокавказских радикалов-исламистов явились пять стран Персидского залива: Королевство Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Оман, Катар, и Бахрейн. Однако большое количество наемников приходило не только из арабских стран, но и из других мусульманских государств, таких, как Турция, Пакистан и т.д.

Только в конце 90-х гг. Саудовская Аравия и идущие в фарватере ее внешнеполитических устремлений другие исламские страны, прежде всего, монархии Персидского залива, стали пересматривать свое отношение к деятельности подконтрольных им исламистских структур, в первую очередь отделений ряда международных исламских организаций, в других государствах, в том числе и в России. Однако реальный демонтаж саудовских исламистских структур в результате мощного нажима Соединенных Штатов начался только после 11 сентября 2001 г.³

¹ Международные исламские организации. – С. 217.

² В 2001 г. в Дагестане были закрыты в судебном порядке «Беневоленс Интернэшнл Фаундейшн» (БИФ), «Ал-Хайрийа», «Катар». См.: Демиров К.К. К вопросу о состоянии борьбы с экстремизмом за последние годы в Республике Дагестан // Наука и молодежь. Вып. VI. – Махачкала, 2003. – С. 176.

³ См. об этом: Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Внешняя политика Саудовской Аравии. М., 2003. – С. 121-134, 142-149; Филонин А.О., Вавилов А.И. Американская трагедия как зеркало внутрисаудовской драмы // Саудовская Аравия: прски внутренней гармонии. – М., 2004.

Выработанная к настоящему времени стратегия саудовских властей по противодействию терроризму включает в себя 3 составляющие: «люди, деньги, умы». «Люди» - это выявление, арест и осуждение террористов, разгром их структур. «Деньги» - это меры по усилению контроля над финансовыми потоками, идущими к террористам и экстремистам по разным каналам, включая перевозку денежных средств курьерами. *Борьба «за умы»* является, по мнению саудовских властей, самой сложной составляющей контртеррористической стратегии и требует длительного времени.

Принятые саудовскими властями меры, безусловно, снижают уровень террористической угрозы. Тем не менее, Саудовская Аравия, как считают в США, все еще остается в числе наиболее активных финансовых спонсоров международного терроризма и экстремизма, в первую очередь Аль-Каиды и движения «Талибан». В этой связи признается необходимым принятие дополнительных мер как законодательного, так и исполнительного характера, прежде всего для осуществления контроля финансовых потоков.

После краха, постигшего «арабо-исламистский» проект в Чечне, кураторство над оставшимся в регионе бандподпольем постепенно переходит к спецслужбам Запада и Турции, использующим в этих целях другие идеологические основы¹. Так, *туранский проект* реализуется Турцией, которая стремится вернуть себе исторически утраченное лидирующее положение в регионе Балкан и на Большом Кавказе и далее – во всем исламском мире, прежде всего, путем использования идеологии и практики *пантюркизма*, конечной целью которого является создание единого политического образования тюрков под эгидой Турецкой Республики.

Современный пантюркизм основывается на идее тюркско-исламского синтеза, а потому, помимо идеологем собственно пантюркизма, учитывает и использует исламский фактор и встраивает панисламизм как вспомогательный фактор для вовлечения в свою орбиту нетюркских

¹ См. об этом подробнее: Добаев И.П., Мурклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев К.М. *Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе / Южнороссийское обозрение. Выпуск 60. – Ростов н/Дону, 2010.*

народов¹, но при условии доминирования в создаваемой модели пантюркистских целей. Турцией для реализации поставленных целей также используются различные НРПО, среди которых своим радикализмом и активностью выделяется «Нурджулар»².

Международное религиозное общество, или братство, «Нурджулар» было создано в начале XX века в Турции. Основатель общества — Саид Нурси, автор 14-томного сочинения «Рисале-и Нур». При жизни Саид Нурси имел около пяти миллионов последователей. После смерти лидера 40 его учеников образовали 40 самостоятельных течений, названных их именами. Наиболее мощным в организационном и финансовом плане течением «Нурджулар» является направление «Фетхуллахчилар», лидером которого является Фетхуллах Гюлен, бывший имам мечети города Измир. Главной целью последователей С. Нурси является достижение реального влияния на процесс управления в тюркоязычных и мусульманских странах. Для достижения этой цели поставлена задача по вовлечению в свои ряды новых сторонников, их воспитанию в учебных заведениях и внедрению в государственные, военные, правоохранительные структуры, органы власти в стране пребывания.

Труды Нурси и его последователя Фетхуллага Гюлена запрещены во многих странах, в том числе и в самой Турции. В книгах нурсисты призывают свергать светские правительства и заменять его истинно исламскими. По данным западных спецслужб, нурсисты связаны с террористической организацией «Серые волки»³. В ее планы входит

¹ Националистическая идеология пантюркизма провозглашает объединение вокруг Турции всех тюркских народов (включая жителей Азербайджана и Поволжья) и создание сверхдержавы - Великого Турана.

² Совокупный капитал общины «Нурджулар» оценивается иностранными аналитиками в \$80 млрд. Источники подобного благосостояния неясны, однако аналитики связывают его, в том числе, с контролем над косовским наркотрафиком. Республиканская народная партия Турции представила доклад, авторы которого подчеркивают необходимость проверки финансовых источников учебных заведений, открытых нурсистами в 87 странах мира. «Только для открытия этих школ необходимы миллиарды долларов, не говоря уже о функционировании заведений, — отмечается в докладе. В Турции никакая структура или объединение граждан не способны обеспечить финансирование в таких масштабах».

³ «Серые волки» одна из старейших пантюркистских организаций, имеет последователей среди националистически настроенной интеллигенции в некоторых республиках СК - особенно была популярна в начале 90-х годов.

подготовка боевиков-камикадзе, а также учеников, которые в будущем должны занять ключевые посты в экономике, науке и управленческих структурах разных стран, в том числе и России.

Фетхуллах Гюлен и его сподвижники не скрывают, что главная их цель - «захватить Россию без всякого джихада». Сам Гюлен в настоящее время находится в международном розыске, за подготовку к насильственному изменению конституционного строя у себя на родине, заочно приговорен к 10 годам лишения свободы, однако по сей день вполне комфортно проживает в США. Отсюда он вполне легально осуществляет операции по финансированию идеологической и диверсионно-террористической деятельности отделений «Нурджулар» на территории России.

Акцент на сферу образования – специфический «почерк» «Нурджулар». Гюлен изначально уделял большое внимание образовательным проектам, логично полагая, что за молодежью – будущее. Для отбора перспективной для последующей вербовки молодежи и строились в регионах России турецкие колледжи.

Слушатели, находящиеся, как правило, на полном довольствии, пять раз в неделю слушают лекции по вопросам истории и божественного предназначения пантюркизма, «избранности» турецкой версии ортодоксального ислама и его особой роли в жизни человечества. Наиболее прилежные студенты иностранных колледжей получают направление на учебу в Турцию для более фундаментального освоения пантюркистской теории и практики. Самым одаренным из них предлагается улучшение жилищных условий, оказание помощи в поступлении в престижные учебные заведения Турции, Англии, Франции, Германии и США, а по окончании обучения - хорошая работа в крупных турецких фирмах, компаниях и представительствах по месту проживания каждого кандидата.

При этом идеологи «Нурджалар», понимая, что за одно поколение невозможно переориентировать на протурецкий путь развития целые народы

и регионы, в проповедях указывают, что их последователям необходимо привлекать своих детей, и только тогда они добьются успеха. В качестве учебного пособия радикальные исламисты на своих уроках используют хорошо изданную на многих языках, но пока еще виртуально существующую карту будущего великого «тюркского мира». В центре мироздания, естественно, Турция, которая прирастает северным Кипром, Азербайджаном, Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном, Туркменистаном. К этому же «миру» пантюркистские картографы относят многие районы России, Китая, Ирака, Ирана, Монголии, Афганистана и других ныне суверенных государств.

Однако деятельность «Нурджулар», которая была решением Верховного суда РФ от 10 апреля 2008 года запрещена на территории России, реально продолжается в некоторых субъектах РФ, в частности в Дагестане. Продолжает существовать и нелегальная сеть, созданная ее адептами и встроенная во все структуры дагестанского общества¹.

И «Нурджулар», и другие исламско-пантюркистские организации, контролируемые из США, Великобритании и других центров, занимающихся координацией подрывной антироссийской деятельности на Юге России, демонстрируют завидную цепкость и устойчивость, легко адаптируются к традиционному российскому исламу, привнося в него элементы «чистого ислама», отторгавшиеся большинством населения в «ваххабистском» варианте, что и обусловило неудачу «арабского» геополитического проекта отторжения Северного Кавказа от России. Новая пантюркистская модель, предлагаемая сегодня этими силами – это «работа над ошибками» в условиях

¹ Кроме учебных заведений той же «Нурджулар» были созданы благотворительное общество «Дружба», инвестиционная компания «Торос» и некоторые другие фонды и культурные центры. В 90-е годы нурсисты инвестировали деньги в партии исламского толка и предвыборные кампании с целью продвижения нужных политиков. В некоторых случаях названия партий и фондов, создававшихся при их участии, повторяли названия партий и фондов, действующих в Турции, о чем их руководители и спонсоры иногда проговаривались в интервью, говоря об одноименных дагестанских фондах и партиях, как о дочерних филиалах. Большинство из них, якобы, отрекшись от своих создателей, или в силу местных особенностей и элитной протекции действуют и поныне.

жесткой конкуренции за лидерование в американском проекте Большого Кавказа¹.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что реализация вышеуказанных геополитических мегапроектов на Кавказе (арабо-исламистского и туранского) сопровождается на современном этапе обострением конкуренции между этими двумя объединительными тенденциями, которые основываются на противоположно декларируемых задачах. Панисламский фундаментализм, составляющий основу исламистского проекта, апеллирует к межнациональному уровню объединения мусульман, а «мусульманский национализм», составляющий ядро пантюркизма, – собственно к национальному. Сторонники теории исламской солидарности в Саудовской Аравии, Иордании, Иране и в других странах призывают всех мусульман объединиться вне национально-географических рамок, тогда как идеологи пантюркизма в лице, в первую очередь, Турции выступают за обособление мусульман региона на этно-религиозной основе и выделение данной общности в самостоятельное государственно-политическое образование.

Существенный аспект этих тюркско-исламских опасностей для России кроется в заинтересованности ее геополитических противников вытеснить Россию из Закавказья, создать в северокавказском регионе антироссийское конфедеративное образование «от моря до моря», как фактор дальнейшего

¹ Все турецкие преподаватели дагестанско-турецких учебных заведений являлись активистами «Нурджулар» - гюленовцами. Ряд выпускников лицеев были вовлечены в террористическую деятельность на Северном Кавказе. По данным правоохранительных органов РФ, в 2002-2004 годах из России были выдворены более 20 граждан Турции - сторонников секты «Нурджулар». Была пресечена деятельность более 50 функционеров «Нурджулар», действовавших в Дагестане, Башкирии, Карачаево-Черкесии. Ячейку «Нурджулар» в Дагестане возглавлял бывший гражданин Азербайджана. В декабре 2007г. сотрудниками ФСБ были проведены обыски в местах сборов членов махачкалинской ячейки Нурджулар. В результате обысков изъято большое количество литературы С.Нурси, документы, подтверждающие, связь с российскими и турецкими членами организации, проведены допросы нурсистов г.Махачкалы, аналогичная работа была проведена в г.Избербаш. В 2008 и 2009 году также отмечалась активность их сетевых структур в республике.

• С помощью турецких финансовых средств дагестанскими нурсистами приобретен земельный участок по адресу г.Махачкала ул.Кизлярская д.14А (находится в районе 5-го поселка г.Махачкалы, напротив СШ №10, тупиковая улица, въезд со стороны ул.Тимирязева). К настоящему времени воздвигнуто двухэтажное строение, планируется строительство третьего этажа. Примечательно, что рыночная стоимость земельного участка (5 соток) в этой части города достигает до 100 тысяч долларов США. В Дагестане, сменив кое-где вывески, продолжают действовать созданные гюленовцами дагестанско-турецкие колледжи и другие учебные центры, общественные организации и другие НПО, специализирующиеся на связях с соотечественниками, имеются позиции и среди вузовских преподавателей и студентов.

сужения роли России на Кавказе и Причерноморье и кардинального изменения здесь этноконфессионального баланса.

При этом Эр-Рияд, хотя и имеет собственные геополитические интересы на Кавказе, все же в большей степени выполняет роль клиента США, которому поставлена задача с помощью огромных финансовых средств и неоваххабитской идеологии нивелировать влияние шиитского и антиамериканского Ирана в СНГ, развивать дезинтеграционные процессы на Кавказе, углубляя здесь антироссийские настроения и центробежные тенденции. Турции же, как главному региональному союзнику США по НАТО, отводится основная роль по переориентации тюркских республик СНГ с Севера (России) на Запад (США). Америка, умело манипулируя своими союзниками в мусульманских регионах, создает определенный баланс в наступательной тактике между Эр-Риядом и Анкарой. При этом наиболее эффективным и действенным средством в реализации геополитических устремлений Саудовской Аравии, Турции, других мусульманских государств, как отмечалось, выступают экстремистские неправительственные религиозно-политические организации (НРПО).

4. 4. Стратегии информационного обеспечения противодействия терроризму на Юге России

В настоящее время в массиве множества нормативных правовых актов, концепций и стратегий, нацеленных, в той или иной сфере, на борьбу с терроризмом, следует выделить Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» (со всеми внесенными в последующем изменениями), а также Концепцию противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденную Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 5 октября 2009 года, и опубликованную в Российской газете 20 октября 2009 года¹. Именно в этих документах мы обнаруживаем основы стратегии информационного обеспечения терроризму в РФ.

В Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации зафиксировано, что «правовую основу общегосударственной системы противодействия терроризму составляют Конституция Российской

¹ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Российская газета. - 2009. - 20 окт.

Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, Концепция внешней политики Российской Федерации, Военная доктрина Российской Федерации, настоящая Концепция, а также нормативные правовые акты Российской Федерации, направленные на совершенствование деятельности в данной области»¹.

Если в Федеральном законе «О противодействии терроризму» приоритет отдается мерам по предупреждению терроризму, то в Стратегии они уже детально прописываются. Прежде всего, в Стратегии говорится, что возникновение и распространение терроризма в Российской Федерации обусловлено внутренними и внешними предпосылками. Среди ряда внутренних факторов называется и «ненадлежащий контроль за распространением идей радикализма, пропаганда насилия и жестокости в информационном пространстве Российской Федерации». Что касается основных внешних факторов, способствующих возникновению и распространению терроризма в Российской Федерации, то справедливо называется «наличие в иностранных государствах ...теологических учебных заведений, распространяющих идеологию религиозного экстремизма», «распространение идей терроризма и экстремизма через информационно-телекоммуникационную сеть, а также через средства массовой информации», «заинтересованность субъектов террористической деятельности в широком освещении своей деятельности в средствах массовой информации в целях получения наибольшего общественного резонанса», «отсутствие единого антитеррористического информационного пространства на международном и национальном уровнях»². В этой связи среди основных задач в Стратегии

¹ Там же.

² Там же.

зафиксировано противодействие распространению идеологии терроризма и активизация работы по информационно-пропагандистскому обеспечению антитеррористических мероприятий.

Стратегия приоритет в общегосударственной системе противодействия терроризму отдает выявлению и предупреждению (профилактике) террористической деятельности. Профилактика терроризма осуществляется по трем основным направлениям, где первой выделено «создание системы противодействия идеологии терроризма». Одновременно ставится задача по «противодействию распространению идеологии терроризма путем обеспечения защиты единого информационного пространства Российской Федерации; совершенствованию системы информационного противодействия терроризму». К основным мерам по предупреждению (профилактике) терроризма Стратегия, в том числе, относит: - информационные (разъяснение сущности терроризма и его общественной опасности), формирование стойкого неприятия обществом идеологии насилия, а также привлечение граждан к участию в противодействии терроризму; - культурно-образовательные (пропаганда социально значимых ценностей и создание условий для мирного межнационального и межконфессионального диалога).

Стратегия подчеркивает, что информационно-аналитическое обеспечение противодействия терроризму включает в себя сбор, накопление, систематизацию, анализ, оценку информации об угрозах террористических актов, обмен ею и выдачу ее потребителям такой информации. При этом в процессе информационно-аналитического обеспечения противодействия терроризму решаются следующие основные задачи¹:

а) исследование основных факторов, определяющих сущность и состояние угроз террористических актов;

¹ Там же.

б) прогноз вероятных тенденций и закономерностей развития угроз террористических актов, разработке предложений для своевременного принятия решений по их нейтрализации;

в) анализ информации о проявлениях терроризма, а также о политических, социально-экономических и общественных процессах в Российской Федерации и в мире, оказывающих негативное влияние на ситуацию в области противодействия терроризму;

г) организация и осуществление информационного взаимодействия субъектов противодействия терроризму;

д) мониторинг и анализ международного опыта противодействия терроризму;

е) совершенствование ...информационно-аналитического обеспечения координации деятельности по противодействию терроризму федеральных органов исполнительной власти, субъектов антитеррористической деятельности, органов местного самоуправления...;

ж) создание единого антитеррористического информационного пространства на национальном и международном уровнях;

з) разработка информационных банков и баз данных...;

и) своевременная подготовка предложений по созданию и совершенствованию нормативно-правовой базы информационно-аналитического обеспечения противодействия терроризму.

К деятельности по информационно-аналитическому обеспечению противодействия терроризму привлекаются, и это правильно, научно-исследовательские учреждения. При этом согласно Стратегии, научное обеспечение противодействия терроризму включает в себя¹:

а) разработку теоретических и методологических основ противодействия терроризму, рекомендаций для решения практических задач по конкретным направлениям деятельности в области противодействия терроризму;

¹ Там же.

б) проведение научно-прикладных исследований для принятия политических, правовых, организационных и управленческих решений в области противодействия терроризму на разных уровнях;

в) изучение международного опыта борьбы с терроризмом, внесение предложений Президенту Российской Федерации по совершенствованию стратегии и системы мер противодействия терроризму.

Как уже неоднократно подчеркивалось выше, международный опыт противодействия терроризму свидетельствует, что его основными направлениями являются: совершенствование правовой базы, укрепление и совершенствование деятельности специальных служб, усиление борьбы с финансированием терроризма и, наконец, активизация разъяснительной и пропагандистско-идеологической работы¹.

Последнему виду антитеррористической деятельности уделяется самое пристальное внимание во многих странах мира. Например, в США большое значение придается разъяснительной и пропагандистской работе, разоблачающей истинные цели и намерения исламских экстремистов, несостоятельность их теоретических подходов, противоречащих реалиям современного мира и коренным интересам исламских стран.

Для реализации этой задачи серьезные усилия прилагаются со стороны ряда научных центров и институтов. С этой же целью регулярно проводятся специальные слушания в конгрессе США с привлечением экспертов ЦРУ, а также видных исламских ученых и авторитетов. Публикации материалов в СМИ по поводу террористических угроз приобрела в США характер хорошо организованной кампании.

Информационно-пропагандистская деятельность осуществляется также властями не только западных, но и многих мусульманских стран. Ее актуальность предопределяется возросшей информационной активностью радикальных исламистов. Экстремисты все активнее берут на вооружение современные медиасредства (сеть Интернет, телевидение, газеты, журналы, частные радиостанции и т.д.).

Экстремистско-террористические организации, как правило, опираются на искаженное толкование религиозных законов, норм и правил, используют в привлечении на свою сторону молодежи идеологию, основанную на

¹ Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России. – Ростов н/Дону, 2005. – С. 221.

собственных богословско-правовых доктринах, противоречащих традиционным религиозным исламским нормам и мусульманским законам. Отсутствие должного уровня разъяснительно-просветительской деятельности по правильному толкованию религиозных догматов и теорий, вскрытию и публичной критике ошибочных взглядов идеологов от экстремизма, нечистоплотности и подтасовки ими аргументов, как и упущения, допускаемые противниками этих взглядов в нападках на проповедников исламского экстремизма, создают благоприятную почву для деятельности такого рода организаций и группировок.

Пропагандистская активность террористических организаций и группировок, а также их стремление посеять среди населения страх и тем самым сломить волю к сопротивлению вызывают необходимость оказания этим силам эффективного информационного противодействия.

Такого рода работа в некоторых исламских государствах, например, в Алжире и Египте, стала важной составной частью концепции национальной безопасности обеих стран в области антитеррористической борьбы.

Например, в Алжире создан единый информационно-пропагандистский центр. Перед ним в качестве основной была поставлена задача добиться перелома в сознании верующих мусульман, слепо воспринимающих «проповеди» экстремистов, а также вести контрпропаганду в противовес информационной войне, развязанной радикальными исламистами и их сторонниками внутри страны и за рубежом. К этой работе подключены видные ученые-теологи, религиозные лидеры, лояльно относящиеся к властям, представители средств массовой информации.

На внешнеполитическом направлении основная цель информационно-пропагандистской работы официального Алжира состоит в том, чтобы на конкретных примерах показать истинное лицо террористов, вызвать в международном сообществе возмущение их зверскими деяниями против мирных граждан. Кроме того, алжирские правящие круги стремятся продемонстрировать Западу доказательства, свидетельствующие об

интернациональном характере терроризма, опасности его распространения на другие страны и регионы, а также призвать мировое сообщество к объединению с этим злом, несущим ему реальную угрозу.

Власти Египта в религиозной контрпропаганде сосредоточивают внимание на тех положениях Корана и Сунны, которые ясно и недвусмысленно отвергают терроризм и преступность. На конкретных исторических примерах доказывается, в частности, что ваххабитское движение, возникшее в XVIII в. как стремление вернуть общество к «первоначальному исламу», фактически с самого начала вступило в противоречие с положениями, содержащимися в сакральных источниках мусульманства, отвергающими насилие. Взяв на вооружение в качестве господствующего принципа «последовательную борьбу с нововведениями в исламе», ваххабиты повергли в ужас мусульманский мир, когда на завоеванных территориях разрушили гробницы святых, в том числе усыпальницу имама Хусейна бен-Али в Кербеле в 1802 г., а свою жестокость по отношению к другим мусульманам, не одобряющим их действия, оправдывали тем, что ведут против «неверных» священную войну – джихад. В значительной степени ваххабитский переворот 1924 г. в Саудовской Аравии явился результатом борьбы ваххабитов против суфийских братств.

На международном уровне главные усилия Египта направляются на установление многопланового сотрудничества с другими странами в борьбе с экстремизмом и терроризмом. Так, достигнута договоренность о координации действий спецорганов арабских государств в ведении информационной войны против террористических формирований. Египетским правительством проводится курс на заключение межгосударственных соглашений о выдаче преступников, на усиление международного общественного противостояния этому явлению, расширение масштабов отслеживания деятельности зарубежных группировок, их спонсоров и идеологов для выяснения планов и намерений экстремистов и последующей дезорганизации их деятельности.

Набирает обороты противодействие терроризму и в оплоте исламского суннизма – Королевстве Саудовская Аравия. Выработанная к настоящему времени стратегия саудовских властей по противодействию терроризму включает в себя 3 составляющие: *«люди, деньги, умы»*. *«Люди»* - это выявление, арест и осуждение террористов, разгром их структур. *«Деньги»* - это меры по усилению контроля над финансовыми потоками, идущими к террористам и экстремистам по разным каналам, включая перевозку денежных средств курьерами. *Борьба «за умы»* является, по мнению саудовских властей, самой сложной составляющей контртеррористической стратегии и требует длительного времени.

«Борьба за умы»: эта работа, помимо официальных заявлений саудовского правительства и религиозных деятелей, включает в себя ряд мероприятий по противодействию экстремистской идеологии, среди них:

- проведение активной антиэкстремистской кампании в СМИ с использованием различного рода объявлений, рекламных щитов и Интернета;
- распространение книг и памфлетов, видеодисков и кассет в школах, медресе, мечетях;
- перевоспитание тех богословов, которые проповедуют экстремистскую идеологию. Этим занимаются проповедники в 20 тыс. из 70 тыс. мечетей, в связи с чем саудовские власти постоянно проводят в них «просветительские» семинары и лекции.

В тюрьмах страны осуществляется программа реабилитации лиц, осужденных за терроризм или экстремизм, включая переданных американцами узников из тюрьмы на базе Гуантанамо. С 2004 г. эту программу прошли 4300 человек. После ее завершения рецидивы наблюдались примерно у 20 процентов участников, а потому ее можно считать достаточно эффективной.

Принятые саудовскими властями меры, безусловно, снижают уровень террористической угрозы. Тем не менее, в Саудовской Аравии терроризм

остаётся актуальным явлением. В этой связи властями КСА признаётся необходимым принятие дополнительных мер как законодательного, так и исполнительного характера по противодействию терроризму.

Опыт борьбы указанных арабских государств с распространением влияния исламского фундаментализма свидетельствует о необходимости комплексного подхода к решению проблемы, которая имеет социальные, политические, экономические, культурно-исторические и религиозно-этнические корни. Эффективное противостояние государства этой угрозе возможно при условии объединения усилий всех институтов государства, наступательного информационного противодействия и наличия поддержки правительства со стороны влиятельных религиозных и общественных деятелей, мирового сообщества.

Заключение

Рассмотренный в учебном пособии материал свидетельствует, что терроризм современной эпохи – сложное, многомерное социально-политическое явление, не в последнюю очередь обусловленное глобализационными процессами, результатом которых является дальнейшая дифференциация между богатыми и бедными странами, а также между бедными и богатыми во всех странах мира. Кроме того, агрессивная вестернизация международных и внутригосударственных регионов не могла не сопровождаться отторгающей реакцией традиционных обществ, прежде всего, относящихся к «исламскому миру».

Терроризм растекся по всему миру, а акции терроризма фиксируются повсюду: в богатых Соединенных Штатах и странах Западной Европы, но также и в бедных государствах Ближнего и Среднего Востока, Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии и т.д. Эксперты говорят о живучести и приспособляемости современного терроризма, что свидетельствует о том, что мировому сообществу предстоит долгая и упорная борьба с этим порождением эпохи глобализации.

Терроризм стал далеко не отвлеченным явлением на постсоветском пространстве. Особенно жестко его всплески фиксируются в Центральной Азии и в северокавказском регионе России. Безусловно, главной причиной появления и развития терроризма и террористического движения на постсоветском пространстве стал мгновенный по историческим меркам развал Советского Союза, сопровождавшийся крушением коммунистической идеологии. Новой России, не обретшей прочного идеологического фундамента, оказалось трудно противостоять натиску вновь появившихся нетрадиционных акторов глобальной и региональной геополитики, сетевым структурам современных террористов в частности.

Ситуацию надо корректировать, и как можно скорее. В частности, серьезную роль могла бы сыграть наука, светская и теологическая, морально и материально в этом отношении поддерживаемая государством.

Однако до сих пор в России и в ее северокавказском регионе практически отсутствуют официальные структуры исламских исследований в рамках высших учебных и научных заведений, которые бы имели прямое государственное финансирование. Отдельные ученые или их коллективы занимаются этими вопросами, как правило, по собственной инициативе. Все попытки преодолеть указанный пробел до сих пор остаются безуспешными. Ситуацию надо срочно исправлять. Как представляется, следует вести постоянный и эффективный мониторинг динамики террористической активности. Необходимо повысить уровень отечественной исторической науки, и, наконец, поставить точку в Кавказской войне XIX. Надо изучить и обобщить опыт борьбы с басмаческим движением в Средней Азии (1918-1942), советских вооруженных сил в Афганистане (1979-1989), кампании по наведению конституционного порядка в Чечне (1994-1996) и антитеррористической кампании на Северном Кавказе (1999-2009), а также и других сюжетов, касающихся борьбы с терроризмом в мире и на территории нашей страны.

На международном уровне необходимо достичь согласия относительно стратегии и тактики антитеррористической деятельности. В этих целях крайне важно принятие на уровне ООН всеобъемлющей конвенции о международном терроризме. Если эта конвенция будет принята, она дополнит существующую базу международных контртеррористических документов и укрепит важнейшие руководящие принципы, которые уже воплощены в других контртеррористических конвенциях последнего времени. Только системный и целенаправленный подход в борьбе с современным терроризмом на государственном, международном региональном и глобальном уровнях способен обеспечить итоговый успех.

Глоссарий

АГРЕССИЯ (лат.: нападение) – незаконное с точки зрения Устава ООН применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной целостности другого или народа (нации). Обязательными признаками А. выступают принцип первенства (инициатива в применении вооруженной силы) и имперские намерения, захватнический умысел (отторжение территории другого государства, вмешательство в его внутренние дела, расширение сферы своего влияния и т.п.).

АДАТ (араб.: обычай) – обычное мусульманское право в отличие от официального права – шариата, способствует сохранению родоплеменных отношений и пережитков (кровная месть, пеня за убийство, умыкание невест и т.д.).

АДЕПТ (лат.: достигший) – 1. Посвященный в тайны какого-либо учения, секты. 2. Ярый последователь, приверженец какого-либо учения, идеи.

АЛЛАХ – единый, единственный и всемогущий Бог религии ислама. Аллах не имеет конкретного образа и не может быть изображен. Ему поклоняются в мечетях, произнося молитвы и падая ниц, выражая тем самым

свою покорность. Главным местом поклонения А. является Кааба в Мекке, там находится «черный камень», якобы посланный А. с неба.

АХУН – духовный сан религиозного деятеля, в ведении которого находится несколько мечетей.

АЯТ (араб.: знамение Аллаха, иногда переводится как стих) – наименьшая самостоятельная часть Корана.

БЕЗОПАСНОСТЬ КОЛЛЕКТИВНАЯ – состояние защищенности мирового сообщества или группы государств от возможности нанесения им ущерба средствами вооруженного насилия, обеспечиваемое их совместными усилиями. Система К.б. представляет собой совокупность межгосударственных и государственных органов, сил и средств, согласованная и взаимосвязанная деятельность которых гарантирует осуществляемую на правовой основе защиту жизненно важных интересов государств-участников с опорой на военную силу.

ВАХХАБИЗМ – религиозно-политическое течение в суннизме, проповедующее возвращение к чистоте раннего ислама времени Мухаммеда, строжайшее соблюдение принципа единобожия, отказ от поклонения святым и святым местам, отказ от заимствования новшеств, требует от мусульман избегать всяких проявлений роскоши в быту, одежде и культуре.

ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ – принадлежность к какой-либо религии, церкви; религиозное объединение, имеющее свое вероучение, культ и организации. Иногда вероисповедание называют «конфессией».

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ – целенаправленная деятельность государственных институтов, политических и общественных организаций по формированию у граждан морально-психологической готовности к защите Отечества, привитию им соответствующих знаний, навыков и умений.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ – захваченные во время войны противником и находящиеся в его власти комбатанты, а также лица, не входящие в состав вооруженных сил воюющих сторон, но занимающиеся их обеспечением или

обслуживанием.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ – специальные объединения (группы) людей, оснащенные техническими средствами физического насилия (оружием и боевой техникой), которые при определенных обстоятельствах используются в политических целях. Различают: регулярные вооруженные силы государства; военизированные формирования политических движений и партий; партизанские армии борющихся с властью социальных и национальных групп; террористические группы.

ВТОРЖЕНИЕ НА ИНОСТРАННУЮ ТЕРРИТОРИЮ – вступление вооруженных сил одного или нескольких государств на территорию другого государства, без согласия его правительства, а также нарушение границы государственными воинскими подразделениями, отдельными самолетами или кораблями другой страны в целях разведки или диверсии. Как правило, оно осуществляется внезапно и является актом агрессии.

ГАЗАВАТ (араб.: поход, набег, нашествие) – одна из форм джихада против неверных, понимаемая как священная война.

ДАР АЛЬ-ИСЛАМ (араб.: мусульманский мир, земля ислама, вся территория, где господствует ислам) – традиционное мусульманское обозначение территорий, где действует мусульманский религиозный закон и где политически господствуют мусульмане.

ДАР АС-СУЛЬХ, или **ДАР АЛЬ-АХД** (араб.: земля мирного договора, или земля договора) – промежуточная категория между дар аль-ислам и дар аль-харб, где при существовании политической власти немусульман мусульмане находятся под защитой и пользуются религиозной свободой, живут по своему религиозному закону.

ДАР АЛЬ-ХАРБ (араб.: земля войны) – территория, где ислам не господствует, где не действует в качестве главного мусульманский религиозный закон, где мусульмане подвергаются притеснениям и где ислам еще не распространился, - все, что не входит в дар аль-ислам.

ДЖАДИДИЗМ (араб.: новый метод) – новометодное реформаторское

течение, среди российских мусульман распространилось в начале XX в.

ДЖИХАД (араб.: усилие, отдача всех сил и возможностей ради распространения и торжества ислама) – одна из главных обязанностей мусульманской общины. Первоначально под Д. подразумевались главным образом военные действия мусульманского государства. Это значение стало основным для немусульман и получило у них название «священная война» (у ряда мусульманских народов – газават). Позднее понятие Д. наполняется новым содержанием: появились представления о высшей форме Д. – духовном внутреннем усовершенствовании мусульманина на пути к Аллаху.

ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО – способ комплектования и пополнения вооруженных сил, основанный на привлечении в их ряды добровольцев. Широкие масштабы оно принимает во время национально-освободительных и отечественных войн.

ДОГМАТЫ РЕЛИГИОЗНЫЕ – основные положения религиозного вероучения, принимаемые на веру.

ЗАКОНЫ И ОБЫЧАИ ВОЙНЫ – совокупность международно-правовых норм и моральных принципов, регулирующих права и обязанности воюющих сторон и нейтральных государств во время войны и других вооруженных конфликтов, в том числе внутригосударственного характера. Они складывались в течение длительного исторического периода, воплощены в Гаагских конвенциях о законах и обычаях войны 1899 и 1907 гг., Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 г. и других международных актах.

ЗАЛОЖНИКИ – насильственно задержанные лица, судьба и положение которых становятся средством давления на социальные группы, политические партии или государственные органы, которые заинтересованы в освобождении этих лиц. В качестве заложников могут оказаться как специально выбранные лица (бизнесмены, политические или общественные деятели, дети и т.д.), так и случайные люди.

ИДЖТИХАД (араб.: выносить самостоятельное решение) –

способность и право компетентного факиха выносить собственное решение по важным вопросам религиозной и общественной жизни на основе Корана и сунны и руководствуясь основными методами фикха. Безошибочным в принципе считается И., являющийся решением всей мусульманской общины. На практике ее представителями признавались авторитетные законоведы.

ИМАМ (араб.: стоять впереди, предводительствовать) – предстоятель на молитве, духовный руководитель, глава мусульманской общины.

ИМАМАТ – институт верховного руководства мусульманской религиозной общиной, в котором сливаются власть светская и власть духовная.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА – в самом широком понимании – это любое воздействие на информацию и информационные системы противника при одновременной защите собственной информации и собственных информационных систем. По мнению американских авторов, информационные операции могут проводиться не только во время войны, но и в мирное время или в неопределенных ситуациях, с целью защиты собственной информации и информационных систем, а также для оказания влияния на информацию и информационные системы противника.

ИСЛАМ (араб.: предание себя Аллаху, покорность) – одна из мировых религий. Возник в Аравии в начале VII в. Вероучение изложено в Коране, содержание которого, по преданию, было сообщено в соответствии с божественной волей пророку Мухаммеду. В исламе 7 догматов: вера в единого Бога; вера в ангелов; вера в святые книги, вера в посланников Аллаха; вера в конец света, рай и ад; вера в предопределение; вера в воскресение мертвых. Наряду с признанием догматов мусульманин должен признавать 5 «столпов» веры. 1. Произнесение символа веры: «Нет божества кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник божий». 2. Ежедневная пятикратная молитва. 3. Пост в месяц рамадан (ураза). 4. Обязательная благотворительность (закят). 5. Паломничество в Мекку (хаджж).

ИСЛАМИЗАЦИЯ – термин, употребляемый в настоящее время для

определения характера политических движений, выступающих за возврат к мусульманским правовым нормам в государственной жизни.

ИСЛАМИЗМ - идеология и практическая деятельность, ориентированная на создание условий, при которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате (системе нормативных положений, выведенных из Корана и Сунны).

ИСЛАМСКИЙ РАДИКАЛИЗМ – это идеологическая доктрина и основанная на ней социально-политическая практика, которые характеризуются нормативно-ценностным закреплением идеологического, политико-мировоззренческого и даже вооруженного противостояния мира «истинного ислама» по отношению к миру «неверных» вовне и миру «неистинной веры» внутри ислама и требуют абсолютного социального контроля и мобилизации (служения идее) своих сторонников.

КАДИ (кази) – религиозный судья в мусульманской общине.

КАФИР – неверный, неверующий. Обозначение всех немусульман, отвергающих веру в Аллаха.

КОМБАТАНТЫ (фр. - воин, боец): в международном праве – лица, входящие в состав вооруженных сил воюющей стороны и имеющие право принимать непосредственное участие в военных действиях. К. являются: личный состав вооруженных сил (кроме лиц медицинского и духовного персонала); личный состав ополчений, добровольческих отрядов и организованных движений Сопротивления; лица, не входящие непосредственно в состав вооруженных сил, но следующие за ними и обслуживающие их; экипажи судов торгового флота и гражданской авиации; население не оккупированной территории, которое при приближении неприятеля стихийно берется за оружие для борьбы с вторгшимся врагом, не успев сформироваться в регулярные войска, если оно открыто носит оружие,

соблюдает законы и обычаи войны.

КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ – комплекс социальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также минимизации последствий террористического акта.

КОНФЕССИЯ – то же, что и вероисповедание.

КОРАН – священная книга мусульман, представляющая собой собрание «божественных откровений», которые были «ниспосланы» пророку Мухаммеду. Коран делится на 114 глав, именуемых сурами, которые расположены в порядке убывания длины, за исключением первой суры, фатихи. К. для всех мусульман является главным источником вероучения. Он содержит наставления, правила, запреты, повеления культового, этического, юридического, хозяйственного характера.

КУФР – неверие. Непризнание ислама или отход от ислама.

МАЗХАБ (араб.: путь следования) – религиозно-правовая школа в суннитском исламе. В настоящее время общепризнанными являются 4 М.: ханифитский, маликитский, шафиитский, ханбалистский. Названия получили по именам своих создателей.

МЕЧЕТЬ (араб.: место поклонения) – культовое здание в исламе, где совершаются богослужения и произносятся проповеди. Противоположная входу стена мечети, как правило, ориентирована в сторону Мекки. На внутренних стенах мечетей нет никаких украшений, кроме орнамента и выдержек из Корана.

МИРНОЕ НАСЕЛЕНИЕ – лица, находящиеся на территории, охваченной вооруженным конфликтом, не принадлежащие к вооруженным силам воюющих сторон и не принимающие непосредственного участия в военных действиях.

МОБИЛИЗАЦИЯ (лат.: подвижный) – комплекс мероприятий по

переводу на военное положение вооруженных сил, экономики и государственных институтов страны (общая мобилизация) или какой-либо их части (частичная мобилизация) Стала применяться с созданием массовых армий, комплектуемых на основе всеобщей воинской повинности. Объявление мобилизации – компетенция органов государственной власти. Ее успешное проведение обеспечивается национальной консолидацией общества и его патриотизмом.

МОНОТЕИЗМ (греч.: единственный, верный) – религиозное представление и учение о едином Боге, единобожие, в противоположность политеизму – многобожию. Монотеистами считают себя иудаисты, христиане, мусульмане.

МУДЖАХИД (МОДЖАХЕД) (араб.: борец за веру, за святое дело, участник священной войны – джихада) – термин, использующийся для обозначения лиц, участвующих в социальных, национально-освободительных, а также религиозных движениях. Вооруженные формирования М., как правило, имеют иррегулярный характер, придерживаются тактики партизанских и диверсионно-террористических действий. Воины, ведущие джихад, согласно исламским канонам, в случае гибели становятся шахидами, то есть святыми, мучениками, павшими за веру, и удостоиваются вечного блаженства.

МУДЖТАХИД – наиболее авторитетный законовед (факих), имеющий право выносить самостоятельное суждение (иджтихад) по религиозным и правовым вопросам.

МУЛЛА – персидское название для знатоков религиозных наук и служителей мусульманского культа.

МУСЛИМ (араб.: предавший себя Аллаху) – мусульманин.

МУФТИЙ – должностное лицо в системе религиозного суда, выносит решения (фетвы) по разным религиозно-юридическим вопросам, используя прецеденты из практики кади.

МУХАММАД (Мухаммед, Мохаммед, Мохаммад, Магомед) –

основатель ислама, посланник Аллаха, «печать пророков», то есть главный и последний пророк истинной веры.

МЮРИДИЗМ – термин для обозначения религиозно-мистического направления в исламе, получившего распространение на Северном Кавказе.

НАЕМНИК – согласно нормам современного международного гуманитарного права – любое лицо, которое специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте, и фактически принимает участие в военных действиях, руководствуясь, главным образом, желанием получить личную выгоду. Обязательный признак Н. - он не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте; не входит в личный состав ее вооруженных сил и не послан государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил.

НАСИЛИЕ ВООРУЖЕННОЕ – форма социальной борьбы, крайний вид военного насилия, при котором разворачиваются боевые действия и открыто применяется оружие (ведется огонь, рассчитанный на поражение людей, захватывается территория противника, уничтожаются его военные объекты и т.д.).

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства.

ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ – совокупность субъектов противодействия терроризму и нормативно-правовых актов, регулирующих их деятельность по выявлению, предупреждению (профилактике), пресечению, раскрытию и расследованию террористической деятельности, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

ОРИЕНТАЛИСТ – знаток культуры и языков восточных народов, востоковед. Ориенталистика – то же, что востоковедение.

ПАНИСЛАМИЗМ – религиозно-политическая идеология, в основе которой лежат представления о единстве, солидарности всех членов мусульманской общины независимо от их государственной, расовой, национальной или социально-классовой принадлежности, обусловленные равенством всех мусульман перед Аллахом, и о необходимости объединения всех мусульман в рамках единого теократического государства.

ПАНТЮРКИЗМ – идеология и политика, основанные на признании всех народов тюркской языковой группы единой нацией и необходимости их политического сплочения под главенством Турции в единое государство «Великий Туран».

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ – деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления по:

а) предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);

б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);

в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

РАДИКАЛ (лат.: корень) - сторонник коренных, решительных мер.

РАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМСКОГО ДВИЖЕНИЯ – это процесс становления и укрепления исламизированных политических групп,

использующих исламские лозунги и элементы учения ислама как идеологическую платформу, что отличает их от других общественных формирований в ходе борьбы за власть со своими политическими оппонентами, для насильственного насаждения собственной веры и изменения, на этой основе, существующего общественно-политического строя в том, или ином регионе.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ – совокупность дисциплин, изучающих религию, ее социальные, гносеологические, психологические корни.

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ (под прикрытием ислама) - это такфиритская идеология (обвинение в неверии всех, кто эту идеологию не разделяет) и основанная на ней специфическая диверсионно-террористическая практика, ложно определяемая носителями идеологии такфира, как джихад (священная война за веру).

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ – процесс освобождения всех сфер общественной и личной жизни из-под влияния религии и церкви.

СЕПАРАТИЗМ (лат.: отдельный) – стремление к обособлению, проявляющееся, как правило, у национальных меньшинств в многонациональных государствах и направленное на создание самостоятельных государств или национально-государственных автономий.

СУННА (араб.: путь, пример, образец) – поступки и высказывания пророка Мухаммеда, один из источников правил общественной жизни и толкования Корана, религиозного культа и права. С. зафиксирована в хадисах и повествует о современниках Мухаммеда и о его решениях по различным вопросам религии и устройства жизни общины.

СУННИЗМ – одно из направлений ислама. Его приверженцы называют себя людьми сунны. Подавляющее большинство мусульман мира являются суннитами. В области теологии С. не признает возможность посредничества между Аллахом и людьми после смерти Мухаммеда, отрицает идею об особой природе Али и особом праве его потомков на

имамат, руководство общиной.

СУФИЗМ – мусульманский мистицизм.

ТАКФИР – обвинение в неверии (куфре).

ТЕРРОРИЗМ (лат. – страх, ужас) – политика и тактика террора, то есть совокупность жестких форм и средств политического насилия, используемых для достижения античеловеческих целей.

ТЕРРОРИЗМ – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – деятельность, включающая в себя:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной группы), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ – совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие

решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

УММА (араб.: народ, нация) – мусульманская община, общность всех мусульман.

ФАКИХ (араб.: понимать, знать) – знаток мусульманского права.

ФАНАТИЗМ – непоколебимая и отвергающая альтернативы приверженность определенным убеждениям, выражающаяся в деятельности и общении, сопряженная с готовностью к жертвам. Преданность идее сочетается с нетерпимостью к инакомыслящим, пренебрежением к этическим нормативам, препятствующим достижению общей цели.

ФЕТВА – официальное суждение по поводу какого-либо правового или культового вопроса, выносимое муфтием или другим религиозным авторитетом в ответ на запрос кади или любого частного лица.

ХАДЖЖ – паломничество в Мекку, одна из главных обязанностей каждого мусульманина.

ХАДИС – рассказ о поступках и высказываниях Мухаммеда и его сподвижников.

ХАЛИФАТ – 1. Институт власти, характерный для суннитского толка ислама. Означает сосредоточение светской и духовной власти над общиной в руках халифа. 2. Название государства, возглавляемого халифом.

ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – это прозападный, чаще проамериканский переворот, производимый в той или иной стране в интересах Запада (США) с использованием инструментария информационных (сетевых) войн.

ШАРИАТ (араб.: правильный путь к цели) – комплекс юридических норм, принципов и правил поведения, религиозной жизни и поступков мусульманина, соблюдение которых означает ведение праведной, угодной Аллаху жизни, приводящей мусульманина в рай.

ШИРК – придание сотоварищей Аллаху, язычество.

ШЕЙХ (араб.: становиться старым, стареть) – 1. В Новое и Новейшее время – титул главы племени в Аравии. 2. Почетное звание крупных

религиозных авторитетов, знатоков религиозных дисциплин, глав суфийских братств, людей, известных своим благочестием.

ШИИТЫ (араб.: присоединяться к кому-либо) – приверженцы одного из направлений ислама. Для Ш. имам является духовным и светским главой по своей сути благодаря таинственной эманации «божественной благодати», переходящей от одного имама к другому.

ЭКСПАНСИЯ – расширение, распространение, стремление к захвату новых территорий.

ЭКСПАНСИЯ ВОЕННАЯ – захват вооруженным путем чужих территорий в целях политического и экономического закабаления других народов, укрепления своего военно-стратегического положения. Современное международное право квалифицирует экспансию военную как одну из форм агрессии.

ЭКСТРЕМИЗМ (лат.: крайний) – приверженность в политике крайним взглядам и мерам.

Список

использованных источников и литературы

Нормативные источники

Конституция Российской Федерации. – М., 1999.

Военная доктрина Российской Федерации. – М., 2010.

Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. № 15. Ст. 769.

Концепция национальной безопасности Российской Федерации (в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г., № 24 // Российская газета. – 2000. – 18 янв.

Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Российская газета. – 2009. – 20 окт.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // <http://www.kremlin.ru>

Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // Вертикаль власти. Региональная и национальная политика, принципы местного самоуправления. Документы. Комментарии. Разъяснения. Выпуск № 15. - М., 1996.

Концепция государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе. - М., 1998.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. – 2000. – 28 сент.

Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130 ФЗ «О борьбе с терроризмом» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. - № 31. – Ст. 3808.

Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». – М., 2006.

Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40 ФЗ «Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. - № 15. – Ст. 1269.

Федеральный закон от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 ФЗ «О средствах массовой информации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. - № 7.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. – 2002. – 30 июля.

Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115 ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации, - 2001. - № 33. – Ст. 3418.

Постановление Правительства РФ от 25 августа 2001 г. № 629 «О

федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005 годы)» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - № 36. - Ст. 3577.

Постановление Правительства Российской Федерации от 18 января 2003 г. № 27 «Об утверждении положения о порядке определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их участии в экстремистской деятельности, и доведение этого перечня до сведений организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. - № 4. – Ст. 329.

Диссертации и авторефераты

Адамова М.А. Женский терроризм в современном политическом процессе: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ставрополь, 2008.

Акаев В.Х. Суфизм в контексте арабо-мусульманской культуры: Автореф. дис. ...докт. философ. наук. – Ростов н/Д, 2004.

Бережной С.Е. Исламский фундаментализм на Северном Кавказе: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ростов н/Дону, 2004.

Добаев И.П. Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика: Дис. ...докт. филос. наук. – Ростов н/Д, 2003.

Дяченко И.А. Особенности проявлений политического экстремизма участниками молодежных объединений в современной России (детерминанты, воспроизводство, политическая идентичность): Автореф. дис. ...канд. полит. наук. Ростов н/Дону, 2008.

Егунов А.В. Исламский радикализм на постсоветском пространстве: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Краснодар, 2005.

Кузина С.И. Политическое насилие: природа, манифестирование и динамика в глобализирующемся мире: Дис. ...докт. полит. наук. – Ростов н/Дону, 2010.

Кулакова Б.Э. Мусульманская духовная культура: символические коды повседневности: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. – Ростов н/Дону, 2010.

Маевская Л.Б. Ваххабизм в современной России: исторические корни и тенденции развития: Автореф. дис. ...канд. историч. наук. – Киев, 2007.

Косякова М.Е. Правовая превенция политического экстремизма: институционально-технологический аспект: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Ростов н/Дону, 2008.

Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе: идеология и практика (на материалах Республики Дагестан): Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Махачкала, 2006.

Маханов Д.С. Эволюция ханбалитского учения и современность: Автореф. дис. ...канд. философ. наук. – М., 2001.

Назиров Д. Проблемы терроризма, религиозного экстремизма и пути их преодоления: Дис. ...докт. филос. наук. – Душанбе, 2009.

Патеев Р.Ф. Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ростов н/Дону, 2006.

Репинская О.В. Формирование политической стратегии антитеррористической деятельности государственных институтов России: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ростов н/Дону, 2009.

Сухов А.В. Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе: сравнительно-политологический анализ (на материалах Киргизской Республики и Республики Дагестан): Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ростов н/Дону, 2008.

Улезко Э.В. Противодействие экстремизму в этнорелигиозной сфере: проблемы и перспективы эволюции государственной политики

(региональный аспект): Автореф. дис. ...канд. полит. наук. – Ростов н/Дону, 2009.

Чудинов С.И. Терроризм как социокультурный феномен: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. – Новосибирск, 2005.

Щебланова В.В. Современный терроризм в глобализации социальных рисков: структуралистско-конструктивистский контекст: Автореф. дис. ...докт. социол. наук. – Саратов, 2010.

Юсупова Г.И. Влияние глобализации на этноконфессиональную ситуацию на Юге России: Автореф. дис. ...докт. филос. наук. – Махачкала, 2009.

Литература

Агрономов А.И. Джихад. Священная война мухаммедан. Казань, 1877.

Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Дону, 2004.

Акаев В.Х. Религиозно-политический конфликт в Чеченской Республике Ичкерия // Центральная Азия и Кавказ (Швеция). 1999. № 4.

Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. Конфронтация или компромисс? Махачкала, 1999.

Алиев А.К., Юсупова Г.И. Терроризм как угроза глобальной и национальной безопасности. Махачкала, 2010.

Аллах не любит Америку / Под ред. А. Парфея. М., 2003.

Ансимов Ю.Н., Алтунин В.Н. Антитеррористическая деятельность и борьба с экстремизмом: опыт, организация, правовая основа. Майкоп, 2003.

Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование М., 1998.

Арухов З.С. Ваххабизм и духовенство в политической структуре саудовского общества. Махачкала, 2002.

Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. Махачкала, 1999.

Ахмадуллин В., Мельков С. Государственно-исламские отношения в России. М., 2000.

Ахтаев А. Как выбить почву из-под ног экстремизма? // Знамя Ислама. 1997. № 2.

Бабкин С.Э. Религиозный экстремизм в Алжире. М., 2001.

Беглова Н.С. Терроризм: поиск решения проблемы // США: экономика, политика, идеология. 1991. № 1.

Бедрицкий А.В. Роль информационных технологий в современном терроризме и основные направления противодействия новым формам терроризма // Проблемы внешней и оборонной политики России. Сборник статей / Под ред. В.И. Кривохижи; Рос. инс-т стратегич. исслед. М., 2003. Вып. 10. С. 88-115.

Белая книга российских спецслужб. М., 1996.

Беляев С.С. О борьбе с международным терроризмом // Государство и право. 1998. № 3.

Белокреницкий В. Элементы «большой игры» в войне Запада против терроризма // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 6 (18).

Бережной С.Е. Исламский фундаментализм на Юге России. Ростов н/Дону, 2004.

Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам в современных республиках Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2002.

Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам и исламизм на Юге России. Ростов н/Д, 2003.

Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. СПб., 1999.

Бжезинский Зб. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004.

Васильев А.М. Египет и египтяне. М., 1986.

Васильев А.М. История Саудовской Аравии. М., 1999.

Васильев А.М. Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство

саудидов в Аравии (1744/45 – 1818). М., 1967.

Ваххабиты, XVIII - XX века. Историческое исследование / Сост. С.А.Шумов, А.Р.Андреев. М., 2002.

Вызовы XXI века: мировое сообщество против терроризма. Вестник иностранной информации ИТАР-ТАСС. М., 2002. № 2-3.

Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001.

Гаджиев Р.Г. Ваххабизм: особенности его проявления на Северном Кавказе. Махачкала, 2002.

Гаджикович Р. Терроризм и пропаганда // Актуальные проблемы Европы. Проблема терроризма. М., 1997.

Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана (пер. с англ.). М., 1998.

Глуценко Ю.Н. Исламский фактор во внешней политике США: трагедия 11 сентября как бумеранг «холодной войны» // Проблемы внешней и оборонной политики России. Сборник статей / Под ред. В.И. Кривохижи; Рос. инс-т стратегич. исслед. М., 2003. Вып. 10. С. 5-50.

Грачев А.С. Тупики политического насилия. Экстремизм и терроризм на службе международной реакции. М., 1982.

Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001.

Добаев А.И. Экономическая безопасность и терроризм в эпоху глобализации / Южнороссийское обозрение. Вып. № 52. Ростов н/Дону, 2008.

Добаев А.И. Хавала: неофициальная система финансирования терроризма. Ростов н/Дону, 2010.

Добаев И.П. Исламский радикализм в международной политике. Ростов н/Д, 2000.

Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика. Ростов н/Д, 2001.

Добаев И.П. Исламский радикализм: социально-философский анализ. Ростов н/Д, 2002.

Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д, 2003.

Добаев И.П. Юг России в системе международных отношений: национальная и региональная безопасность. Ростов н/Д, 2004.

Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России. Ростов н/Д, 2005.

Добаев И.П. Кавказский макрорегион в фокусе геополитических устремлений мировых держав: история и современность. Ростов н/Д, 2007.

Добаев И.П. Современный терроризм: региональное измерение. – Ростов н/Дону, 2009.

Добаев И.П., Мурклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев К.М. Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе. Ростов н/Дону, 2010.

Добаев И.П. Исламский радикализм в современных этнополитических процессах на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ (Швеция). 2000. № 6 (12).

Добаев И.П. Северный Кавказ: традиционализм и радикализм в современном исламе // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 6.

Добаев И.П. Формы борьбы с религиозным экстремизмом на Юге России // Современное общество на Юге России: основные тенденции развития. Ростов н/Д, 2001.

Добаев И.П. К вопросу о типологии радикального исламского движения // Центральная Азия и Кавказ (Швеция). 2002. № 3 (21).

Добаев И.П. Неправительственные религиозно-политические организации исламского мира // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 4.

Добаев И.П. Радикальные идеологии в исламе: история и современность // Ислам в России. Взгляд из регионов. М., 2007.

Добаев И.П. Экстремистские группировки в США: исламский фактор

// *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 1.

Добаев И.П. Радикализация ислама в Крыму // Юг России и Украина в геополитическом контексте. Южнороссийское обозрение. Вып. 40. / Под ред. И.П.Добаева, В.В.Черноуса. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2007.

Добаев И.П. Ислам и политика в северокавказском регионе России // Ислам на Юге России / Сост. и отв. ред. А.В.Сызранов. Астрахань: Изд-во АФ ВАГС, 2007.

Добаев И.П. Политические процессы в исламском движении на Северном Кавказе // *Научная мысль Кавказа*. 2008. № 1.

Добаев И.П., Добаев А.И. Роль и место неформальных систем денежных переводов в финансировании террористических организаций // *Современные проблемы экономической безопасности на Юге России* / Отв. ред. И.П. Добаев / Южнороссийское обозрение. Вып. 50. Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФО, 2008.

Добаев И.П. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 4.

Добаев И.П. Механизмы и технологии осуществления Западом «цветных революций» на постсоветском пространстве // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2008. № 2.

Добаев И.П. Мусульманское образование в России и на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы // *Экономико-географический вестник Южного федерального университета*. 2008. №5.

Добаев И.П. Идеологические установки и практика исламистских организаций на Юге России в условиях социальных трансформаций // *Научная мысль Кавказа. Спецвыпуск*. 2008. № 1.

Добаев И.П. Раскол уммы Северного Кавказа: негативные последствия явления // *Российское общество: историческая память и социальные реалии: Мат. межрег. науч.-практ. конф. (XIV Адлерские чтения, 3-7 октября 2008 г., Адлер)*. Адлер, 2008.

Дрожжин С. Исламизм в Германии // *Аналитические записки. Сб.*

статей / Под ред. А.Г. Оганесяна. 2004. № 11.

Дугин А.Г. Основы геополитики. М., 1999.

Евстафьев Д.Г., Чекалкин В.И. Международный аспект ближневосточного терроризма // Политические исследования. 1991. № 4.

Емельянов В.П. Проблемы ответственности за международный терроризм // Государство и право. 2000. № 1.

Емельянов В.П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с терроризмом // Государство и право. 2000. № 3.

Емельянова Н.М. Мусульмане Кабарды. М., 1999.

Жаринов К.В. Терроризм и террористы. Минск, 1999.

Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М., 2003.

Жданов Н.В., Игнатенко А.А. Ислам на пороге XXI века. М., 1989.

Игнатенко А.А. Зеленый Интернетционал. Всемирное исламистское движение в преддверии XXI века приобретает парадоксальные формы // “НГ-Религии”. 1999. 24 марта.

Игнатенко А.А. Исламский радикализм как побочный эффект холодной войны // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 1 (13).

Игнатенко А.А. Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. М., 1988.

Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2 (8).

Идрис Абдуллах. Ваххабизм: история проблемы // Мусульмане. 2000. № 1(4).

Ислам и исламизм / Под ред. Е.М. Кожокина, В.И. Максименко. М., 1999.

Ислам и политика / Отв. ред. В.Я.Белокриницкий и А.З.Егорин. М., 2001.

Исламизм: глобальная угроза? // Научно-исследовательский институт социальных систем. Серия: Научные доклады. № 2. М., 2000.

Ислам против терроризма. Фетвы имамов по вопросам, касающимся тяжких бедствий. М., 2003.

Йонсон Лена. Политический ислам и конфликты в Евразии // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4(5).

Коран / Пер. И.Ю.Крачковского. М., 1990.

Коровиков А.В. Исламский экстремизм в арабских странах. М., 1990.

Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Внешняя политика Саудовской Аравии. М., 2003.

Крымский А.Е. Ваххабиты. М., 1912.

Кудрявцев А. “Ваххабизм”: проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 3 (9).

Кудрявцев А.В. Ислам на Северном Кавказе // Постсоветское мусульманское пространство: Религия, политика, идеология. М., 1994.

Кузнецов Ю.П. Террор как средство политической борьбы экстремистских группировок и некоторых государств. СПб., 1998.

Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе. Ростов н/Дону, 2006.

Лебедева М. Межэтнические конфликты на рубеже веков // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 5.

Левин З.И. Развитие общественной мысли на Востоке. Колониальный период. XIX – XX вв. М., 1993.

Левин З.И. Общественная мысль на Востоке. Постколониальный период. М., 1999.

Левшуков Р.А. Религиозный экстремизм в Карачаево-Черкесской Республике // Ислам на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2001.

Литвинов Н. Борьба с терроризмом в современной России: проблемы и парадоксы // Власть. 1997. № 9.

Личидов В.В. Вопросы международного сотрудничества по предотвращению и борьбе с химическим и биологическим терроризмом // Проблемы внешней и оборонной политики России. Сборник статей / Под ред.

- В.И. Кривохижи; Рос. инс-т стратегич. исслед. М., 2003. Вып. 10. С. 51-87.
- Льюис Б.* Ислам и Запад. М., 2003.
- Ляхов Е.Г.* Политика терроризма – политика насилия и агрессии. М., 1987.
- Ляхов Е.Г.* Терроризм и межгосударственные отношения. М., 1991.
- Ляхов Е.Г., Попов А.В.* Терроризм: национальный, региональный и международный контроль. М., Ростов н/Д, 1999.
- Магомеддадаев А.М.* «Исламская» Россия? Политический ислам на Северном Кавказе: роль внешнего влияния (на примере Дагестана) // Донской юридический институт. Ученые записки. Т. 23. Ростов н/Дону, 2004.
- Макаров Д.В.* Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000.
- Максименко В.И.* Фундаментализм и экстремизм в исламе. Предисловие // Ислам и исламизм / Под общ. ред. Е.М.Кожокина и В.И.Максименко. М., 1999.
- Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. М., 1998.
- Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2004.
- Мальшева Д.Б.* Братья-мусульмане как идейно-политическая сила в арабском мире // Идейно-политические течения в арабских странах. Реферативный сборник ИНИОН. М., 1983.
- Мальшева Д.* Проблемы безопасности на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 1 (3).
- Марченко Г.В.* Россия на Кавказе. Военно-исторический аспект национальной политики в Северокавказском регионе в 20-90 годы XX в. Ростов н/Д, 1999.
- Медведко Л.И., Германович А.В.* Именем Аллаха... Политизация ислама и исламизация политики. М., 1988.
- Мельков С.А.* Исламский фактор и военная политика России. М., 2001.
- Мец А.* Мусульманский ренессанс. М., 1996.

Милославская Т.П. Начальный этап деятельности ассоциации “Братьев-мусульман” // Религии мира. История: Ежегодник. М., 1982.

Мирский Г. Исламский фундаментализм и международный терроризм // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 6 (18).

Млечин Л.М. Кто взорвал Америку? М., 2002.

Патеев Р.Ф. Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность. Ростов н/Дону, 2006.

Полонская Л.Р. Современный исламский фундаментализм: политический тупик или альтернатива развития? // Азия и Африка сегодня. 1994. № 11.

Поляков К.И. Влияние внешнего фактора на радикализацию ислама в России в 90-е годы XX в. (на примере арабских стран) // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / Под. ред. А.Малашенко и М.Б.Олкотт. М., 2001.

Поляков К.И. Исламский фундаментализм в Судане. М., 2000.

Ротарь И. Под зеленым знаменем ислама. Исламские радикалы в России и СНГ. М., 2001.

Сагадеев А. Джихад // Наука и религия. 1986. № 6.

Сагадеев А. Исламский фундаментализм: что же это такое? // Азия и Африка сегодня. 1994. № 6.

Сампиев И.М. О некоторых аспектах противостояния религиозному экстремизму в Северо-Кавказском регионе // Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2001.

Севостьянов И. “Исламский фундаментализм” и исламский экстремизм - это совсем не одно и то же // Международная жизнь. 1996. № 5.

Сейранян Б.Г. Египет в борьбе за независимость. 1945-1952. М., 1970.

Сиван Э. “Радикальный ислам”: причины и последствия террористического насилия // Internationale Politik. 1997. № 8.

Сухов А.В. Радикальный ислам в Киргизской Республике: история и современность. Ростов н/Дону, 2008.

Суций С.Я. Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия). Ростов н/Дону, 2010.

Строева Л.В. Государство исмаилитов в Иране в XI-XIII вв. М., 1978.

Терехов В. «Терроризм», «нераспространение», «права человека» // Аналитические записки. 2004. № 10. С. 151-160.

Терроризм / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. М., 2004.

Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов / Отв. ред. А.А. Шаравин. М., 2002.

Трошев Г.Н. Моя война. Записки окопного генерала. М., 2001.

Филоник А.О., Вавилов А.И. Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии. М., 2004.

Ханаху Р.А., Цветков О.М. Состояние и перспективы ислама в Адыгее // Ислам у адыгов Северного Кавказа / Ред. Р.Д.Хунагов. Майкоп, 2001.

Ханбабаев К.М. Суфизм в Дагестане // Ислам и политика на Северном Кавказе / Северо-Кавказское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып.1 / Отв. ред. В.В.Черноус. Ростов н/Д, 2001.

Харун Яхья. Ислам прокликает террор. Астана, 2002.

Хайретдинов Д. Ислам в Осетии: Информационный материал Исламского Конгресса России. М., 1997.

Эткин М. Ваххабизм и фундаментализм: термины-«страшилки» // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 1(7).

Юрченко В.П. Саудовская Аравия: проблемы противодействия терроризму и исламскому экстремизму // Терроризм. М., 2004.

Яковлев А.И. Социально-политические реформы на родине ислама и Дом Саудов // Ислам и исламизм / Под общ. ред. Е.М.Кожокина, В.И.Максименко. М., 1999.

Ярлыкапов А.А. Ваххабизм на Кавказе // Социально-политическая ситуация на Кавказе. М., 2001.

Ярлыканов А.А. Исламский фундаментализм на Северном Кавказе: к постановке проблемы // Бюллетень № 3 Владикавказского центра этнополитических исследований ИЭА РАН. Владикавказ, 1999.

European Muslim Population. Электрон. дан. Режим доступа: http://www.islamicpopulation.com/Europe_islam.html, свободный.

Islam is the fastest growing religion and the second largest religion in the world. Электрон. дан. Режим доступа:

<http://www.islamicweb.com/begin/results.htm>, свободный.

Islamization of Europe Far Advanced, Battle Cry. January/February, 2005.

House, Jim. Muslim Communities in France, in Muslim Communities in the New Europe, Eds. Gerd Nonneman, Tim Niblock and Bogdan Scajkowski, Reading, UK: Garnet Publishing, 1996.

Roy, Oliver. Globalised Islam: The Search for a New Ummah. London: C. Hurst and Co, 2004.

Savage, Timothy M. Europe and Islam: Crescent Waxing. Cultures Clashing. The Washington Quarterly, Vol. 27, N 3 / Summer, 2004.

The Radicalisation of Muslim youth in Europe: The reality and the threat. Testimony of Claude Moniquet, Director General European Strategic Intelligence and Security Center. 2005. April 27.

Winnet, Robert and David Leffard. Leaked No 10 dossier reveals Al-Qaeda's British recruits // The Sunday Times. 2005. July 10.